

Книга 1

Поход

Часть первая

**Под андреевским
флагом**

...Погибель верна впереди,
И тот, кто послал нас на подвиг ужасный, —
Без сердца в железной груди.
Мы — жертвы!..
Мы гневным отмечены роком...
Но бьет искупления час —
И рушатся своды отжившего мира,
Опорой избравшего нас.
О день лучезарный свободы родимой,
Не мы твой увидим восход!
Но если так нужно — возьми наши жизни...
Вперед, на погибель! Вперед!

П. Я.

Глава 1

Я ПОЛУЧАЮ НАЗНАЧЕНИЕ

Сентябрь укорачивал дни и удлинял ночи. По утрам чувствовалась приятная прохлада. Прозрачнее становились дали, яснее вырисовывались берега, омываемые водами Финского залива. Вчера учебно-артиллерийский отряд вернулся из плавания в Кронштадт и, отсалютовав семью выстрелами крепости, бросил якорь на большом рейде. Отряд возглавлял флагманский крейсер 1-го ранга «Минин», на котором я проплавал в качестве баталера летнюю кампанию 1904 года. Кончалась наша кампания. Ожидали приказа главного командира Балтийского флота втянуться в гавань и разоружиться. И наши корабли останутся там на всю зиму, скованные льдами до следующей весны. А мы переселимся во флотский экипаж, в крупнейший трехэтажный кирпичный корпус, что стоит на Павловской улице.

Был полный штиль. Безоблачная высь по-летнему обдавала теплом. На востоке смутно обозначался Петербург, подернутый сизой дымкой. А если посмотреть в обратную сторону, то перед взором, постепенно расширяясь, все просторнее развевывался водный путь. Он вел к Балтийскому морю, исчезая в безбрежности и отливая свинцовым блеском. Там, в солнечных лучах, мерцал Толбухин маяк, как одинокий перст, показывающий курс морякам.

Из Кронштадта, из Петровского парка, оттуда, где стоит памятник первому создателю русского флота, докатился до нас выстрел пушки, возвестивший полдень. На кораблях, отбивая склянки, зазвонили в колокола. Вместо послеобеденного отдыха я ушел на бак, уселся на палубу и, привалившись к чугунному кнехту, занялся чтением газет. Вокруг меня, слушая чтение, расположилось десятка три матросов, все в парусиновой одежде, все босые.

Одни сидели в различных позах. Другие лежали, подложив кулаки под голову.

Война с Японией возбудила особый интерес к газетам.

Несмотря на строгость цензуры, мы хорошо знали, что дела наши на Дальнем Востоке идут плохо. Наши руководители, ослепленные прежней славой, думали, победоносно сокрушив врага подписать мир не иначе как в японской столице Токио. Но вышло по-иному. Русские сухопутные войска, не выдерживая натиска противника, отступали из Кореи в Маньчжурию. Порт-Артур был осажден. 1-я Тихоокеанская эскадра, заблокированная в этом порту неприятельским флотом, бездействовала.

А сегодня с большим опозданием напечатана статья, в которой более или менее подробно сообщалось о двух сражениях на море. Сущность статьи была такова:

28 июля 1-я Тихоокеанская эскадра сделала попытку прорваться во Владивосток, но кончилось это полной неудачей. С рассветом наша эскадра стала вытягиваться на рейд, а к двенадцати часам в сорока милях от Артура она встретилась с японцами. Произошла первая перестрелка на дальней дистанции. С нашей стороны участвовали в бою шесть броненосцев, которые вел «Цесаревич» под флагом адмирала Витгефта. Против них адмирал Того, держа свой флаг на броненосце «Микаса», выставил четыре броненосца и три бронепойных крейсера. Мелкие суда с той и другой стороны на ход событий почти не влияли. Вскоре обе эскадры разошлись контргалсами, не причинив друг другу существенных повреждений. И только в четыре часа снова возобновился бой, уже на параллельных курсах. Сражение продолжалось до самой ночи. Ни та, ни другая сторона не уступали. Но в шесть часов вечера японский снаряд большого калибра разорвался на «Цесаревиче» около боевой рубки. Адмирал Витгефт был убит, штабные чины и командир судна оказались тяжело ранены. Броненосец с поврежденным рулевым приводом выкатился из строя и стал описывать циркуляцию. Тогда броненосец «Ретвизан», намереваясь прикрыть собою флагманский корабль, бросился вперед, в сторону неприятеля. Японцы, испугавшись решительных действий «Ретвизана», отступили, надвигалась ночь.

Перед нашей эскадрой открылся свободный путь на Владивосток. Но в ней самой произошло замешательство. Часть судов направилась в нейтральные порты, а остальные, избитые, руководимые нерешительным адмиралом Ухтомским, вернулись обратно в Порт-Артур. Не лучше обстояло дело и с владивостокским отрядом, состоявшим из трех крейсеров: «Россия», «Громобой» и «Рюрик». Они вышли было на соединение с Артурской эскадрой, но 1 августа встретились с кораблями адмирала Камимура. Произошел бой. В результате «Рюрик» погиб на месте, а два других крейсера вынуждены были отступить в свой прежний порт.

— Теперь могила им, — вздохнув, сказал машинист самостоятельного управления Сычев.

К нему повернулось несколько голов.

— Кому могила?

Сычев лежал навзничь, прикрыв ресницами глаза от солнца. Лицо у него было бледное. Выдержав короткую паузу, он утомленно ответил:

— Кораблям первой эскадры. Не вырваться больше им из Порт-Артура. Наши морские силы там убавились, а японцы ничего не потеряли. Впрочем, большим воротилам нашим это будет наука. Только людей жалко.

Артиллерийский унтер-офицер Бобков, резвый краснощекий парень, слабо возразил:

— Скоро отправится вторая тихоокеанская эскадра. Она выручит их.

Сычев приподнялся на локоть и, открыв черные пронизательные глаза, посмотрел на артиллериста в упор.

— Голова у тебя, как у вола, а соображения на грош. Пойми: пока твоя вторая эскадра собирается, пока тронется в путь да пока доползет туда, Порт-Артур к тому времени, как спелое яблочко, попадет в руки японцев, а все тамошние суда будут лежать на дне морском.

Раньше, когда 2-я Тихоокеанская эскадра только спешно вооружалась, многие еще не верили, будет ли на самом деле послана она на Дальний Восток. Но теперь никаких сомнений не было. Дней девять тому назад большая часть судов этой эскадры пришла из Кронштадта в Ревель. Мы видели их собственными глазами. На рейде были построены в ряды броненосцы: «Князь Суворов», «Император Александр III», «Бородино», «Ослябя», «Сисой Великий» и «Наварин»; крейсера 1-го ранга: «Аврора», «Адмирал Нахимов», «Дмитрий Донской» и «Светлана»; крейсер 2-го ранга «Алмаз»; миноносцы: «Бедовый», «Безупречный», «Блестящий», «Бодрый», «Буйный», «Быстрый» и «Бравый».

Командовал эскадрой адмирал Рожественский, держа свой флаг на «Суворове».

Позднее должны были присоединиться к эскадре броненосец «Орел» и два крейсера — «Олег» и «Изумруд». Эти корабли пока достраивались в Кронштадте.

В газетах я прочел вслух бодрую статью. Автор, размышляя о 2-й Тихоокеанской эскадре, возлагал теперь на нее все надежды. Она, соединившись с остатками 1-й Тихоокеанской эскадры, разобьет японский флот и завладеет морем. А тогда и сухопутные неприятельские войска, отрезанные водным пространством от родины, вынуждены будут сдаться. Словом, победа за нами обеспечена.

Кто-то из матросов промолвил:

— Говорят, наш флот в три раза сильнее японского. А вот, поди ж ты, колошматят нас.

— Дураков и в алтаре бьют, — вставил опять Сычев. Он закурил папиросу и снова заговорил:

— Ни черта из этой затеи не выйдет. Первая эскадра была сильнее второй, имела боевой опыт, была знакома с местными условиями плавания. И что же получилось? Запертая оказалась в Порт-Артуре, как в западне. А с этой — куда уж лезть нам?!

— Да, снарядили корабли, на скорую руку, кое-как. Посадили на них запасных. Какой может быть дух у людей?

— Хоть было бы за что воевать, а то за дрова.

В разговорах вопреки официальным сообщениям, все чаще и чаще указывали как на причину войны на лесные концессии в Корее, на реке Ялу, где были замешаны адмиралы Абаза, Безобразов и высочайшие особы. Слух об этом давно уже начал проникать и на корабли. Даже среди отсталых матросов заколебался престиж власти, а война все больше и больше теряла свою популярность.

На палубе просвистала дудка, а вслед за ней раздался голос:

— Баталера Новикова — к командиру!

Что-нибудь важное случилось, раз требует к себе сам глава судна. Бросив газеты, я помчался в знакомую каюту, на бегу одергивая фланелевую рубаху.

Перешагнул через порог раскрытой двери и сдернув с головы свою бескозырку, заявил:

— Имею честь явиться, ваше высокоблагородие.

Капитан 1-го ранга, типичный немец, законник, рылся в это время в книжном шкафу. Услышав мой голос, он повернулся ко мне, высокий и широкоплечий. Я беспокожно уставился на него, стараясь догадаться, зачем он вызвал меня.

Но ни в чертах его крупного лица, грубоватого, с короткой ежистой бородкой, ни в строгих серых глазах не было никаких признаков раздражения.

Он мирно поздоровался со мной, а потом, подойдя к письменному столу, взял бумажку и хрипловато заговорил:

— Вот здесь пришло предписание штаба порта. Мне очень не хотелось бы тебя, как опытного баталера, отпускать со своего судна, но ничего не могу поделать. Ты переводишься на другое. Сейчас же сдай свои дела ревизору и отправишься по назначению.

Я широко раскрыл глаза.

— Осмелюсь спросить, ваше высокоблагородие, куда?

— На броненосец «Орел».

Он произнес эту фразу тихо, но у меня от нее зазвенело в ушах. У меня не было никакого желания воевать. Другие идеи бродили в моей голове. Я был весь в ожидании больших политических перемен внутри страны. Я готовился к работе, усиленно занимался самообразованием. Наметил себе программу для зимних занятий в неслужебные часы, собирался прикупить на берегу много новых книг.

Но кто-то решил мою судьбу по-иному.

— Путешествие тебе предстоит весьма интересное. Много увидишь. С японцами повоюешь. А главное, есть возможность искупить то преступление, в которое, как я полагаю, ты запутался по своей темноте.

Это был намек на то, что я находился под следствием как политический преступник.

Командир, выждав момент, добавил:

— Я полагаю, что ты должен быть доволен своим новым назначением.

В мозгу моем крутилась мысль, что я так же этим доволен, как бывает, вероятно, доволен бык, которого ведут на бойню, но вслух я сказал по-казенному:

— Очень рад, ваше высокоблагородие.

Я покрылся потом, губы подергивались, а командир все еще не отпускал меня.

— Я так и знал. В таком случае поздравляю тебя.

О, если бы можно было перемениться ролями! Как бы я мог великолепно поздравить его, сколько хороших слов наговорить! Кажалось, что командир издевается надо мной, но он был серьезен и смотрел на меня строго, ожидая ответа. И я, еле ворочая языком, пробормотал заученные слова:

— Покорнейше благодарю, ваше высокоблагородие.

Я вышел из каюты, словно отравленный мутью. Оглядываясь, постоял немного на верхней палубе. Ничего не изменилось. Около нас жидко дымили в небо другие суда: «Европа», «Абрек», «Посадник», «Воевода». Вдали туманилась гавань с многочисленными кораблями. За ней, на острове Котлин, разбросался Кронштадт с его громадными военными складами, доками, каналами и корабельными мастерскими, с учебными заведениями и публичными домами. Пять лет я прослужил в этом городе, но теперь он стал для меня чужим и холодным.

На блестящей поверхности Финского залива там и здесь, как бугристые зеленые заплата, виднелись клочья земли, — то были грозные форты, защищающие подступы к столице с моря. Сияло солнце, плывя в небесной лазури золотым альбатросом, а мой мозг кипел безнадежными мыслями. Итак, отныне я буду непосредственным участником военных действий.

Через несколько часов мне предстоит отправиться на новое место своего жительства — на броненосец «Орел». И я не могу поступить иначе, ибо моя воля захлестнута крепким арканом военной дисциплины.

Глава 2

НА НОВОМ КОРАБЛЕ

Броненосец «Орел» стоял в гавани, пришвартованный к внутренней ее стенке.

С первого же взгляда, когда я только приблизился к нему, он поразил меня своими размерами. В сравнении с прежним старым моим крейсером этот казался великаном, мрачным красавцем. Весь он был черный, закован в броню крупновской стали, с массой надстроек. На баке укрепилась грузно вращающаяся башня, из амбразур которой выглядывали два длинных дула двенадцатидюймовых орудий, другая такая же башня угрожала с кормы. Кроме того, еще шесть башен расположились по бортам с парой шестидюймовых орудий каждая. Главная разрушительная мощь заключалась именно в этой артиллерии.

Двумя этажами ниже находилась батарейная палуба с 75-миллиметровыми скорострельными пушками, назначение которых было защищать броненосец от нападения миноносцев. Над палубой громоздились мостики: передний — в три яруса, с боевой рубкой, и задний — в два яруса. На них тоже были пушки, но уже совсем мелкие — 47-миллиметровые. Для того чтобы можно было

в темноте разыскивать противника, мостики были вооружены ночными глазами электрических прожекторов. На середине судна возвышались две большие трубы, окрашенные в желтый цвет, с траурной каймой наверху. Между ними, на рострах, в специальных гнездах находились минные и паровые катеры, баркасы, шлюпки. Фок-мачта и грот-мачта соединялись антенной радиоаппарата.

На каждой мачте виднелся марс — круглая площадка, обнесенная железными листами, откуда хорошо наблюдать за приближением неприятельских судов.

С «Орла» доносился грохот. Это мастера достраивали отдельные его части.

С баржей, причаленных к борту броненосца, матросы перегружали на него снаряды, какие-то ящики, бочки, слышались выкрики людей, свистки капральских дудок, звон железа, лязг подъемных лебедок.

Я сначала взшел на верхнюю палубу, в шум и человеческую суегу, а потом спустился в канцелярию. Там застал старшего писаря Солнышкова. Это был разбитной, веселый парень. От него впервые узнал, кто мои непосредственные начальники: старший баталер, сверхсрочник, кондуктор Пятовский и ревизор лейтенант Бурнашев. Давая характеристику им, писарь сказал о первом:

— Человечишка так себе — ни богу свечка, ни черту кочерга. Лапоть, начищенный ваксой. Жадный, любит копейку нажить, но умом слабоват. Этот не может на дамских шпильках щук ловить.

— А ревизор как? — спросил я.

— Распух от лени. Ни во что не вникает. Бумажки подписывает, не читая их. Служит на корабле больше для фасона, как в горнице мебель, на которую не садятся.

Рассказывая, писарь играл бровями и беспечно посмеивался. Он оказался очень словоохотливым. На всякий случай нужно было узнать от него и о других лицах: каков старший офицер, каковы боцманы. На любом судне эти персоны играют для команды самую важную роль.

— Старший офицер у нас капитан 2-го ранга Сидоров. Он из Питера. Раньше заведовал кают-компанией в Крюковских казармах. Танцор и дамский сердцегрыз, каких мало. Вид имеет грозный, любит иногда пошуметь, а никто его не боится... Что? Насчет боцманов? Младшие — Воеводин и Павликов.

Можно с ними дружить. А старший, Саем, — шкура. Рад до смерти, что дослужился до кондукторского звания. Больше ничего ему не надо. Офицерский угодник, хотя дело свое знает хорошо.

На этих трех боцманов старший офицер Сидоров выезжает, как на тройке гнедых.

В канцелярию вошел человек с серебряными кондукторскими погонами на плечах. Худощавое серое лицо его с русыми усиками ничем особенным не отличалось, кроме деловой озабоченности. Сейчас же выяснилось, что это был Пятовский, старший баталер. Когда он узнал, кто такой я, то, обращаясь ко мне, заговорил быстро на вятском наречии:

— Премного благодарен, что явились вы. Значит, вместея пороботаем. А то я замаялся совсем.

Я отправился к ревизору. Лейтенант Бурнашев сидел у себя в каюте за письменным столиком. На мой голос он повернулся. Круглое прыщеватое лицо его с толстыми губами было сонное, точно он не умывался сегодня. Смотрел он на меня долго, словно что-то соображая, и процедил:

— Хорошо. Иди к старшему офицеру.

Капитана 2-го ранга Сидорова я разыскивал долго, пока, по указанию матросов, не встретился с ним в батарейной палубе. Подал ему принесенный с собор пакет. Он начал читать бумаги, а я тем временем рассматривал нового своего начальника. На широких плечах его надежно покоилась седая голова.

Сытое лицо заканчивалось внизу острой бородкой, а над сочными губами красовались большие усы, словно две белые моркови, торчавшие в стороны своими хвостами. Возвращая мне бумаги, он оглядел меня с ног до головы, прищуривая то один глаз, то другой, и соответственно с этим усы его приподнимались и опускались, как семафоры.

— Ну за дело! Работы у тебя будет много. Все твои помещения должны быть полны провизией.

— Есть, ваше высокоблагородие.

— Лишней чарки команде не давать. Если узнаю об этом, пощады не проси. А сам ты водку пьешь?

— Ни разу в жизни не был пьян.

— Отлично. Только не нравится мне — нет в тебе достаточной бодрости.

— Таким меня мать родила.

Без всякой злобы, словно для того только, чтобы показать перед мною свое превосходство, он выругался и пошагал от меня прочь.

Аудиенция наша закончилась.

За пять лет службы я так ко всему привык, что перестал чувствовать оскорбления. Вечером мне выдали подвесную парусиновую койку с матрацем, набитым мелкой пробкой. В списках судо-

вой команды против моей фамилии был поставлен номер. Под этим номером, согласно судовому расписанию, я буду выполнять свои обязанности во время той или иной тревоги. Прежнюю ленту на фуражке заменили другой, с надписью: «Орел».

Итак, я стал членом новой семьи в девятьсот человек, собранных со всех концов России. Проходили дни, полные забот, и каждый из них исчезал в небытии, как падающая капля в земле. На судне была горячка. Нужно было выполнять канцелярские обязанности, составлять отчетности, писать требования, накладные и в то же время принимать из портовых складов солонину в бочках, галеты в ящиках, сливочное масло в запаянных железных банках, крупу, соль, сухари, муку. Все это проделывалось в спешном боевом порядке.

Людей, назначаемых нам в помощь, не хватало. При погрузке старший баталер Пятовский прикрикивал на них:

— Живо, живо! Мясо есть любите, а таскать не хотите.

Помимо баталеров на судне были и другие содержатели казенного имущества: машинный, минно-артиллерийский и подшхипер. Они тоже принимали разные запасы, каждый по своей специальности. Таким образом, к «Орлу» непрерывно приставали баржи, баркасы, катеры, и железный великан поглощал все, что они подвозили. Казалось, не дожидаться того дня, когда наполнятся все огромнейшие помещения судна.

В свободные часы, каких, правда, у меня было мало, я осматривал внутреннее устройство броненосца. Прежде всего, бросалось в глаза распределение жилых помещений. Половина корабля в сторону кормы была отведена под офицерские каюты, в числе которых имелись даже запасные, сделанные на тот случай, что, может быть, сам адмирал со своим штабом вздумает переселиться к нам.

Отсюда исходили все распоряжения, которые мы должны были выполнять, ибо здесь жили наши повелители — три десятка офицеров. А во второй половине, носовой, помещались матросы со своими капралами и боцманами, а также кондукторы — всего около девятисот человек. Кондукторы и боцманы тоже имели каюты. А мы жили в невероятной тесноте. Но меня больше интересовала другая сторона броненосца. Он был создан по самой новейшей конструкции.

Спускаясь по трапам с одного этажа на другой, я заглядывал во все его помещения, во все закоулки, в многочисленные железные лабиринты. Не считая главных машин, котлов, башен, артиллерии, минных аппаратов, радиорубки, я всюду наткнулся на какие-то вспомогательные механизмы, добавочные приборы.

Во всех отсеках, то переплетаясь между собой, то расходясь в разные стороны, проходили электрические провода, переговорные трубы, паровые или водопроводные трубы с обилием всевозможных клапанов. То же самое было и за двойным бортом, батарейная палуба и башни соединялись элеваторами с бомбовыми погребами, расположенными на самом дне, где у нас должны были храниться огромнейшие запасы пороха и разных снарядов. Короче говоря, удивлению моему не было границ перед всей сложностью этого железного чудовища.

Глава 3

РАЗГОВОР С БОЦМАНОМ

Один философ сказал: «Учись хорошенько слушать, ибо это полезнее, чем хорошо говорить». В моем положении ничего не оставалось, как взять это изречение за руководство в своем поведении на корабле. Я догадывался, что нахожусь под негласным надзором. Недаром старший офицер сразу запомнил мое лицо и при каждой встрече смотрел на меня подозрительно. Хотелось бы только узнать, кому поручено следить за мною.

Но это не мешало мне самому познавать, чем дышит команда, изучать характеры офицеров и организацию службы на корабле, а впоследствии — и всей нашей эскадры.

Пока что для меня ближе был личный состав нижних чинов. Многие матросы были призваны из запаса. Эти пожилые люди, явно отвыкнув от военно-морской службы, жили воспоминаниями о родине, болели разлукой с домом, с детьми, с женой. Война свалилась на них неожиданно, как страшное бедствие, и они, готовясь в небывалый поход, выполняли работу с мрачным видом удушенных.

В число команды входило немало новобранцев. Забитые и жалкие, они на все смотрели с застывшей жутью в глазах. Их пугало море, на которое они попали впервые, а еще больше — неизвестное будущее. Даже среди кадровых матросов, кончивших разные специальные школы, не было обычного веселья. Только штрафные, в противоположность остальным, держались более или менее бодро.

Береговое начальство, чтобы отделаться от них, как от вредного элемента, придумало для этого самый легкий способ: списывать их на суда, отправляющиеся на войну. Таким образом, к ужасу старшего офицера, у нас набралось их до семи процентов.

Среди штрафных иногда прорывалась удаля:

— Ничего, братцы, повоюем!

— Может, на японочках женимся!

— Снаряд — дурак, он не разбирает, штрафной ты или нет. Всех одинаково будет укладывать без всякой панихиды.

Один из вечеров я провел в маленькой каюте, что расположена в жилой палубе с правого борта. Она принадлежала двум младшим боцманам. Оба отличались солидностью роста, шириной плеч, здоровым загаром щек. Один из них, Иван Епифаньевич Павликов, был круглолиц, белокур, с длинными ресницами, под которыми сыто поблескивали светлые глаза. Он шагал по палубе важной и неторопливой походкой барина. Его удручала не столько война, сколько разлука с возлюбленными, портреты которых были развешены над столиком. О своих победах над женщинами он рассказывал со всеми подробностями, весело при этом посмеиваясь. Он нравился мне меньше, чем второй боцман — Максим Иванович Воеводин. Последний был серьезнее и вдумчивее. По-видимому, на все явления жизни у него сложился определенный взгляд практического человека. И только по временам его лицо, сероглазое, с высоким лбом, с золотистыми усами, нахмурившись, принимало такое выражение, как будто он решал трудную задачу. Боцманы не могли не дружить со мной. Я заведовал водкой. А они оба слишком были сильны, чтобы удовлетвориться законной чаркой. Это ставило их в некоторую зависимость от меня. Я и раньше слышал о странных случаях, происходивших с «Орлом». Но теперь от боцмана я узнал об этом подробнее.

Павликов рассказывал мне густым баритоном:

— Худая слава сложилась о нашем броненосце. Началось это с Петербурга.

Когда только «Орел» строился, он чуть не сгорел от пожара на Галерном острове. А в тысяча девятьсот третьем году, будучи спущен на воду, он во время наводнения полез было на берег. Едва удалось спасти его. Этой весной привели броненосец в Кронштадт и так же, как теперь, пришвартовали его правым бортом к стенке. Швартовы были толстые и крепко завернуты за пвалы и кнехты на стенке. В этот же день почему-то начался крен на левый борт. К вечеру крен дошел до тридцати градусов. Что случилось? Никто ничего не знал.

Легли спать. Вдруг ночью лопнули все швартовы. Броненосец повалился набок.

Загрохотали все предметы, что не были закреплены. В батарейной палубе загудела вода. Люди вскочили со своих коек и в одном нижнем белье бросились к выходам. В темноте поднялся невообразимый шум, гвалт. Всех охватила такая паника, как будто корабль взорвало миной. Выбрались мы все на стенку, мало-пома-

лу в себя пришли. Смотрим — «Орел» наш совсем на боку лежит. Можно сказать, утонул без войны в своей собственной гавани. Хорошо, что мелко было. И то все-таки потом две недели бились с броненосцем, чтобы поднять его.

— Что же такое случилось с ним? — спросил я.

Павликов только руками развел, но вместо него пояснил Воеводин:

— По-моему, непонятного тут ничего нет. Морской канал между Петербургом и Кронштадтом недостаточно глубок. Чтобы прошел по нему наш броненосец, пришлось с него снять броневые листы нижнего пояса. Дыры от болтов заткнули деревянными пробками. Но кто-то выбил эти пробки. Через эти дыры и начала проникать вода внутрь судна. Потом она через орудийные полуports пошла, когда судно сильно накренилось. Кто тут был виновником? Указывали, будто японцы ночью проникли к нам. Но все это чепуха на птичьем молоке.

Скорее всего, свои это проделали, матросы. Вот недавно, как идти нам на пробу, обнаружили в подшипниках машины стальные опилки. Если бы только вовремя не заметили этого, застряли бы в Кронштадте надолго. Может быть, совсем не пришлось бы идти на войну. На других судах тоже подобные случаи были. Взять, например, крейсер «Олег», вышел он в море на пробу машин.

Слушают, что такое стучит в цилиндре низкого давления? Разобрали цилиндр.

Внутри его заметили борозды. Оказалось, куски стали попали в него. Вот и любопытно узнать, как попали они в закрытый цилиндр?

Я спросил:

— По-вашему, все это проделывают свои же матросы только для того, чтобы избавиться от участия в войне?

Воеводин покрутил золотистые усы, пытливо взглянул на меня. Лицо его стало суровее. Казалось, что он сейчас разразится бранью, но я услышал тихий голос с нотками разочарования:

— Хорошо не знаю, а выходит, как будто так. Плохо стало служить. Того и гляди, матросы изобьют.

— За что же изобьют, если вы их сами не тронете?

— Вы еще многое не понимаете. Есть у нас на судне такие сачки. Они в законах справляются, ищут такое преступление, за которое бы можно посидеть не больше года в исправительной тюрьме. Недавно на крейсере «Алмаз» трое матросов избили боцмана. На некоторых судах фельдфебелям досталось. У нас пока в другом роде проступки совершили. Что им год просидеть в исправительной тюрьме? Зато живыми останутся, расчет верный.

Потом Воеводин рассказал, как увечат себя матросы, чтобы попасть в госпиталь и таким образом избавиться от злополучного броненосца.

— Некоторые из команды усиленно курили натошак, глотая дым до рвоты, а потом пили воду, крепко настоянную на табаке. Это продолжалось изо дня в день, целые недели. Когда такой человек являлся в судовой лазарет; то у него, как у паралитика, тряслись руки и ноги, а лицо выглядело мертвенно-зеленым, с блуждающими, мутными глазами. Он и в госпитале, чтобы подольше задержаться там, не переставал таким образом отравлять себя.

Иногда это кончалось смертью. Один новобранец гвоздем проткнул себе барабанную перепонку и, не выдержав боли, заорал истощенным голосом, кружась и приплясывая, как полоумный. Злонамерение его было открыто. Много и других увечий было. Пожилой кочегар, призванный из запаса, решил заразиться венерической болезнью, в надежде, что месяца через два-три доктора вывечат его. Пока он выйдет из госпиталя, «Орел» будет уже далеко в пути. Кочегар начал ходить по самым грязным притонам. Истратился, продал все, что только можно продать, а болезнь к нему никак не приставала. Кто-то научил его найти уже зараженного человека и сделать себе искусственную прививку. Кочегар данный совет выполнил в точности. После этого ждал, пока не появились признаки болезни, а вчера явился в судовой лазарет. Врач, осмотрев его, спросил: «Женат?» — «Так точно, ваше высокоблагородие». — «И дети есть?» — «Трое» — «Дурак! Дошлялся по вертепам. Сифилис у тебя».

Кочегар хотел заболеть, но не такой серьезной болезнью, а теперь, выслушав приговор врача, побледнел.

Воеводин, кончив рассказывать, вздохнул и промолвил:

— Да, война войне рознь. А на эту никому неохота идти.

Я ушел от боцмана в раздумье. Почему так неудачно складывается эта война?

Ведь били же в старину русские всех подряд на суше и на море. Вероятно, они тогда шли на войну с другими настроениями.

Глава 4

ПРОЩАЙ, КРОНШТАДТ!

Наш «Орел» был такого же типа, как «Бородино», «Александр III» и «Князь Суворов». Они так походили друг на друга, словно были близнецами. Эти четыре броненосца, самые новейшие и мощные, составляли главное ядро эскадры. Без нашего корабля эскадра не могла уйти. Поэтому адмирал Рожественский торопил нас.

Наконец-то «Орел» наполнился разными припасами до отказа, нагрузился настолько, что нижняя полоса броневой защиты ушла в воду. Правда, мелкие постройку оставались на нем еще не законченными, но решено было взять с собой около сотни человек мастеровых. Наступила пора расстаться с Кронштадтом и, оторвавшись от стенки, двинуться в далекий путь. Это произошло 17 сентября в четыре часа вечера.

Два буксирных парохода, сильно отбрасывая водные буруны, медленно выводили броненосец на рейд. Небольшой ветер беспечно забавлялся поверхностью Финского залива, покатывая мелкие волны. Небо затягивалось жидкими облаками.

Скрываясь за мглой, солнце светило тусклым, словно подводным светом. Со стенки гавани, провожая нас, помахивали нам военными фуражками, шляпами, белыми платочками. А у нас на палубе угасала последняя береговая суета. То в одном месте, то в другом появлялась плотная и неповоротливая фигура старшего офицера Сидорова с озабоченным усадым лицом. На переднем мостике среди других офицеров выделялся своим высоким ростом лейтенант С.Я. Павлинов, чернобровый красивый мужчина. Там же находился и командир судна, капитан 1-го ранга Николай Викторович Юнг. Этот среднего роста, ладно сложенный пожилой холостяк, как всегда, был аккуратно одет в новенькую тужурку, с золотыми двухпросветными погонами на плечах, в накрахмаленном воротничке безукоризненной белизны. Несмотря на порядочный возраст, он сохранил удивительную свежесть лица. Что-то располагающее было в его румяных щеках, в русой бороде, в приветливом взгляде синих глаз. Он запретил на судне мордобойство.

У него был один недостаток — это излишняя нервность и ненужная суетливость в распоряжениях.

Двумя часами позже с мостика неожиданно раздались тревожные выкрики.

Командир отчаянно замахал руками. Не сразу все поняли, что произошло.

Оказалось, на фарватере наш броненосец, разворачиваемый двумя буксирами, плотно сел на мель.

Матросы смеялись:

— Кончилась наша кампания.

— Забирай, ребята, чемоданы и айда в экипаж!

На мостике происходил переполох. Командовали дать ход вперед, назад.

Буксиры пробовали тянуть вправо, влево, но броненосец оставался неподвижным. Тогда командир закричал:

— На лотах! Как глубина?

Глубина фарватера оказалась двадцать семь футов, тогда как судно, благодаря своей перегруженности, сидело в воде на полтора фута больше.

Произошло событие чрезвычайной важности. На «Орел» вскоре явилось все портовое начальство, возглавляемое главным командиром порта, командующим Балтийским флотом вице-адмиралом Бирилевым.

Кто во флоте не знал этого хитрого старика! Коренастая фигура, решительная походка, загорелое, почти бронзовое лицо с массой мелких сухих морщинок, борода клинышком, короткие усы, черные острые глаза, большие уши — все эти внешние черты его нам хорошо были знакомы. Происходя из старинной дворянской фамилии, очень богатой, владевшей крупными поместьями, адмирал, по старым морским традициям, кормил за свой счет весь свой штаб, всех своих флагманских специалистов и даже ординарцев. Обеды у него всегда были прекрасные, приготовленные хорошим поваром, и сопровождалась выпивкой дорогих вин, хотя сам он никогда не напивался допьяна. Считался хлебосольным начальником, но зато был строг по службе и требователен к своим подчиненным.

Любил часто делать смотры, и в таких случаях редко обходилось без того, чтобы он не поиздевался над командирами судов и вообще над офицерами — без шума, но тонко и ядовито.

С командой он заигрывал. Случалось, придравшись к какому-нибудь пустяку, он нагонял страх на провинившегося матроса, выкрикивая повышенным голосом:

— Что мне делать с тобой, разбойник? Повесить тебя — жалко, сослать на каторгу — мало. Не могу придумать...

Перепуганный матрос тарашил глаза на Бирилева, а тот, натешившись, неожиданно менял гнев на милость:

— К счастью твоему, вижу по твоей морде, что ты можешь исправиться по службе. В следующий раз, каналья, не попадайся. Немедленно прикажу накинуть петлю на шею и подтянуть к рее.

И совал матросу двугривенный.

Бирилев надеялся не столько на современную технику, сколько на несокрушимый дух русского моряка. Для него было большое удовольствие, если офицеры приглашали его на обед в свою кают-компанию. Тогда он целыми часами рассказывал им о своих морских приключениях, о столкновении с адмиралом Макаровым и Верховским, при этом по обыкновению сильно привирая и хвастаясь своими познаниями в военно-морском деле. Во время разговора у него постоянно прорывалась фраза:

— Я как боевой адмирал...

Однажды сидевший с ним вместе за столом мичман Рошачковский спросил:

— Позвольте, ваше превосходительство, узнать, в каких боях вы участвовали?

Бирилев покраснел и ответил враждебно:

— В боях я не бывал, но все мои стремления направлены к боевой подготовке нашего флота, чего у других адмиралов нет. Вот что дает мне право называть себя боевым адмиралом.

Во флоте Бирилев прославился главным образом собиранием иностранных орденов. В этом отношении никто из морских воротил не мог с ним соперничать.

Когда-то, будучи еще контр-адмиралом и командуя отрядом судов в Средиземном море, он не столько занимался морским делом, сколько посещал высочайших особ разных государств. В Италии происходили большие национальные торжества. Наш средиземноморский отряд пришел в Неаполь.

Адмирал Бирилев со своим флаг-офицером Михайловым поехал в Рим, где был принят королем Виктором Эммануилом II и королевой Еленой. Адмирал во время обеда искусно развлекал королеву своими всегда остроумными рассказами.

Король пожаловал ему итальянский орден. Побывал он и в Тунисе, где получил звезду от туземного бея. Турецкий султан праздновал двадцатипятилетний юбилей своего царствования. Разве можно было пропустить такой случай?

Адмирал на канонерской лодке «Кубанец» отправился в Дарданеллы, а оттуда, пересев на поезд, проехал в Константинополь, чтобы представиться султану и поздравить его с юбилеем славного, мудрого и счастливого царствования.

Растроганный таким вниманием султан наградил его звездой «Меджидие». А как не побывать еще в Греции, на острове Корфу, где должна была произойти свадьба великого князя Георгия Михайловича с греческой принцессой Марией Георгиевной? Расчет был сделан верно. После бракосочетания молодых на груди адмирала засияла новая звезда. В болгарской столице Софии он посетил царя Фердинанда, и здесь также его наградили орденом. Потом отправился в Сербию на свидание в Белграде с королем Александром и королевой Драгой.

Казалось, время для посещения королевской четы было выбрано довольно неудачное. Королева горевала после неблагополучных родов. Король буйствовал, и к нему никто не рисковал подступить. Ни наш посланник, ни министр сербского двора не

могли выхлопотать Бирилеву аудиенцию. Но он был настойчив и не унывал. Прожив недели две впустую, он через какую-то придворную даму добился свидания с Драгой. Он так мастерски успокоил королеву, что она благодарила его за сердечное отношение к ней. А через нее он уже подкатился и к самому королю. В результате коллекция звезд его увеличилась. Вообще адмиралу везло. Всюду, где бы он ни столкнулся с той или иной высочайшей особой, его награждали орденами. Чтобы получить таковые, он не стеснялся никакими средствами, доходя в своей изобретательности до виртуозности. В Мадриде он прожил больше недели, добиваясь аудиенции у короля. Это было перед пасхой, Альфонс XIII и королева в это время говели и никого не принимали. Адмирал терпеливо ждал и только на второй день пасхи представился им в цирке во время боя быков.

Король был в прекрасном расположении духа, милостиво беседовал с русским адмиралом и, сняв с одного из своих придворных моряков звезду, лично приколот ее на грудь Бирилева. Больше ему нечего было делать в цирке. Он сейчас же покатил на вокзал и сел на поезд. Вернувшись в Барселону, где его поджидал отряд русских судов, он переправился на канонерскую лодку «Храбрый». Нельзя было терять времени: в Виллафранке находился президент французской республики Лубе. Погнали судно, оставляя позади отряд.

Кочегары, орудуя в топках, так старались, что на «Храбром» дымовая труба, накалившись докрасна, прогорела. Свидание с президентом все-таки состоялось.

Грудь Бирилева украсилась еще одной звездой — ордена Почетного легиона.

Когда со своим отрядом он вернулся в отечественные воды, о нем говорили во флоте:

— Его превосходительство благополучно закончил свой крестовый поход.

Я не раз видел Бирилева в полной парадной форме, и меня всегда поражало обилие наград. Медали, ордена, звезды, большие и малые, не умещааясь на его груди, разбегались по бокам, спускались к бедрам. Он весь сиял, как святочная, богато убранная елка. Молодые офицеры острили над ним:

— Адмирал Бирилев не столько блеснит умом, сколько своими звездами.

Наша 2-я эскадра, причиняя ему много хлопот, ничего не могла прибавить к тем его наградам, какие у него уже имелись. Он старался скорее избавиться от этих судов, снабдив их кое-как материальной частью и совершенно не подготовленным к войне личным

составом. А тут, как на грех, «Орел» сел на мель, как будто проявляя намерение совсем остаться в Кронштадте.

Адмирал был очень недоволен. На палубе, встретившись с командиром, он сделал ему строгий выговор, заикаясь при этом дольше обычного. А потом, быстро поднявшись на мостик, распорядился:

— Выв-ызз-вать ком-манду и расс-качать судно!

К двум буксирным пароходам прибавили еще несколько, и все они тянули броненосец в одну сторону, чтобы сдвинуть его с места. Одновременно с этим около четырехсот матросов по команде с мостика шарахались от одного борта к другому. Бились долго, но «Орел» продолжал упрямо сидеть на мели.

Могли ли четыреста человек, весивших не более тридцати тонн, раскачать броненосец водоизмещением в пятнадцать тысяч тонн? Это было так же нелепо, как если бы четыреста тараканов вздумали раскачать корыто, наполненное бельем и водой. Несуразность такого распоряжения понимали матросы и, перебегая от одного борта к другому, смеялись:

— Осторожнее, ребята, как бы не опрокинуть судно!

— Смотрите, будто и вправду валится набок!

— Ой, без войны утонем!

Один из портовых чинов, обращаясь к Бирилеву, подсказал:

— Ваше превосходительство, мне кажется, что такая ничтожная тяжесть, как перебежка матросов, маловато повлияет на ход дела. Нам не обойтись без землечерпалок. Придется дно углубить.

Лицо адмирала, холодное и надутое, со строго поджатыми губами, сразу озарилось сознанием.

— Представьте себе, такая же мысль и мне пришла! Я уже пять минут думаю над ней. Да, вы совершенно правы.

Все портовое начальство разъехалось.

Боцман Воеводин, встретившись со мной, хмуро буркнул:

— Я так и знал, обязательно с нами какая-нибудь каверза случится. Так оно и вышло. Точно злая сила преследует нас.

Матросы вслух высказывали свои желания:

— Эх, кабы на всю зиму застрять здесь!

— Да, тогда вкладчину мы заказали бы сразу сто молебнов.

Ночь спали без тревоги, хорошо.

Утром к броненосцу подвели три землечерпалки. Они работали вокруг него весь день и всю следующую ночь. На этот раз предпринятые меры оказались более удачными. На рассвете 19 сентября «Орел» снялся с мели и направился в Ревель.

Под хмурым небом свежел ветер, крупнели волны. Броненосец, дымя обеими трубами, шел ровно, не качаясь. Давно миновали

корабли, стоявшие на большом рейде: «Олег» и «Жемчуг», которые потом будут догонять эскадру.

Кружились чайки. Стучали кувалды рабочих.

Я долго стоял на кормовом мостике, уныло оглядываясь назад, на знакомые берега, на исчезающий вдали город. Прощай, Кронштадт! За пять лет службы я много пережил в нем и плохого и хорошего. Там, по Господской улице, нашему брату, матросу, разрешалось ходить только по левой стороне, словно мы были отверженное племя. На воротах парков были прибиты дощечки с позорнейшими надписями: «Нижним чинам и собакам вход в парк воспрещен». Мытарили меня с новобранства, чтобы сделать из меня хорошего матроса, верного защитника царского престола. Получал разносы по службе, сидел в карцере, томился в одиночной камере тюрьмы за то, что захотел узнать больше, чем полагается нам. И все-таки, если выйду живым из предстоящего сражения с японцами, я с благодарностью буду вспоминать об этом городе. Из села Матвеевского, из дремучих лесов и непроходимых болот северной части Тамбовской губернии, где в изобилии водится всякая дичь и зверье, до медведей включительно, я прибыл во флот наивным парнем, сущим дикарем. И сразу же началась гимнастика мозга, шлифовка ума. Не все были плохие офицеры, не все отличались жестокостью.

Находились и такие, от которых при умении, при настойчивом желании можно было получить немалую пользу. Но главное заключалось в другом. Специальные курсы баталеров, техника кораблей, плавание по морям, устройство портов, воскресная школа, дружба с развитыми и сознательными товарищами, знакомство со студентами, чтение нелегальной литературы — все это было для меня чрезвычайно ново, все это обогащало разум и заставляло смотреть на жизнь по-иному.

Вспомнилось прошлое.

Два года назад, получив двухнедельный отпуск, я съездил домой на побывку.

Это было ранней осенью, когда зелень уже начала покрываться багрянцем и золотом. Мое появление в семье было праздником и для меня и для моих родных.

Все жители села приходили полюбоваться матросской формой, невиданной в наших краях: фланелевой рубашкой с синим воротником форменки, брюками клеш навывпуск, серебряными контриками на плечах, атласной лентой, обтягивающей фуражку, золотой надписью — название корабля. Дети старшего брата, Сильвестра, а мои малолетние племянники и племянницы — Поля, Егор, Маня,

Анюта, Ваня, Петя, Федя — смотрели на меня с таким удивлением, как будто я свалился к ним с неба. И сыпались бесконечные вопросы: широкое ли море, какова его глубина, видел ли я в нем трех китов, на которых держится земля, какой величины корабль, на котором я плавал. Я объяснял им, а они от изумления восклицали:

— Ой, ой! Месяц нужно плыть до берега!

— Вся колокольня наша может утонуть! Ух!

— Эх, вот так корабль! Все село наше может забрать!

А моя мать помолодела от радости. Она каждый день наряжалась в платье, в котором ходила только в церковь. Я смотрел на нее и думал: «Где предел материнской любви?» Она приберегла для меня бутылку малинового сока, совала мне яблоки или горячие пышки. Но больше всего меня удивило ее обращение со мной на «вы». Я протестовал против этого, но она отмахивалась руками:

— Нет, нет, Алеша, и не говорите. Я ведь из Польши. Все правила знаю побольше, чем здешние женщины. А вы теперь вон какой стали. Ни в одном селе такого нет.

Она думала, что я нахожусь в очень больших чинах; и я никак не мог разубедить ее в этом.

— Ах, господи, не дождался старик сына, помер. Что бы ему еще два с половиной годочка протянуть! Вот уж он был бы вами доволен...

Ласково, как отдаленный напев скрипки, звучал для меня ее голос, а кроткие голубые глаза мерцали радостью.

Ярким закатом угас мой отпуск, и я снова уехал во флот. А теперь на мое сообщение, что меня отправляют на войну, я перед отходом судна получил от матери ответное письмо. Я не мог без слез читать строки, полные тревоги и глубокой скорби. В заключение она писала, что день и ночь будет молиться за меня, а я должен хранить ее благословение и помнить: «материнская молитва со дна моря спасает».

Я посмотрел с мостика на палубу: там, в присутствии старшего офицера и боцманов, работали матросы. Были люди и на мостике, и в башнях, и в батарейной палубе, и в трюмах, и в машинном отделении. Не считая рабочих, которые скоро будут высажены на берег, девятьсот моряков обслуживали корабль. И уносит он нас в неведомые края, туда, где буйствуют огненные вьюги, гася человеческие жизни, — либо победить врага, либо самому погибнуть в безвестной пучине. Разве за них, за этих матросов и офицеров, не молятся матери так же, как и за меня? И разве у наших врагов менее любящие матери, и разве они не проливают слезы, обращаясь к своему богу?

Но кого-то из нас ждет холодная могила.

С надломленным крылом души я сошел с мостика. Броненосец «Орел», развевая андреевский флаг, продолжал отмерять морские мили.

Глава 5

ВЫСОЧАЙШИЙ СМОТР

На второй день около полудня показались маяки и острова. Сочно заголубело небо, словно кто мокрой тряпкой смахнул с него грязь облаков.

Ветер замирал, но все еще был достаточен, чтобы двигать парусники, разбросанные по просветленной водной шире. На взгорье, в солнечных лучах, начал выявляться город Ревель с его остроконечными кирхами, с крутыми черепичными крышами домов, с круглыми башнями и зубчатыми стенами старинных построек на скалах. Здесь, несмотря на все старания царского правительства русифицировать Эстонию, на всем сохранился отпечаток готической архитектуры.

На рейде, недалеко от гавани, стояли корабли 2-й эскадры. Наш «Орел» присоединился к ним и, заняв место в колонне однотипных броненосцев, бросил якорь.

Зачередовались дни с ночами, как два часовых, сменяющих друг друга. Мы вступили в период боевой подготовки. Принимали все меры для защиты эскадры от внезапного нападения противника, хотя до него было еще очень далеко.

Учились ставить сети заграждения против мин. С заходом солнца один из кораблей защищал вход в рейд, освещая его прожектором. Мористее него ходили два дозорных миноносца и минные катеры.

На броненосце, к великому удовольствию командира, рассчитали рабочих.

Давно требовалось подтянуть команду, навести чистоту, а они своим пребыванием на судне вносили разлад в наш внутренний распорядок. Опасались и крамолы. Мне самому пришлось встретиться с одним рабочим. Оглядел он меня круглыми глазами и, почесав за ухом, спросил:

- Значит, воевать отправляетесь?
- Да, — кратко ответил я.
- Ну, с Богом.
- При чем же тут Бог?
- Ого! Тогда, выходит, с чертом?

- И это ни при чем.
- Ого! Неужто отрицаешь?
- А разве такие не бывают?

Рабочий подумал немного и загадочно ответил:

— Да, все на свете бывает, и попадья попа надувает. Знаю я в одном селе парочку: муж дьякон, а жена у него попадья. Как это вышло, а?

Я тоже ответил прибауткой:

— Это еще невелика беда, что на огороде поросла лебеда, вон церкви горят, и то ничего не говорят:

- Ого! Резвый! Не спотыкнешься?
- Случалось и это.

Издавек, весьма осторожно он начал накачивать меня политикой. Он говорил больше намеками, но я понимал его. Выходило так, что если мы победим противника, то этим самым только больше укрепим свое правительство. То же самое я слышал и на берегу от интеллигенции. Все передовые люди радовались нашим неудачам. Казалось, эта часть русского общества никогда не была так охвачена пораженческими идеями, как в эту войну, ибо она раскаляла народ, вскрывая перед ним все наши государственные язвы. В каком же дурацком положении оказались мы, моряки, отправляющиеся на Дальний Восток! Если мы восторжествуем над японцами, то нанесем вред назревающей революции, необходимой для задыхающейся России, как свежий воздух. С другой стороны, мы не можем спокойно подставлять свои лбы под неприятельские снаряды. Наш проигрыш и наша гибель будут считаться позором, и над теми, какие вернутся с войны, будут смеяться:

— Вот они, моряки с разбитого корабля!

Послушав рабочего, я предупредил его:

— Довольно, друг. Этой пищи я уже отведал.

— Ого! Отрадно. Ну что же, вы там, а мы тут постараемся.

Я несколько не сомневался, что длительное пребывание рабочих на судне оставило среди матросов какой-то след.

Внутренняя организация службы на кораблях налаживалась медленно. Даже на флагманском броненосце «Суворов», который уже порядочное время находился в плавании, люди совсем не были подготовлены к бою. Вот что писал об этом адмирал Рожественский в приказе № 69:

«Сегодня в два часа ночи я приказал вахтенному начальнику пробить сигнал для отражения минной атаки.

Через восемь минут после отдачи приказа не было еще и признаков приготовления отразить нападение: команда и офице-

ры еще спали; только несколько человек вахтенного отделения с трудом были извлечены из мест отдыха, но и те не знали, куда им идти; ни один прожектор не был готов осветить цель, вахтенные минеры отсутствовали; никто не заботился даже о палубном освещении, необходимом для действия артиллерии...» Дальше адмирал просил младших своих флагманов и командиров проверить, как обстоит в этом отношении служба на других кораблях, и о результатах немедленно донести ему.

Дождался и «Орел» того времени, когда ему пришлось участвовать совместно с другими кораблями в пробном отражении минной атаки. Над морем густо висела осенняя ночь. Было тихо. И вдруг в этой тишине раздалась боевая тревога.

На всей эскадре вспыхнули огни прожекторов, и световые полосы их, рассекая тьму, заскользили по ровной поверхности моря, нащупывая щиты, буксируемые миноносцами. С других судов, хотя и с опозданием, открыли орудийную стрельбу по этим щитам, а у нас по трапам и палубам все еще металась люди.

Некоторые из матросов, в особенности новобранцы, находясь под влиянием разных слухов о близости японцев, думали, что началось настоящее сражение.

Слышались бестолковые выкрики. Офицеры ругали унтеров, а те втолкали в шею рядовых. Много минут прошло, пока на броненосце водворился некоторый порядок. Забухали и наши 75-миллиметровые пушки.

У меня сложилось такое впечатление, что если бы на нас действительно напали японцы, то, пользуясь нашим промедлением и неразберихой, они успели бы три раза потопить наш броненосец.

Для нас эта ночная тревога кончилась тем, что «Орел» получил от командующего эскадрой выговор.

В следующие дни наступила другая забота: мы должны были надлежащим образом подготовиться к царскому смотру. На броненосце всюду наводили порядок и чистоту. Много раз мыли коридоры с мылом, лопатили мокрую палубу, окатывали ее водой, подкрашивали борта, надраивали до блеска медяшку. Не были избавлены от этого машинное и кочегарное отделения: а вдруг и туда вздумает спуститься коронованный посетитель. Несмотря на свой возраст, подхлестнутым жеребенком носился по судну старший офицер Сидоров, заглядывая во все помещения и надрываясь от крика и брани. Охваченный излишним усердием, он даже перестал замечать недочеты. Ему помогали в наведении порядка и другие офицеры, каждый по своей специальности. Потом уже сам командир Юнг обходил броненосец. Его привычный глаз все еще

не удовлетворялся тем, что было сделано. И тогда снова начинали скоблить некоторые судовые части, скрести их, мыть, подкрашивать. Казалось, что люди помешались на чистоте.

Смотр состоялся 26 сентября. С восьми часов утра вся эскадра разукрасилась разноцветными флагами, поднятыми на леерах на каждом судне от носа и до самой кормы через верхушки мачт. День выпал ведренный. Чист и бодряще свеж был осенний воздух. С моря в меру дул голубой ветер, катились на рейд волны, потрясая белопенными кудрями. Матросы нарядились в новые синие фланелевки и черные брюки, офицеры — в мундиры и треугольные шляпы. На флагманских кораблях играла музыка.

Редкого гостя ждали долго, успели пообедать. На других судах кричали «ура», а до нас еще не дошла очередь. И только в три часа, трепеща двумя белыми косицами императорского брейд-вымпела на носовом флагштоке, подвалил к правому трапу паровой катер.

Встреченный фалрепными из офицеров, царь поднялся на палубу в сопровождении своей свиты и адмиралов. Лицо его было бледное, будничное и никак не подходило к такому торжественному моменту. Рассеянно взглянув на выстроившийся фронт, он поздоровался с офицерами и командой. Судовым начальством нам заранее было приказано отвечать как можно громче, и мы постарались:

— Здравия желаем, ваше императорское величество!

Царь взшел на поперечный мостик, перекинутый через ростры, и обратился к нам с краткой речью. Он призывал нас отомстить дерзкому врагу, нарушившему покой России, и возвеличить славу русского флота. Говорил он без всякого подъема, вяло, ибо ему приходилось повторять одно и то же на каждом корабле.

Я смотрел на него и думал: «Верит ли он сам в нашу победу? Ведь на Дальнем Востоке мы уже немало просадили в этой страшной игре человеческими жизнями.

Может быть, коронованный повелитель сам не понимает того, что, посылая 2-ю эскадру, он бросает на кон последнюю ставку? Или он надеется, что командующий эскадрой спасет Россию от дальнейшего банкротства?» Здесь же находился и Зиновий Петрович Рожественский, облаченный в полную свитскую форму, тот, который поведет наши корабли на смертный бой.

Массивные плечи его горели серебром контр-адмиральных эполет с вензелями и черными орлами. Широкая грудь сверкала медалями и звездами. Брюки украшали серебряные лампасы. От левого плеча наискось к поясу перекинулась через грудь широкая анненская лента, переливаясь алым цветом шелка, а с правого плеча свисали витые серебряные аксельбанты. Своей могучей

фигурой он подавлял не только царя, но и всех членов свиты. В чертах его сурового лица, обрамленного короткой темно-серой бородой, в твердом взгляде черных пронизывающих глаз запечатлелось выражение несокрушимой воли. Против своего обычая упрямо склонять голову, сейчас он сосредоточенно смотрел на царя, прямой, монолитный, как изваяние, и такой самоуверенный, что казалось, никакие преграды не остановят его замыслов.

Рядом с ним стояли два его младших флагмана: командующий вторым броненосным отрядом контр-адмирал фон Фелькерзам и командующий крейсерским отрядом контр-адмирал Энквист.

С первым я одно лето плавал вместе и знал его хорошо. По отзывам офицеров, в военно-морских вопросах он разбирался лучше, чем сам Рожественский. Но для создания карьеры все дело портила его комическая внешность. Фигура у него была тучная, ожиревшая, однако это не мешало ему передвигаться быстрыми мелкими шагами. Своим одутловатым лицом, лишенным свежести, помятым, почти без растительности, он напоминал кастрата. При раздражении, округляя свой маленький, как наперсток, рот, он выкрикивал слова тонким женским голосом, что никак не соответствовало ни его адмиральскому чину, ни его широкому, полнотелому туловищу.

Энквиста, шведа по происхождению, я теперь увидел впервые, но много слышал о нем. Он страдал отсутствием памяти, забывал все, что видел и слышал, но в таких случаях его выручали записи всегда присутствующего при нем флаг-офицера. Большая, тщательно расчесанная седая борода придавала ему вид солидного и красивого адмирала и заменяла все духовные качества.

Я смотрел на царя, на его свиту, на адмиралов и флаг-офицеров и удивлялся: столько было блеска, что ослепляло глаза.

Запомнились последние слова царя:

— Желаю вам всем победоносного похода и благополучного возвращения на родину.

На это почти девятьсот человек команды ответили криками «ура».

Царь сошел с мостика и направился к правому трапу. Вдоль борта выстроились в шеренгу судовые офицеры. Ближе к трапу стоял командир, за ним — старший офицер, потом старшие специалисты и мичманы. Каждый из них, держа руку под козырек, вытянулся и замер. Лица их были повернуты в сторону царя, и, по мере того как он шел, головы людей медленно, как секундная стрелка, поворачивались, делая полукруг. Глаза офицеров, голубые, серые, карие, провожая монарха, впились в его лицо и, каза-

лось, не могли от него оторваться. За ним двигались великий князь Алексей Александрович, морской министр Авелан, адмиралы Рожественский, Фелькерзам, Энквист и другие высшие чины. Несмотря на множество людей, застывших вдоль бортов в неподвижных рядах, на палубе стояла такая тишина, от которой ждешь чего-то необыкновенного.

И действительно, произошло то, от чего содрогнулись сердца судового начальства.

Был у нас пес, из простых дворняжек: масть бурая, уши стоячие, хвост крючком. На наш броненосец он попал случайно. Однажды, когда офицерский катер отваливал от пристани, вдруг на его корму саженным прыжком махнула собака. Офицеры переполошились. Но она ласково завилала хвостом и смотрела на каждого из них сияющим взглядом карих глаз. По всему было видно, что она необыкновенно обрадовалась, очутившись на катере. Все решили, что эта собака бывала на морях и каким-то образом отстала от своего судна. Ее повезли на броненосец. Дело было во вторник, а поэтому, не зная ее прежней клички, дали ей новую — Вторник. Пес быстро прижился у нас. Часто можно было его видеть среди команды в кубриках, но больше всего он ютился в кают-компании: там вкуснее кормили. У него была большая любовь к морю. Он мог часами сидеть на юте или на заднем мостике и, словно поэт или художник, любоваться красотами водной стихии. Но его, как и всех моряков, тянуло и на берег, чтобы вдосталь порезвиться там и познакомиться с другими собаками. Но теперь он вел себя на суше осторожнее и держался ближе к пристани, боясь, очевидно, как бы опять не остаться нетчиком. У него была замечательная зрительная память. Не только офицеров, но и всю нашу команду он знал в лицо, а также знал и все свои шлюпки.

На время посещения царя Вторника загнали в машинное отделение. Он примирился с этим и, обходя работающие вспомогательные механизмы, обнюхивал их, как и полагается по собачьим правилам. Вдруг его стоячие уши насторожились. Через световые люки донеслась до машины еле слышная любимая им команда вахтенного начальника:

— Катер к правому трапу!

Вторник сорвался с места и с привычной ловкостью понесся по трапам наверх.

Двери в машинное отделение были кем-то открыты, и он выскочил на верхнюю палубу. Первым делом, как это всегда бывает у собак, сорвавшихся с цепи или вырвавшихся на волю из конуры,

Вторник сладко потянулся и встряхнулся всем телом. Потом он высоко поднял голову с торчащими ушами и огляделся.

Видимо, ему хотелось разобраться: что здесь происходит, кто уезжает и за кем надо поспевать. Уже одно его появление здесь смутило судовое начальство.

Но Вторник еще больше накуролесил. Он увидел группу людей, направляющихся к знакомому трапу, и, обгоняя ее, с радостным лаем пустился галопом по палубе.

В этой напряженной обстановке, когда в присутствии коронованного гостя и высших чинов флота люди как будто оцепенели и даже сдерживали дыхание, вольность движений собаки привела судовых офицеров в такой ужас, словно им угрожал немедленный провал в морскую пучину. Что-то страшное надвинулось на корабль — ведь Вторник в своем неудержимом порыве попасть на катер может столкнуть царя с трапа в воду. Что тогда будет?

Командир, сгибая дрожащие колени, стал ниже ростом и приоткрыл рот, как будто хотел крикнуть и не мог. Старший офицер даже крякнул и для чего-то поднял к треугольной парадной шляпе левую руку. Лейтенант Вредный втянул голову в плечи, словно на него замахнулись кувалдой. Растерялись и остальные офицеры: одни побледнели, у других задергались губы. Можно безошибочно сказать, что перед каждым из них стоял один и тот же жуткий вопрос: из-за чего придется пострадать? Из-за собаки, паршивой дворняжки.

Вероятно, в это мгновение она возбуждала у судового начальства такую ненависть к себе, что участь ее была решена: после смотра она с балластом на шее полетит за борт.

Великий князь Алексей Александрович, оглянувшись, укоризненно качнул головой Рожественскому, а тот, стиснув челюсти, посмотрел на офицеров таким уничтожающим взглядом, который как бы говорил:

— Ну, всем вам конец: разжалуют в матросы.

Царь в этот момент находился на нижней площадке трапа. Он только что хотел шагнуть на катер, как к его ногам кубарем скатился Вторник. Царь дернулся и, ухватившись за поручни, неловко изогнулся. Один из мичманов, стоявших на площадке трапа в качестве фалрепных, оторопел, но другой не растерялся и, схватив Вторника за шею, крепко прижал его к себе. Все это произошло в несколько секунд, и все ждали, что сейчас последуют страшные взрывы молнии и грома. Но царь, опомнившись, вдруг заулыбался и, погладив пса по спине, ласково промолвил:

— Ах, собачка. Какая милая собачка.

И шагнул на катер.

Напряженная атмосфера сразу разрядилась. Вся раззолоченная императорская свита, словно по команде, заулыбалась. Каждый из высших чинов, начиная с великого князя и кончая адмиралами, считал своим долгом, спустившись по трапу, погладить Вторника, и каждый приговаривал на свой лад:

- Удивительный пес.
- Славная собака.
- У него исключительно умные глаза.
- Красавец, какого редко можно встретить.

И даже всегда мрачный Рождественский изобразил на своем суровом лице улыбку и, потрепав по спине Вторника пробасил:

- Четвероногий моряк. Видать — патриот.

Оживилось и наше судовое начальство. Командир выпрямился, улыбнулся и стал выше ростом. Старший офицер опустил левую руку и браво выпятил грудь.

Просияли и остальные офицеры, точно им предстояло получить высочайшую награду. Теперь каждый из них смотрел на собаку с таким восторгом, как будто она совершила выдающийся военный подвиг.

Только Вторник не радовался. Удерживаемый мичманом, он с недоумением смотрел на катер, не понимая, почему его на этот раз не пускают туда. Не понимал пес и того, что он удостоился такой великой монаршей милости, которая осчастливила бы любого человека из экипажа «Орла».

Паровой катер отвалил от трапа.

«Царскосельский суслик», как прозвали царя революционно настроенные матросы, отбыл на другие корабли.

Глава 6

ЦАРЬ И КАЙЗЕР

Вспомнились торжества, происходившие на этом рейде в 1902 году. Здесь состоялось знаменитое свидание двух императоров: Николая II и Вильгельма II.

Отсюда началась головокружительная карьера адмирала Рождественского, который тогда, командуя учебно-артиллерийским отрядом, держал свои флаг на крейсере «Минин»; отсюда протянулись невидимые нити к дальневосточной войне.

День 24 июля был ясный. На ревальском рейде скопилось четырнадцать крупных военных судов и пятнадцать миноносцев.

Только два корабля, построенные в Америке, выделялись своей белизной, «Варяг» и «Ретвизан», а остальные были выкрашены в

черный цвет. Тут же стояли императорские яхты «Штандарт» и «Полярная звезда», пришедшие еще накануне. Все высшие чины Балтийского флота находились теперь здесь. Берег и стенки гавани были усыпаны народом, пришедшим посмотреть на небывалое событие.

С раннего утра, волнуясь, ждали появления Вильгельма. Наконец на горизонте, за островом Нурген, показались дымки немецкой эскадры.

Навстречу ей сейчас же двинулись яхты и крейсер «Светлана». Туда же, увозя знатных зрителей, направились и несколько частных пароходов, изящно убранных зеленью.

В восемь часов все наши корабли расцветились флагами. Издали доносились выстрелы обменных салютов. А два часа спустя встретившиеся суда уже приближались к рейду. В состав немецкой эскадры входили броненосный крейсер «Принц Генрих», крейсер «Нимфа», миноносец «Слейпнер» и яхта «Гогенцоллерн».

Все они щеголяли белой окраской. Вильгельм успел уже перебраться с собственной яхты на русскую, и теперь оба императора стояли на мостике «Штандарта».

Каждый наш корабль, окутываясь пороховым дымом, отсалютовал в честь кайзера тридцатью одним выстрелом. Грохот стоял, словно на войне. На флагманских судах и яхтах гремели оркестры: немцы играли русский гимн, наши — немецкий. На мостиках русских и немецких судов собрались офицеры в пышных нарядах, парадной форме, а на верхних палубах, вдоль бортов, расположились фронтом матросы в белых с синими воротниками форменках.

Часть команды облепила ванты, эти веревочные лестницы, ведущие на мачты, а на «Первенце» и «Кремле», судах с парусным вооружением, матросы забрались на реи, выстроившись на них в шеренгу. Отовсюду, перекатываясь, неслось громкое «ура».

После обеда, часа в три, на кораблях учебно-артиллерийского отряда флаги расцвечивания были спущены. Офицеры переоделись в обычную форму. Все приготовились показать высочайшим особам свое артиллерийское искусство.

Оба императора прибыли на крейсер «Минин». Вместе с ними явились принц Генрих и шеф нашего флота великий князь Алексей Александрович, управляющий морским министерством Тыртов, немецкий морской министр Тирпиц, адмиралы и чины обеих императорских свит. Никогда еще на борту нашего судна не было столько знатных лиц.

Весь наш отряд, снявшись с якоря, пошел на маневры и стрельбу.

На мостике было тесно. Помимо прибывших посетителей, здесь присутствовали командир судна и адмирал Рожественский со своим штабом. Я тоже стоял там, приютившись в уголке. На моей обязанности лежало следить за падением снарядов и отмечать в тетради их недолеты, перелеты и попадания.

Николай был в форме немецкого адмирала. Вильгельм, наоборот, нарядился в форму русского адмирала с голубой андреевской лентой. Наш маленький незаметный царь большого государства в присутствии своего коллеги оставался в тени. Внимание всех привлекал кайзер. Необыкновенно высокие каблуки увеличивали его средний рост, а его грудь выпячивалась колесом, очевидно от ваты, заложенной под мундир в большом количестве. Он был довольно статен, с необычайной военной выправкой, с уверенной походкой.

Левую, плохо действующую руку, которая была короче правой, он засовывал за борт адмиральской формы, скрывая этим свой физический недостаток. Иногда с той же целью Вильгельм, меняя позу, опирался левой рукой на эфес сабли.

Когда он разговаривал с царем своим высоким тенором, то правая сторона его губ слегка подергивалась. Шрам на щеке, густые, лихо поднятые вверх русые усы, словно ухватом подпирающие прямой дородный нос, большие в темных ресницах глаза, твердо смотревшие из-под треугольной морской шляпы, а также весь его облик, его манера держаться — все это придавало ему вид свирепой воинственности.

Среди этих знатных лиц я чувствовал себя так же, как может чувствовать себя человек, забравшийся на верхушку высокого дерева, на тонкие и ненадежные ветви. Сделай малейшую оплошность — полетишь вниз головой.

Нервный холодок пробегал по спине. Обмундирование на мне аккуратно было пригнано, что я проверил сотню раз, и сам я был весь подтянут. И все-таки не переставала тревожить мысль: вдруг оторвется пуговица от штанов, расстегнется ремешок или повернусь не так, как полагается. Что тогда со мной сделают?

Корабли учебно-артиллерийского отряда, развеивая боевыми флагами, производили эволюции. Красивую картину представляли они, когда проделывали всякие повороты, принимая то строй кильватерной колонны, то строй фронта.

Эти грандиозные плавучие крепости маршировали на воде с такой легкостью, как взвод солдат на суше.

Загремели пушки. Сначала стреляли по щитам, поставленным на острове Карлос, а потом — по щитам, буксируемым миноносцами.

Рожественский, казалось, не замечал ни царя, ни кайзера и только напряженно следил за своими кораблями. Иногда покрикивал:

— Чаще стрелять!

А когда заметил, что одно судно сделало какую-то ошибку, то, по обыкновению, рассердился и, не стесняясь присутствием высочайших особ, выбросил за борт бинокль. Капитан 2-го ранга Клапье-де-Колонг подал ему свой. Царь, заметив это, улыбнулся.

Три часа продолжались маневры и стрельба. На этот раз попадали в цель лучше обыкновенного. По крайней мере, все щиты были повалены, что меня крайне удивило.

По окончании маневров и стрельбы Вильгельм, поздравляя своего коллегу, сказал:

— Я был бы счастлив, если бы у меня во флоте были такие талантливые адмиралы, как ваш Рожественский.

Это он говорил при Тирпице, который находился здесь же. Конечно, Вильгельм хитрил, но Николай поверил ему и, дорожа его мнением, счастливо заулыбался. Он сначала расцеловал шефа нашего флота великого князя Алексея Александровича, а потом Рожественского. Адмирал, в порыве верноподданнических чувств, нагнулся, схватил царскую руку и крепко прильнул к ней губами, но тут же выпрямился и, желая усилить произведенное впечатление на коронованного повелителя, твердо заявил:

— Вот бы когда нам повоевать, ваше императорское величество.

Сейчас же высочайшим приказом Рожественский был зачислен в свиту его величества.

А вечером, когда писаря с миноносцев приехали к нам за почтой, мы узнали от них интересные новости. Они рассказывали, будто буксируемые щиты были, что называется, сшиты на живую нитку и падали от сотрясения воздуха, если близко около них пролетал снаряд, а на острове Карлос щиты были укреплены так слабо, что валились от попавшего в них осколка или камня.

Выходили на стрельбу и ночью. А на второй день высаживали десант на берег.

Затем устраивали примерное сражение, в котором один отряд судов нападал на другой.

Торжество продолжалось три дня. По ночам ревельский рейд представлял собою волшебное зрелище. На мачтах императорских яхт горели огнями штандарты.

Все суда, как наши, так и немецкие, были иллюминированы. На некоторых борта были обведены сверкающими пунктирами. На других андреевский кормовой флаг был сделан из электрических лампочек. Выделялся флагманский крейсер «Минин» — над ним повисли огненные вензели W и N, увенчанные красными коронами.

Оба императора, казалось, соперничали друг перед другом своею щедростью.

Вильгельм подарил царю золотой письменный прибор. Николай не остался в долгу и в свою очередь подарил своему коллеге золотой боярский шлем, украшенный драгоценными камнями. Не были обойдены вниманием и адмиралы: их наградили разными орденами.

Часа в четыре пополудни 26 июля немецкая эскадра снялась с якорей и направилась в море под крики «ура» и прощальный салют, загрохотавший с обеих сторон. Яхта «Штандарт» пошла проводить дорогих гостей. Когда немецкая яхта «Гогенцоллерн» подходила к острову Нарген, на мачтах ее взвился сигнал по международному своду:

«Адмирал Атлантического океана приветствует адмирала Тихого океана».

На «Штандарте» не сразу поняли смысл этого сигнала. Потом подняли в ответ флаги, означающие:

«Ясно вижу».

И еще добавили по приказанию царя:

«Благодарю. Желаю счастливого плавания».

Лукав был Вильгельм. Сигнал его нужно было понимать так: себя он в будущем считает адмиралом Атлантического океана, а нашему царю советует стать адмиралом Великого океана. Николай еще раз поверил своему другу. С того времени у нас на Дальнем Востоке началось лихорадочное оживление. На ревельском именно рейде в царской голове созрела идея войны с Японией.

Здесь же кайзер получил согласие Николая на занятие китайского порта Циндао.

В результате этого свидания двух императоров повезло и Рождественскому.

Вскоре он стал начальником Главного морского штаба.

На этой должности ему пришлось пробыть до тех пор, пока его не назначили командующим 2-й Тихоокеанской эскадрой.

Глава 7

ИДЕМ В ЛИБАВУ

За ночь эскадра далеко продвинулась в море.

Утро следующего дня на «Орле» началось обычным порядком, установленным одинаково для всех военных судов: ровно в пять часов над люком верхней палубы просвистела дудка, а вслед за ней раздался знакомый голос вахтенного унтер-офицера:

— Вставай! Койки вязать!

На броненосце, в жилых его помещениях, там, где спали матросы, понеслась эта команда, повторяемая палубными старшинами. Выкрики сопровождалась руганью, забористой и крепкой, точно спирт. Вся жилая палуба моментально пришла в движение, загомонила человеческими голосами. Быстро, словно обрызганные кипятком, люди выбрасывались из своих подвесных коек, соскакивали с рундуков. Необходимо было торопиться, чтобы в короткое время успеть одеться, а потом, завернув постель в парусиновую койку, аккуратно зашнуровать ее, придав ей вид кокона.

Через десять минут слышалась другая команда:

— Койки наверх!

Сотни людей бросились к выходным трапам, опережая друг друга. На верхней палубе они рассыпались вдоль коечных сеток, устанавливали в них койки, номерками наружу. Опоздавшим попадало от начальства.

После этого бежали к общим умывальникам, похожим на длинные желоба, с большим числом кранов над ними. Здесь было тесно. Толкая друг друга, наскоро споласкивали лицо забортной соленой водой.

— На молитву!

От такого призыва, словно от кнута, многие из матросов старались увильнуть, прячась по разным отделениям. Остальные собрались на верхней палубе. Появился священник о. Паисий и затянул «Отче наш». Ему помогали сотни голосов. Каждое утро мы пели так молитвы, предварительно наслушавшись отчаянной ругани и сами в досталь наругавшись.

Полчаса полагалось на завтрак. Так как свою порцию сливочного масла каждый получал отдельно, а трех фунтов хлеба хватало всем с избытком, то с едой и питьем чая не торопились. Можно было поговорить и посмеяться.

Некоторые, покончив с завтраком, задумчиво засматривались на море, на идущие по нему корабли.

Кругом было уныло и серо. С перерывами моросил мелкий дождь. Холодный ветер колыхал море. По временам наползал туман, укорачивая расстояние видимости.

Эскадра наша, построенная в две кильватерные колонны, шла вперед, к мутному горизонту. В правую колонну входили броненосцы: «Князь Суворов», «Император Александр III», «Бородино» и «Орел», транспорт «Камчатка», представляющий собою плавающую мастерскую, крейсера: «Аврора», «Светлана», «Алмаз». Левую колонну составляли броненосцы: «Ослябя», «Сисой Великий» и «Наварин», крейсера: «Адмирал Нахимов» и «Жемчуг» и транспорт «Анадырь».

Кроме того, за последними все время держались миноносцы: «Бедовый», «Блестящий», «Быстрый», «Буйный», «Бравый», «Бодрый» и «Безупречный». Но сейчас эти миноносцы, согласно распоряжению командующего, отделились от эскадры и, пользуясь преимуществом в ходе, начали опережать ее. Скоро они скрылись за горизонтом.

На мачтах флагманского корабля «Суворов» то и дело взвивались сигналы.

Все остальные суда немедленно репетовали их, поднимая у себя такие же флаги.

Броненосец «Бородино», шедший впереди нас, почему-то часто рыскал вправо и влево, за что получил от командующего выговор.

С семи часов утра на «Орле» начиналась уборка. Мыли палубу, чистили медные части, всюду обтирали пыль. За работой наблюдали вахтенные: начальник, офицер и унтер-офицеры.

На этот раз в качестве вахтенного офицера был молодой мичман, светлый блондин, прозванный матросами «Воробейчиком». Лицо у него было нежное, мальчишеское, с беззаботно-серыми глазами под сверкающими стеклами пенсне.

Маленький и суетливый, быстро выпаливающий слова, он все время крутился, появляясь то на мостике, то на палубе, и заносчиво покрикивал на матросов искусственным баском:

— Рвань капустная! Вы не работаете, а только воздух портите на корабле. Нужно хорошенько лопатить палубу.

Ему трудно было угодить. Кричал он без всякого толка, иногда пуская в ход кулаки. Матросы ненавидели его и ворчали по его адресу:

— Расчирикался наш Воробейчик.

— Самая бесполезная птица на свете.

— Воробью положено в конском навозе копать, а он при кортике ходит и повелевает.

Не таков был вахтенный начальник, лейтенант Славинский, и по своему характеру и по внешнему виду. В меру ростом, плотный, он при всяких обстоятельствах не выходил из душевного равновесия, а его лицо, рыжеватое, усыпанное веснушками, всегда сохраняло выражение полного спокойствия.

Считался понимающим офицером.

Как полагалось, через три четверти часа уборка на корабле была закончена.

Ничто не давало повода ни старшему офицеру, ни командиру к чему-либо придрататься. Убедившись в этом, Славинский крикнул:

— Боцман, рапорт!

Кондуктор Саем, этот прожженный сорокалетний морской волк, находился поблизости. Твердыми шагами он направился к вахтенному начальнику, на ходу подкручивая свои густые усы. Остановился. Резко подкинул правую руку к козырьку, а левой передавая написанную рапортничку, заговорил:

— Ваше благородие, на эскадренном броненосце «Орел» состоит...

Дальше он перечислял сведения из рапортнички — сколько на судне команды, сколько больных и арестованных, какое количество тонн угля, на какое время хватит пресной воды и машинных материалов.

Вахтенный начальник приблизился к старшему офицеру Сидорову и, передавая ему рапортничку, повторил все, что слышал от боцмана.

За пять минут до восьми часов, когда на мачтах «Суворов» взвился сигнал приготовиться к подъему флага, он громко провозгласил распоряжение:

— Караул, горнисты и барабанщики наверх! Команда наверх повахтенно во фронт! Дать звонок в кают-компанию!

Церемониал продолжался дальше.

На палубе выстроились: караул, горнисты и барабанщики на левых шканцах, офицеры на правых, команда на шкафуте повахтенно.

В то же время рассыльный побежал доложить командиру, что к подъему флага все готово, и когда капитан 1-го ранга Юнг появился на палубе, вахтенный начальник скомандовал:

— Смирно!

Сейчас же подал голос караульный начальник:

— Слушай! На-кра-а-ул!

Человек десять матросов привычным движением подбросили вверх винтовки и держали их перед собою, как свечи, до тех

пор, пока не поздоровался с ними командир и пока не скомандовал им «к ноге».

После этого к командиру последовательно начали подходить с рапортом: старший офицер, старший врач и старшие специалисты. Выслушав их всех, он здоровался с офицерами, потом с кондукторами и, наконец, с командой.

До самого торжественного акта осталась одна только минута. Вахтенный начальник распорядился:

— На флаг!

А ровно в восемь часов, стараясь не отстать ни на одну секунду от броненосца «Суворов», громко и протяжно, с дрожью в повышенном голосе, скомандовал:

— Смирно! Флаг поднять!

Кормовой флаг с синим андреевским крестом, поднимаемый сигнальщиками, развеваясь, медленно шел вверх, к ноку гафеля. В это время винтовки брались «на краул», все офицеры и команда снимали фуражки, горнисты и барабанщики играли «поход», унтер-офицеры протяжной трелью свистали в дудки, а баковый вахтенный отбивал восемь склянок. С флагманских кораблей доносилась музыка духового оркестра.

Церемониал кончился.

— Команде разойтись! Караул вниз.

Новая смена вступила на вахту. Начались судовые работы и обучение по специальностям. Это продолжалось два с половиной часа, пока с мостика не возвестили:

— Окончить все работы! В палубах прибраться!

В камбузе кок готовился подать начальству пробу командного обеда. В блестящую никелированную миску он налил супу, подкрасил его наваром янтарного жира, заправил сметаной, занятой у офицерского повара, и положил в него лучшее мясо, нарезанное ровными кусочками. Хотя такая пища была взята из общего котла, но она очень отличалась от той, что давали матросам. Когда на никелированный поднос были поставлены миска с супом, тарелка с ломтиками хлеба, солоничка с солью, положены ложка и салфетка, кок спешно стал переодеваться в белый фартук и такой же колпак. Ровно через пятнадцать минут в камбуз заглянул старший боцман Саем и спросил:

— Проба?

— Готова, господин боцман.

Здоровенный кок, держа перед собой поднос, вышел из камбуза и, сопровождаемый боцманом, направился на передний мостик. Взволнованный, он шагал медленной поступью, с таким торже-

ственным видом, точно нес священные дары. Боцман, подняв руку к козырьку, доложил вахтенному начальнику, лейтенанту Павлинову:

— Проба готова, ваше благородие.

При этом обязательно должен был находиться старший офицер.

Такой порядок был на всех военных судах. Лейтенант Павлинов, повернувшись к Сидорову, отрапортовал:

— Господин капитан второго ранга, проба готова.

Из ходовой рубки вышел сам командир и, выслушав такой же доклад от старшего офицера, принялся за пробу. Ел неторопливо, со вкусом, долго.

Кок, держа перед ним поднос, застыл в каменной позе. А остальные трое, глядя на главу судна, отдавали ему честь. К этому времени на судне у каждого человека желудок требовал пищи. А в данном случае взбудораженный аппетит давал чувствовать себя еще больше. Сидоров на своем усатом лице выразил один вопрос — останется ли для него суп или нет? Лейтенант Павлинов, этот здоровенный мужчина, стиснул челюсти; вздрагивали ноздри его породистого носа. Кондуктор Саем подался туловищем немного вперед и, выкатив глаза, смотрел на командира, словно удав на свою жертву.

Капитан 1-го ранга Юнг, положив ложку на поднос, тщательно вытер усы и сказал ласково:

— Суп хорош. Только в следующий раз прибавь перцу. Чуть-чуть побольше.

— Есть, ваше высокоблагородие, — ответил кок.

После командира, соблюдая очередь по чинам, принялись за пробу остальные.

Хлебали той же ложкой, вытирали усы той же салфеткой.

Такая процедура повторялась каждый день.

Сейчас же, по распоряжению с мостика, я и старший баталер Пятовский вынесли из ахтерлюка на верхнюю палубу две енды с вином: одна для нечетных номеров, другая для четных. В одиннадцатый час вахтенный начальник распорядился:

— Свистать к вину и на обед!

Залились дудки капралов. Среди команды началось оживление. Одни из матросов, гремя железными укреплениями, спускали на палубах подвесные столы, другие, схватив медные баки, мчались к камбузу, третьи, те, что любили выпить, спешили к той или другой енде, выстраиваясь в очередь. На каждого полагалось полчарки водки, а еще полчарки вечером — перед ужином.

Пили водку с наслаждением, покрывали и отпускали шутки:

— Эх, покатила, родная, в трюм моего живота!

— Хорошо обжигает.

— А за границей ром будут выдавать. Тот еще лучше.

— Крепись, душа, — залью тебя сорокаградусной.

— За семь лет службы я этих получарок выпил у царя пропасть — более четырех тысяч.

Начался обед. В дальнейшем мы, вероятно, перейдем на солонину, но теперь у нас хранился запас свежего мяса. Полагалось его по три четверти фунта на каждого человека в день. Флотский суп с большим количеством капусты, картошки, свеклы, моркови, луку, приправленный подбелкой из пшеничной муки, красным стручковым перцем, был густ и наварист. Тут нельзя было зевать ни одной минуты, если только не хочешь остаться голодным. Жадность к пище одних заражала других. Около каждого бака проворно мелькали десять ложек, совершая воздушные рейсы от супа ко рту и обратно, и одновременно работали, звучно чавкая, десять пар человеческих челюстей. Глаза, загораясь животной страстью разыгравшегося аппетита, напряженно смотрели на середину стола, туда, откуда било в нос приятно раздражающим запахом.

Молчаливые и только сопящие носом, с потными и багровеющими лицами, люди производили такое впечатление, как будто они выполняли непосильную работу.

После обеда до половины второго полагался отдых, а потом полчаса давали на чай.

Но мне было не до этого. Эскадра 29 сентября приближалась к Либаве. Я смотрел вперед, туда, где обозначились песчаные берега. За ними, немного отступив от моря, густо раскинулся лес, покачиваясь от ветра, словно тяжело взбираясь на возвышение. По мере нашего приближения выплывали из туманной мглы здания порта Александра III, фабричные трубы, огромный элеватор.

Миновав плавучий маяк, эскадра зашла за каменный волнолом и бросила якорь в довольно просторном аванпорте. Ушедшие вперед миноносцы стояли уже здесь.

Глава 8

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ У РОДНЫХ БЕРЕГОВ

Трое суток прошли и большой суматохе. Мы догружались углем, разным материалом и свежей провизией. На некоторых судах даже ночью не прекращалась работа, производимая при

ярком свете дуговых ламп. Погода стояла холодная и бурная. Море ревело, перебрасывая волны через каменный мол. Водная ширь сузилась, нахлобученная тучами, словно лохматой папахой.

Военный порт еще не был окончательно оборудован. Он расширился и достраивался. Со временем он должен будет заменить собою Кронштадт и стать первым портом на Балтийском море и главной базой нашего флота. А пока большое оживление было лишь в Коммерческой гавани. Не замерзая зимою, она работала круглый год. Вот почему со всех концов России катились вагоны в Либаву, подвозя сюда экспортные товары: хлеб, масло, жмыхи. А отсюда сотни пароходов под флагами разных наций, наполнив грузом трюмы, расходились по иностранным портам.

Как-то вечером, желая скорее ознакомиться с организацией эскадры, я начал просматривать приказы командующего. В одном из них, в № 4, был объявлен список штабных чинов, среди которых я встретил знакомую фамилию. Это был капитан 2-го ранга Курош, зачисленный в штаб в качестве флагманского артиллериста. Какое счастье было и для меня и для других матросов, что ни Рождественский, ни Курош не находятся на нашем судне! С этими лицами я проплавал три кампании на крейсере «Минин», и об этом времени у меня осталось самое безотрадное воспоминание.

Тогда Курош был только лейтенантом и занимал на крейсере должность старшего офицера. Ростом выше среднего, вытянутый, он был сух и жилист.

Черная кудрявая борода подковой огибала это цыганское лицо, всегда злое, хищное, с глазами настороженной рыси. Полсотни офицеров не могли бы причинить столько горя матросам, сколько причинял им этот один человек.

Передышка на судне наступала только тогда, когда он перегружал себя водкой. В пьяном состоянии он начинал плакать, распуская слюни, и лез к нижним чинам целоваться. Некоторым давал деньги — от рубля и больше.

Иногда выкрикивал, мотая головою:

— Братцы мои! Простите меня! Сердце мое все в ранах, в крови. Оттого я такой подлец. Мне тошно жить на свете. Я не дождусь того дня, когда вы разорвете меня в клочья...

Совсем по-другому Курош вел себя в трезвом виде. Не проходил одного дня, чтобы он собственноручно не избил пятнадцать — двадцать человек из команды.

Это было для него своего рода спортом. Провинившегося матроса он долго ругал, постепенно повышая голос, как бы нака-

ляя себя. А потом закидывал руки за спину, и это был верный признак того, что сейчас же начнется расправа.

Так поступал он всегда. Долгое время я не понимал этого приема. Матросы пояснили мне. Оказалось, на пальце правой руки он носил перстень с драгоценным камнем. Закинув руки назад, Курош поворачивал перстень настолько, чтобы можно было зажать в кулак драгоценный камень: так лучше не потеряешь его. И только после этого обрушивались на матроса удары.

Иногда Курош применял наказания более утонченные, с некоторой долей фантазии.

Однажды гальванер Максим Андреевич Косырев обратился к нему после завтрака с просьбой:

— Ваше высокоблагородие, разрешите мне сегодня на берег?

— Зачем?

— В церковь сходить. У меня сегодня день ангела.

Курош переспросил:

— День ангела, говоришь?

— Так точно, ваше высокоблагородие!

Курош подумал с полминуты, а потом, как бы сочувствуя тому, промолвил:

— Иди за мною.

Привел гальванера на рубку и, не повышая голоса, приказал:

— Стой здесь и смотри на небо. Как только увидишь своего ангела, сейчас же доложишь мне.

Косырев, не понимая такого распоряжения, удивленно уставился на старшего офицера, а тот сразу заревел:

— Я тебе приказал на небо смотреть! А ты не слушаешься!

Ударив кулаком в подбородок, он схватил руками голову гальванера и запрокинул ее назад. Целый час Косырев стоял на рубке и все смотрел на небо.

Перед подъемом флага к нему поднялся Курош и спросил:

— Видел своего ангела?

— Никак нет, ваше высокоблагородие!

— Ну ладно, отправляйся на берег.

Многие из матросов на судне старались завести дружбу с коком. От него, когда он резал мясные пайки, можно было получить кость. Счастливец в таких случаях скрывался в «шхерах» — за двойным бортом или в каком-нибудь закоулке судна, чтобы не попасться на глаза начальству. Там в одиночестве он отшлифовывал зубами свою добычу до блеска.

Так водилось на всех кораблях, так было и на крейсере «Минин».

И вот как-то наш писарь 2-й статьи Охлобыстин получил от кока здоровенную кость от бычьей ноги — сочную с мохрами мяса, с мозгами. Но не успел он отойти от камбуза, как на него, словно ястреб, налетел Курош. На этот раз обошлось без мордобития. Старший офицер приказал писарю взять кость в зубы, а потом повел его, схватив за ухо, на бак. Два часа виновник простоял с костью в зубах, словно собака, бледный, не знающий, куда спрятать глаза от стыда.

Нарвался и я однажды на Куроша. Он увидел у меня книжку: «Введение в философию» Паульсена.

— А, ты вот что читаешь!

И начал кричать на меня, потрясая кулаками. Не удовлетворившись этим, он произвел в моих чемоданах обыск, и около полсотни моих любимых книг полетело за борт. Но я был неисправим. Только с этих пор мне пришлось добывать знания более осторожно, так же как уголовный преступник добывает чужое добро, — воровским путем.

Некоторые матросы пытались заявить адмиралу Рождественскому претензии на Куроша, но после они раскисались в этом.

Тогда решили о всех безобразиях старшего офицера написать адмиралу анонимное письмо. А чтобы не могли установить, чей почерк, нашли для переписки грамотного матроса с другого корабля. Пакет послали на имя начальника отряда заказной корреспонденцией.

Вечером, перед молитвой, когда все собрались на верхней палубе, вышел к нам сам адмирал и заорал, потрясая анонимным письмом:

— Кто писал эту гнусную клевету? Выйди вперед!

С минуту длилось на судне гробовое молчание. И вдруг разразился ураган брани и рева. Адмирал угрожал повесить автора письма на рее.

И тогда поняли, что никакими путями не добиться нам правды.

Трудно сказать, кто из них был более жесток — Курош или Рождественский.

Болезненно самолюбивый, невероятно самонадеянный, вспыльчивый, не знающий удержа в своем произволе, адмирал наводил страх не только на матросов, но и на офицеров. Он презирал их, убивал в них волю, всякую инициативу. Даже командиров кораблей он всячески третировал и, не стесняясь в выражениях, хлестал их отборной руганью. А те, нарядные, сами в орденах и штаб-офицерских чинах, пожилые и солидные, тянулись перед ним, как школьники. Во время маневров или стрельбы учебно-артиллерийского отряда мне самому нередко приходилось видеть, как на мачтах нашего крейсера взвивались флаги с названием про-

винившегося корабля и с прибавкой какого-нибудь позорящего слова «гадко», «мерзко», «по-турецки», «по-бабьи». Подобные издевательства выносили командиры без протеста, терпеливо и молча, как наезженные лошади.

За все время службы я ни разу не видел, чтобы мрачное лицо адмирала когда-либо озарилось улыбкой.

Среди наших офицеров были и передовые в своих взглядах на жизнь. Они сами возмущались такими типами, как Рождественский и Курош, но они бессильны были остановить их произвол. Значит, весь ужас заключался не только в отдельных плохих начальниках, потерявших человеческий образ, а в той системе бесправия, которая царила во флоте.

Мне оставалось благодарить судьбу, что я не попал служить на «Суворов».

Наш броненосец возглавлялся гуманным командиром.

В сравнении с Курошем наш старший офицер казался добряком. Правда, любил пошуметь на матросов, поругаться, но уж такая была у него собачья должность.

Во всяком случае, для нашего брата большого вреда от него не было.

Накануне отхода из Либавы я побывал в городе, куда можно было проехать из порта на трамвае. Здесь основную часть жителей составляло латыши, а к ним примешивались и другие национальности — немцы, поляки, евреи, русские. Это видно было и по церквям, — наряду с готической лютеранской киркой стояла красивая синагога, католический костел. А в порту, на горе, величественно возвышался православный собор, как символ русского владычества над остальными народностями. Бойко торговали магазины, где приказчики разговаривали на всех европейских языках. Посетил я знаменитую кондитерскую, славившуюся производством марципанных пряников, тортов, всевозможных фигур животных, рыб и птиц. Потом вздумал зайти в книжный магазин. Когда я рассматривал, стоя у прилавка, литературные новинки, вдруг около меня раздался голос:

— Книжки выбираешь?

Я повернулся и вздрогнул. Передо мной стоял офицер в намокшей от дождя накидке — наш инженер Васильев. Из отзывов матросов, главным образом машинистов, я уже знал о нем как о самом лучшем начальнике. И теперь из-под козырька флотской фуражки с молодого лица тепло смотрели на меня карие умные глаза, а под пушистыми черными усами играла поощрительная улыбка.

Успокоившись, я ответил:

- Так точно, ваше благородие, хочу на дорогу кое-что купить себе.
- Хорошее дело. Значит, любишь книги?
- Есть такая слабость у меня — увлекаюсь чтением.

Васильев, расспросив, что меня больше всего интересует из литературы, сказал:

- Когда будем в пути, приходи ко мне за книгами.

Такое отношение офицера к матросу удивило меня и вместе с тем насторожило.

— Благодарю вас. Я с удовольствием воспользуюсь вашей любезностью.

Я купил последние выпуски сборника «Знание» и, козырнув Васильеву, вышел из магазина.

Возвращаясь на броненосец, я встретился в порту со своим хорошим приятелем, писарем Устиновым. Годом раньше я плавал с ним на крейсере «Минин», а прошлой зимой служил вместе в экипаже учебно-артиллерийского отряда. Это был плотный парень, молодой моряк, весьма застенчивый.

Прочитав на его фуражке надпись «Суворов» и пожимая ему руку, я спросил:

- Как, разве и ты на второй эскадре?
- Замели.
- Что делаешь?
- В штабе Рожественского служу.

— Ну, брат, я тебе не завидую. Останешься ты без барабанных перепонок, как это случилось со многими его писарями.

Устинов с грустью признался:

— Да, трудно служить с ним. Сумасшедший бык. Того и гляди, поднимет на рога. На нашем броненосце всем достается от него. Я сижу на секретной переписке. Почему-то он ко мне благоволит. Только раз закатил в шею так, что я опрокинулся.

— Какие новости в штабе? Ты ведь все знаешь. Рассказывай скорей.

— Новости не совсем веселые. Морской технический комитет сообщает, что с броненосцами типа «Бородино» нужно быть особенно осторожными: совсем малую остойчивость имеют. При такой перегруженности они без войны могут перевернуться вверх килем, если маху дашь. Даже жутко было читать бумагу об этом. В ней целый перечень идет, какие меры нужно предпринимать, чтобы избежать катастрофы.

Я сказал:

— У нас впереди длинный путь. Давай, дружище, встречаться почаще. А то очень тоскливо.

Устинов оглянулся кругом и таинственно сообщил:

— Как бы нам не сократили этот путь.

— Кто? Почему?

— В штабе получены сведения, что японские миноносцы поджидают нас в датских проливах. Адмирал ходит мрачной тучей. Штабные чины тоже в тревоге.

Мы поговорили еще немного и, распроставшись, пошли в разные стороны. Он торопился на почту, а я — на свое судно.

Аванпорт оказался для наших броненосцев недостаточно глубоковод, а каменный мол плохо защищал нас от ветра и волн. Некоторые корабли, поворачиваясь на канатах, приткнулись к мели. Поэтому командующий после полудня, несмотря на плохую погоду, начал выводить эскадру на внешний рейд.

Вечером на «Орле» служили молебны. Офицеры и команда собрались в жилой палубе перед сборной церковью. Рыжебородый священник из монахов о. Паисий надтреснутым голосом подавал возгласы, хор из матросов пел. Молились с коленапреклонением «за боярина Зиновия (Рождественского) и дружину его».

Настроение у всех было мрачное. Слух о близости японских миноносцев каким-то образом докатился и до нашего броненосца, проник в команду.

Многие думали, что, может быть, нас сейчас взорвут здесь же, на рейде. В разговорах чувствовалась подавленность.

Ночь была темная. Выл ветер в снастях, хрипло били волны в борта, скрежетали якорные канаты. У мелкой артиллерии дежурили комендоры и офицеры.

Сторожевые суда светили прожекторами, а на мачтах эскадры вспыхивали огни сигналов.

В эту ночь я долго не мог заснуть, ворочаясь на своей подвешенной парусиновой койке. Большинство электрических лампочек было выключено, а те, что горели, мало давали света. Вокруг меня и по всей жилой палубе, на расстоянии друг от друга в каких-нибудь пол-аршина, белели ряды подвесных коек, привязанных к бимсам. На них спали матросы. В полусумраке казалось, что это не койки висят на шкентросах, а держатся на потолке своими щупальцами какие-то длинные существа с выпученными вниз животами, странно молчаливые, кое-где шумно сопящие носом. Броненосец покачивался. В мозгу бессильно бились мысли, стараясь забежать вперед и угадать судьбу эскадры.

Потом почему-то представлялся Курош, стучащий себя в грудь кулаком и с плачем раскаивающийся в своих преступлениях [1].

Глава 9

ДАЛЕКИЙ ПУТЬ

С утра 2 октября наша эскадра, разбившись на четыре эшелона, начала последовательно сниматься с якоря.

После обеда с либавского рейда ушел последний эшелон, в котором находился и наш броненосец. Выстроились в две кильватерные колонны: в правой «Суворов», «Александр III» и «Бородино»; в левой — «Орел», транспорт «Корея» и спасательный буксирный пароход «Роланд». Шли неторопливо, делая не больше десяти узлов.

Вчера, встревоженное ветром, ярилось море, а сегодня оно только зыбилось.

Низкое и серое небо провожало нас слезами мелкого дождя. Матросы, находившиеся на баке, тоскливо оглядывались назад. За горизонтом исчезал последний русский порт.

— Не скоро теперь увидим родной берег, — сказал гальванерный старшина Степан Голубев, игрок на гитаре и любитель петь чувствительные романсы, и на его широком лице, словно от удивления, приподнялись брови.

Другой гальванерный старшина, Николай Романович Козырев, узкогрудый и всегда согнутый, с сухим рябоватым лицом, знаток русской и всеобщей истории, никогда не унывающий человек, весело промолвил:

— Да, месяцев через пять, не раньше.

— А может, и совсем не придется походить по русской земле, — недовольно отозвался мрачный гальванер Алференко.

Все трое были мои друзья. Беседуя с ними, я понял, что они уже знакомы и с нелегальной литературой. Считались хорошими и надежными товарищами.

Тут же находился и мой прежний знакомый, с которым я плавал на крейсере «Минин», кочегар Бакланов. Человек этот был чрезвычайно ленив и грязен, славился тем, что мог, забравшись куда-нибудь за двойной борт, проспять тридцать часов подряд. При своем низком росте весил около шести пудов, настолько он был широк. Покатый лоб с шишками, густые брови, широкий нос седлом, заплывшие и насмешливые глаза, презрительно вывернутые толстые губы, крупный и тупой, словно колено, подбородок, — все эти черты выделяли его лицо из общей массы. Страдал он, несмотря на свою неповоротливость и малую затрату энергии, обжорством и постоянно жаловался:

— Казна с голоду не уморит, но и досыта не накормит.

Я никогда не забуду случая, какой произошел с ним три года назад. На верхней палубе крейсера «Минин» он столкнулся с Рождественским. Бакланов давно сменился с вахты, но, по обыкновению, был грязен. Адмирал рассвирепел и, призвав двух вахтенных унтер-офицеров, приказал им:

— Вымыть это чучело! Да хорошенько! Не жалеть ни соды, ни мыла! И песком продраить его!

Кочегара схватили, раздели догола и окатили из шлангов водою. Потом четыре здоровенных матроса взялись смывать с него грязь. Натерли, не жалея силы, песком голову, шею, лицо, уши и все остальные части тела. Кочегар ворочался, кричал, морщился. Опять поливали его из двух шлангов, струи которых били настолько сильно, что он едва удерживался на ногах; опять принимались надраивать его песком, как медяшку, стирая на нем кожу почти до крови. После этого мыли еще с мылом и содой. Через полчаса его нельзя было узнать: таким чистым и с такой тонкой и нежной кожей он, вероятно, был только в первый день своего рождения.

На «Орле» у кочегара был неразлучный земляк, минер, по прозвищу Вася-Дрозд. Так прозвали его за то, что он сочиняя стишки сам распевал их, как песни. Правда, стихи его были слабые, сентиментальные, со слезой, но матросам они нравились. Длинноногий, с большой вихрастой головой, он ходил, немного горбясь, как будто носил на себе тяжелый груз. Характеры у обоих были совершенно различные: один слишком ленив, махнувший на все рукой, другой слишком кипуч, мечтавший завоевать жизнь. Выходили они на бак как будто для того, чтобы обязательно поругаться между собою.

И сейчас кочегар Бакланов, сидя со своим другом на выступе двенадцатидюймовой башни, сказал:

— Уходим, Дрозд, в чужие моря.

— Ну и что же?

— Пой отходную.

— Почему отходную?

— Угробят тебя японцы.

— А тебя?

— Меня нет. А с тобой смерть сдружилась. Вижу это по твоим глазам.

Вася-Дрозд разразился бранью.

Но кочегар Бакланов был невозмутим и, как всегда в таких случаях, задал своему другу неожиданный вопрос:

— Скажи, Дрозд, сколько в хвосте у чайки перьев?

— Этого не знаю, но зато знаю другое: под хвостом у нее больше ума, чем у тебя в голове.

— С дурака на службе меньше спросу. И на что нашему брату нужен ум? Все равно в адмиралы не произведут.

Другие тихо разговаривали о каверзах японцев: через день или два мы обязательно встретимся либо с их подводными лодками, либо с миноносцами.

За кормой таяла последняя полоска русской земли. Кончено.

Непосредственная связь с родиной оборвалась на долгое время. Кто из нас и каким путем вернется обратно?

В половине второго с мостика распорядились:

— Команде чай пить!

А в два часа пробили сигнал «дробь-тревогу».

Началось артиллерийское учение. Команда бегом занимала свои места.

Прислуга орудий, как башенных, так равно и казематных, бросилась к своим пушкам. Торопливо снимали с них чехлы, из дульной части вынимали пробку, ставили на место прицел. Другая часть людей, открыв бомбовые погреба и крьюйт-камеры, быстро спускалась вниз, на самое дно судна. В этих помещениях было душно и жарко, матросы снимали с себя рубашки, чтобы свободнее было работать.

Для 75-миллиметровой артиллерии имелись отдельные погреба. Здесь патроны со снарядами грузились в особые беседки, которые по элеваторной трубе поднимались вверх, к пушкам. Наверху прислуга подачи, вынув патроны из беседки, клала их в ряд на брезент. Комендор, хозяин пушки, командовал:

— К заряду!

Замочный номер прислуги открывал затвор пушки, а подносчик вкладывал патрон со снарядом в казенную ее часть.

— Замок! — командовал хозяин пушки.

Замочный номер закрывал затвор и бросал предостерегающее слово:

— Товсь!

У нас на корабле старались научиться управлять артиллерией из боевой рубки по циферблатам. Такие приборы находились в каждой боевой башне, в каждом каземате и в батарейной палубе. Различные стрелки на них, передвигаясь с помощью электрического тока, показывали открытие или прекращение стрельбы, направление стрельбы, расстояние до неприятельского судна и род снарядов, какие должны употреблять в дело.

Когда пушка была готова к выстрелу, хозяин ее, взглянув на циферблат, командовал:

— Прицел восемнадцать кабельтовых, целик сорок пять!

Установщик прицела устанавливал прицел и целик на указанные цифры.

Хозяин пушки, действуя подъемными поворотными механизмами, наводил свое орудие на тот или иной предмет и производил выстрел, предварительно крикнув:

— Пли!

Но в данном случае выстрела не производилось, так как это было только учебное занятие. Пушку сейчас же разряжали, а потом снова начиналась та же тренировка людей, обслуживающих артиллерию. Все эти действия производились под наблюдением офицера — плутонгового командира.

Гораздо сложнее происходила в это время работа в башнях. Здесь от людей требовалось больше знаний. Прежде всего — что такое двенадцатидюймовая башня? Это — громоздкое сооружение с весьма тонким оборудованием. Через все палубы, начиная с верхней, прорезан широкий колодец, опускающийся почти до самого дна судна. На уровне верхней палубы этот колодец прикрыт платформой, которая может вращаться вокруг своей оси и на которой установлены станки для орудий. Платформа, орудия и станки обведены толстыми броневыми стенами из лучшей стали. Образованное помещение и сверху закрыто броневыми плитами.

Такое замкнутое со всех сторон помещение имеет лишь особые отверстия амбразуры для тел орудий и небольшие щели для оптических прицелов. Вход в башню расположен на стороне, противоположащей орудийным амбразурам, и закрывается толстой стальной дверью. Вниз, опускаясь через колодец, проходит труба, прикрепленная к платформе и служащая для подачи снарядов и зарядов к орудиям. Сам колодец тоже защищен неподвижными броневыми плитами. Внутри башни и податочной трубы расположены многочисленные и очень сложные механизмы, работающие при помощи электрических двигателей (на некоторых судах — гидравлических). Эти механизмы производят следующие действия: они вращают башню вместе с судьями, которые таким образом получают горизонтальную наводку; они качают орудия в вертикальной плоскости, придавая им тот или иной угол возвышения; они должны поднимать к орудиям снаряды и пороховые заряды; они открывают и закрывают орудийные затворы; они выполняют работу по непосредственному заряджению, вталкивая в пушку снаряд и порох.

Под башенным колодцем, на самом дне судна, в бомбовом погребе и крьюит-камере, соединенных между собою дверями, собралось человек сорок матросов. Кипела работа. Прислуга пода-

чи спешила брать из стеллажей двадцатипудовые снаряды, хватая их храпами тележки, передвигающейся по рельсу на потолке; потом подвозили их к орудийным зарядным столам и вкладывали в верхние гнезда. В это же время другие доставали из стеллажей крьюит-камеры полузаряды бездымного пороха и также подвозили к зарядному столу, но вкладывали их уже в нижние гнезда. Два таких полузаряда весом в десять пудов шли на один выстрел. Затем, когда зарядный стол был нагружен, он посредством лебедки с гулом поднимался вверх, в башню, и останавливался так, что ось снаряда и ось орудия приходились на одной линии. К этому моменту замок орудия был уже открыт. А дальше раздавались те же команды и ответные слова, какие можно услышать и при мелкой артиллерии. Только хлопот здесь было больше. Башню с двумя орудиями обслуживали человек двадцать пять.

И каждый из них выполнял свой номер в строгой последовательности, поворачивая тот или иной рычаг или нажимая на какую-нибудь рукоятку, чтобы привести в действие механизмы.

Возглавлял всех офицер — башенный командир. Он следил за общим ходом всех работ, а также должен был вычислить по таблицам стрельбы величину целика, принимая во внимание скорость хода своего и неприятельского корабля, курсовой угол, силу ветра, деривацию. Получив нужные данные, он смотрел на указания циферблата и потом уже командовал:

— Прицел сорок кабельтовых, целик сорок восемь!

Когда орудие было заряжено, комендор-наводчик в свою очередь командовал:

— От башни прочь! Башня вправо! Башня влево! Немного выше! Немного ниже! Еще чуть ниже!

Прислуга поворотных и подъемных механизмов непрерывно работала.

— Залп! — громко и всегда с тревогой в голосе выкрикивал наконец комендор-наводчик.

В этот момент должен был бы раздаться выстрел, но его не было, так как орудия заряжались не настоящими снарядами и зарядами, а только болванками.

Во время учения башенный командир, волнуясь, кричал и ругался:

— Опять, каналья, прицел неверно установлен! Надо пятнадцать, а у тебя пятьдесят четыре. Целик тоже наврал.

Случалось, вместо того чтобы поворотить башню влево, ее поворачивали вправо. И опять слышались раздраженные возгласы:

— Куда, куда поехал? Что за балда? Не может правой руки отличить от левой! О чем ты думаешь? На бак после раздачи коек! Там ты проветришься и помечтаешь!

У наших артиллеристов не было достаточной тренировки, и потому происходили все время заминки, промедления, перебои. Сбивало с толку еще и то, что в числе орудийной и башенной прислуги были и молодые матросы, и запасные, одни не кончили специальной школы, а другие успели забыть свою практику, и, кроме того, системы орудий и установок теперь была новая, не та, какую они изучали раньше. Плохо шло учение и в батарейной палубе, у мелких пушек.

У нас было около двухсот человек артиллерийской команды. Весь вопрос теперь сводился к тому, сумеют ли они в полной мере овладеть своим искусством ко времени встречи с японцами. А ведь морское сражение — это состязание артиллерии. Представим себе, что силы на той и другой стороне будут равные — у нас десять боевых кораблей, столько же и у противника. Но японцы могут стрелять в два раза быстрее, чем мы, да еще меткость их будет превосходить нашу в два раза. Что тогда получится? Сила противника в сравнении с нашей учетверится, — иначе говоря, десять его кораблей как бы превратятся в сорок. Мы неизбежно подвергнемся разгрому.

Бывая на башнях, я не раз задумывался над тем, до какого усовершенствования дошли люди, изобретая орудия разрушения. Совсем по-другому обстоит дело с земледельческими орудиями. От мотыги мы перешли только к сохе, от сохи — к плугу. Ничтожный прогресс! До сих пор наша обширнейшая русская земля обрабатывается самыми примитивными орудиями, какие применялись в эпоху Ивана Грозного, тогда как орудия разрушения беспрерывно заменяются новыми, лучшими, и те из них, что были пять лет тому назад, уже считаются устарелыми. Сейчас двенадцатидюймовый снаряд в момент выбрасывания из дула развивает колоссальную работу. Ее хватило бы на то, чтобы приподнять на несколько фунтов целый броненосец. Неужели и в дальнейшем человеческий мозг будет направлен главным образом в сторону уничтожения и убийств?

В половине шестого с мостика распорядились:

— Окончить все работы! На палубах прибраться!

А через полчаса засвистали дудки к вину и ужину. Ели гречневую кашу с маслом. Трудовой день кончился. Можно было петь песни и веселиться.

За пять минут до заката были вызваны наверх во фронт караул, горнисты и барабанщики, офицеры и обе вахты команды.

Затем с теми же церемониями, с какими утром подняли кормовой флаг, теперь спустили его. Это произошло в тот момент, когда зашло солнце. Горнисты и барабанщики заиграли «на молитву».

Караульный начальник скомандовал:

— На молитву! Фуражки долой!

Барабанщик прочитал «Отче наш».

По команде «накройсь» надели фуражки, постояли еще некоторое время, пока командир не принял рапорта от старшего офицера, и разошлись. Зажигались огни: отличительные, тоновые и гакабортные. Наступала ночь.

Через два дня эскадра остановилась около острова Лангеланд. За это время на некоторых судах произошли поломки: на броненосце «Сисой Великий» поломались шлюпбалка, то же самое произошло и на «Жемчуге»; на «Роланде» лопнула главная питательная труба. Миноносец «Быстрый», приблизившись для переговоров к «Ослябе», навалился на его борт. В результате неудачного маневра он помял себе форштевень, испортил минный аппарат и получил подводную пробоину.

Засвежел ветер, а ночью разыгрался шторм. Но к утру 5 октября все стихло.

Вместе с рассветом Лангеланд постепенно освобождался от тумана, словно сбрасывая с себя кисейные платья.

День обещал быть теплым. Приступили к погрузке угля.

Ледокол «Ермак» и пароход «Роланд» отправились вперед для траления пути перед эскадрой. Первый опыт, однако, не удался. В самом начале тралящие суда, неудачно маневрируя, порвали трал.

Глава 10

«ГУЛЛЬСКИЙ ИНЦИДЕНТ»

В датских водах, у мыса Скагена, 7 октября эскадра бросила якоря и приступила к погрузке угля. Здесь Рожественский получил телеграмму, извещавшую, что он произведен в вице-адмиралы с пожалованием звания генерал-адъютанта. А через полтора суток произошло событие, нашумевшее своим скандалом на весь мир.

В два часа того же дня с флагманского судна было отдано распоряжение немедленно прекратить работу и приготовиться в дальнейший путь. Среди офицеров и матросов начались таинственные разговоры, передаваемые шепотом, с испугом в глазах. Оказалось, такая спешка была вызвана тревожными слухами о приближении к нам подозрительных миноносцев.

Командующий эскадрой принял самые строгие меры для охраны своих судов.

Эскадра была разбита на шесть отрядов, и каждый из них уходил под руководством того или другого начальника.

Шестой отряд составляли наши четыре новейших броненосца, сопровождаемые транспортом «Анадырь». Мы и на этот раз снялись последними, в восемь часов вечера, когда уже стемнело.

«Наварин» донес, что видит два воздушных шара. На «Орле» пробили боевую тревогу. Люди бросились по своим местам. Задраили все двери и люки. На палубе и срезах, чтобы свободнее было стрелять, убрали вельботы, свалили шлюпбалки, тентовые и леерные стойки. Около каждого орудия, зарядив его, дежурили артиллеристы. Шли с потушенными огнями.

Ночь была тихая. Безоблачная высь переливалась золотыми гроздьями созвездий.

Все выше поднималась луна, и серебристый свет ее расстилался по ровной поверхности вод. Море завороченно молчало. В такую ночь только бы грезить о счастье, а мы находились в душевном смятении. Сотни глаз пристально смотрели по сторонам, подозрительно провожали каждый встречный пароход, стараясь определить, не враг ли это приближается...

Я стоял на верхней палубе, и в моей голове невольно возникали вопросы: неужели противник и здесь, в такой дали от своей базы, может напасть на нас? Как ему скрываться на такой торной дороге, где ходит много судов дружественных нам наций? Что это такие за вездесущие японцы? Разумом я не верил в их присутствие в этих водах, но на судне офицеры и команда с минуты на минуту ждали нападения. Нервы были так напряжены, что любую пролетающую птицу над нами мы могли принять за воздушный шар.

Боцман Воеводин, обращаясь ко мне, скорбел:

— Зря отослали вперед все миноносцы и быстроходные крейсера. Надо бы хоть парочку оставить при себе. В случае появится какое-нибудь подозрительное судно, сейчас же послали бы их расследовать. И как это наш командующий не догадался, а?

— Стало быть, так нужно. Ему виднее, как поступить, — ответил я.

— Так-то оно так, но только бывает, что и на солнце затмение находит.

Около правого борта, против роств, собралось несколько матросов. Среди них находился кочегар Бакланов. Разговаривали насторожено, словно заговорщики.

Один новобранец, пугливо озираясь, все расспрашивал о подводных лодках.

Бакланов пояснил ему, вкладывая в свою речь как можно больше таинственности:

— Никак не увидишь ее, лодку-то. Под водой, окаянная, подкрадывается. Может, теперь уже подходит к нам, может, даже мину пустила. Тряхнет вот, и тут тебе могила.

— Неужто сразу? — спросил новобранец дрожащим голосом и, вытянув шею, начал смотреть за борт.

В этот момент Бакланов над самым его ухом издал резкий и отрывистый звук:

— Ха!

Матросы шарахнулись в стороны. А новобранец, выкрикнув, шлепнулся на палубу, а потом, вскочив, бестолково закрутил голову.

Бакланов рассмеялся:

— Эх, вояки! Даже кашля человеческого бояться.

Его обложили матом, а он как ни в чем не бывало спросил:

— А что, ребята, никто из вас не знает, во сколько времени в брюхе акулы может перевариться человек?

Позднее слева за горизонтом поднялся огненный столб. Это горело какое-то судно.

У нас явилось предположение, что там, вероятно, сражаются с японцами наши передовые крейсера.

Спать легли поздно, не раздеваясь, половина экипажа всю ночь дежурила.

Под утро я снова вышел на верхнюю палубу и удивился, насколько изменилась погода. Слабый зюйд-вест нагнал густой и липкий туман. Державшийся впереди нас «Бородино» и следовавший за ними «Анадырь» совершенно не были видны.

Прожекторы не в силах были прорвать непроницаемую мглу; не помогали также проникнуть в ее тайны ни бинокли, ни подзорные трубы. Кругом было мутно, и мы продвигались вперед слепые, словно находились в молоке. Казалось, весь мир растаял и превратился в прохладно-сырой пар, которому не было конца.

Все предметы на судне потеряли свой прежний облик, становились неузнаваемо расплывчатыми, а люди ходили по верхней палубе или мостику, как загадочные тени. Впечатление таинственности усиливалось еще тем, что наши пять кораблей беспрерывно переключались сиренными гудками. Далеко впереди подавал свой могучий голос «Суворов», постепенно повышая ноты и напрягая звук, как будто взбираясь на гору, а потом, перевалив

через нее, понижал до низкой, торжествующей октавы. Как только он замолкал, сейчас же, колыхая ночь, подхватывал рев «Александр III», за ним «Бородино» и затем уже наш «Орел». Казалось, эти незримые великаны соперничают между собой силой своих железных легких. И весь этот странный предутренний концерт заканчивал шедший сзади нас «Анадырь» таким диким и безнадежным воплем, словно хотел предупредить нас о приближении страшного бедствия.

Днем туман рассеялся. Немецкое море было спокойно. Курс держали на французский портовый город Брест. Одно только было плохо — нервировал всех беспроволочный телеграф, перехватывая разные тревожные известия с наших передовых судов.

В ночь с 8 на 9 октября засвежел ветер, дошедший до четырех баллов.

Начинался разгул волн, подававших из-за борта. С неба, уплотненного тучами, сыпалась изморось, сгущая тьму.

В начале девятого часа плавучая мастерская «Камчатка» сообщила, что ее атакуют японцы. Она входила в отряд контр-адмирала Энквиста и должна была находиться впереди нас, по крайней мере, миль на пятьдесят. Но у нее произошло какое-то повреждение в одной из двух машин, поэтому она отстала от своего эшелона и шла в одиночестве позади наших броненосцев.

Как после узнали, между «Камчаткой» и «Суворовым» произошел по телеграфу такой диалог.

— Преследуют миноносцы, — сообщила «Камчатка».

— За вами погоня. Сколько миноносцев и от какого румба? — спросил «Суворов».

— Атака со всех сторон.

— Сколько миноносцев? Сообщите подробнее.

— Миноносцев около восьми.

— Близко ли к вам?

— Были ближе кабельтова и более.

— Пускали ли мины?

— По крайней мере, не было видно.

— Каким курсом вы идете теперь?

— Зюйд-ост семьдесят.

Потом «Камчатка» просила показать ей место эскадры.

На это «Суворов» снова заговорил:

— Гонятся ли за вами миноносцы? Вам следует сначала отойти от опасности, изменив курс, а потом показать свою широту и долготу и тогда вам будет показан курс.

— Боимся показать.

В одиннадцать часов «Суворов» телеграфировал:

— Адмирал спрашивает, видите ли вы теперь миноносцы?

Через двадцать минут был получен ответ:

— Не видим.

По отряду еще в девять часов вечера сигналом был отдан приказ командующего: «Ожидать атаки миноносцев сзади». На «Орле» давно уже пробили боевую тревогу. Были заряжены орудия, около них припасены в беседах снаряды и патроны. Все люди находились на своих местах. А враги наши все еще не показывались.

Так хотелось, чтобы светила луна, но она спряталась за тучи, По-видимому, надолго. Скулил в темноте ветер, нагоняя мглу, а море, ворочаясь, раздраженно ворчал. Медленно, как липкая струя, тянулось время. Ожидание опасности свинцовой тяжестью давило сердце.

Склянки пробили полночь. Часть команды могла спать, но немногие воспользовались этим разрешением. На горизонте мелькали какие-то огни.

— Эх, хоть бы скорее ночь прошла! — вздохнул один из матросов.

— Да, днем не посмеют подойти к нам, — промолвил другой.

Боязнь перед возможностью нападения на нас японцев все возрастала и так затуманила разум, что все потеряли способность здраво мыслить. Никто не задумывался над нелепыми сообщениями «Камчатки». Представляя собою дешевый транспорт, она имела у себя лишь несколько мелких пушек, и потеря ее ни в коем случае не могла бы остановить нашу эскадру. Для чего же она понадобилась японцам? Неужели они, если уж решились атаковать нас, выбрали ее вместо новейшего броненосца? И зачем понадобилось высылать против нее целую флотилию миноносцев в восемь штук, когда один из них легко может с нею справиться? Неужели японцы так глупы? Тут было что-то неладно. Только при болезненном воображении командир «Камчатки» мог представить себя атакованным «со всех сторон». Отличился и наш командующий. Получив такие сведения, он поверил им и, вместо того чтобы послать какой-нибудь крейсер на защиту «Камчатки», начал наводить панику на свой отряд.

Около полуночи наш отряд проходил Доггер-Банку — отмель в Немецком море, знаменитую обилием рыбы. На этой отмели всегда можно видеть рыболовные суда. Впереди нашего отряда взвились трехцветные ракеты. «Суворов», приняв их за неприятельские сигналы, открыл боевое освещение, а вслед за этим с него грянули первые выстрелы. Его примеру последовали и другие броненосцы.

Так началось наше «боевое крещение».

На «Орле» все пришло в движение, как будто внутрь броненосца ворвался ураган. Поднялась невообразимая суматоха. Заголосили горнисты, загрели барабанщики, выбивая «дробь-атаку». По рельсам, подвозя снаряды к пушкам, застучали тележки. Оба борта, сотрясая ночь, вспыхнули мгновенными молниями орудийных выстрелов. Заревела тьма раскатами грома, завывала пронизывающими ее стальными птицами. На палубах не прекращался топот многочисленных ног. Это бежали снизу наверх и обратно люди; они метались по всем отделениям и кружились, как мусор в вихре.

Слышались бестолковые выкрики:

- Миноносцы! Миноносцы!
- Где? Сколько?
- Десять штук!
- Больше!
- Черт возьми!
- Погибать нам!

Вольноопределяющийся Потапов выскочил из своей каютки в одном нижнем белье. На его маленьком лице выразилась полная растерянность, глаза тупо вращались, ничего не понимая. Он бросился было к трапу, но сейчас же отпрянул обратно. Ничего не придумав другого, он вскочил на умывальники, бормоча что-то, улегся в его желоб. Некоторые матросы запаслись спасательными кругами. Другие, выбросившись на верхнюю палубу, хватали пробковые койки. Кто-то крестился, и тут же летела отвратительная матерная брань. В левый борт дул ветер, рычало море и лезло через открытые полупорты внутрь судна. С жутким гулом разлилась по батарейной палубе вода. Ошалело стреляли комендоры, не целясь, куда попало, стреляли прямо в пространство или в мелькавшие в стороне огни, иногда прямо в воду борта, иногда туда, где останавливался луч прожектора, хотя бы это место было пустое. Прислуга подачи, не дожидаясь выстрела уже заряженной пушки, тыкала в казенник новым патроном. Вместе с мелкой артиллерией бухали и шестидюймовые башенные орудия. Наверху трещали пулеметы и этим самым только больше нервировали людей, вносили замешательство на судне. В грохоте выстрелов, в гвалте человеческих голосов иногда можно было разобрать ругань:

- Что вы делаете, верблюды? Куда стреляете?
- Наводите в освещенные миноносцы!

С заднего мостика сбежал на палубу прапорщик с искаженным лицом и, держа в руках пустой патрон, истерично завопил:

— У меня все снаряды расстреляны! Орудийная прислуга обалдела, не слушается! Я им морды побил! Дайте скорее еще снарядов!

Кильватерный строй нашего отряда сломался. Часть прожекторов освещала суда, которые мы расстреливали, а остальные двигали свои лучи в разных направлениях, кромсая ночь, создавая беспорядок. Далеко впереди и справа на расстоянии в несколько миль сверкали вспышки сигналов. Только впоследствии узнали, что там проходил эшелон адмирала Фелькерзама, а сейчас его тоже признали за противника. Но каково же было удивление всех, когда слева, совсем близко, вдруг загорелись прожекторы и, ослепляя людей, уперли свои лучи в наши броненосцы. Создалось такое впечатление, что нас окружают вражеские силы со всех сторон.

Объятые ужасом, некоторые загалдели:

— Японские крейсера!

— Целая эскадра идет на нас!

С нашего отряда открыли огонь по этим прожекторам, что освещали слева, из мрака. Оттуда тоже начали отвечать стрельбой. Через «Орел», завывая, полетели чьи-то снаряды. На ближайшем судне, вероятно на «Бородине», покрыв все остальные грохоты, раздался выстрел двенадцатидюймового орудия.

— Мина взорвалась! — закричал кто-то на «Орле».

— Где? У нас?

— Вероятно, «Бородино» потопили.

— Сейчас и нас взорвут.

И новая весть, изменяясь на все лады, покатилась вниз по всем отделениям.

Так, принимая искаженные формы, чудовищно изменилась действительность в сознании людей, взбудораженных паникой. Броненосец, казалось, превратился в плавучий дом сумасшедших.

Неизвестные корабли, что находились слева, вскоре огнями Табулевича показали свои позывные. Это были крейсера из отряда контр-адмирала Энквиста — «Аврора» и «Дмитрий Донской».

Несомненно было, что мы, идя по Доггерской Банке, врезались в рыбацкую флотилию. Но наше высшее командование приняло эти жалкие однотрубные пароходики с номерами на боку за неприятельские миноносцы. Флагманский корабль первый открыл по ним стрельбу, заразив своим страхом остальные броненосцы. Безумие продолжалось. В результате представилась жуткая картина.

Не дальше как в пяти кабельтовых от нас, в лучах прожектора, плавало, свалившись набок, одно судно с красной трубой, с полуманной мачтой, с разрушенным мостиком. Еще четыре таких же парохода были подбиты.

На некоторых из них возник пожар. Там метались люди от носа к корме и от кормы к носу, умоляюще подбрасывая вверх руки. А куда они могли убежать с такой маленькой площади, как палуба? Вокруг шумели волны и вздымались столбы воды от снарядов.

На «Суворове», погасив боевое освещение, оставили только прожектор, луч которого поднялся к небу. Это служило сигналом: «Перестать стрелять».

На «Орле» с мостика неистово кричали:

— Прекратить огонь!

Офицеры насильно оттащивали от орудий очумелых комендоров, осыпая бранью и награждая их зуботычинами, а те, вырвавшись из рук, снова начинали стрелять. На верхней палубе горнист Балеста делал попытки играть отбой. Но у него прыгал в руках горн, губы не слушались, извлекая звуки настолько несуразные, что их никак нельзя было принять за какой-нибудь сигнал. Около Балесты крутился боцман Саем и, ударяя его кулаком по голове, яростно орал:

— Играй отбой! Расшибу окаянную твою душу на месте!

У горниста из разбитых губ, окрашивая подбородок, стекала кровь.

Бой продолжался минут двенадцать. За такой короткий промежуток времени только с одного «Орла» успели, не считая пулеметных выстрелов, выпустить семнадцать шестидюймовых снарядов и пятьсот снарядов мелкой артиллерии.

Как после узнали, то же самое происходило и на других броненосцах. Не представлял собою исключения и флагманский «Суворов», где царил такой хаос, что сам адмирал принимал непосредственное участие в наведении порядка.

У нас оторвало дуло у 75-миллиметровой пушки.

Вскоре выяснилось, что с нашего отряда попало пять снарядов в «Аврору», пробив надводный борт и трубы. Двое были там ранены — легко комендор Шатило и тяжело священник Афанасий, которому оторвало руку (вскоре он умер). Но могло быть и хуже. Если бы мы стреляли умело и если бы наши снаряды разрывались хорошо, то в этой суматохе мы потопили бы сами часть своих судов.

Встретившись вскоре с инженером Васильевым, я сказал:

— Не совсем приятная история получилась, ваше благородие.

Он взглянул на меня карими глазами и, махнув рукой, недовольно буркнул:

— Вышли на потеху всему свету.

Так закончился наш первый бой, названный впоследствии по месту приписки рыболовных судов, расстрелянных нами, «гулльским инцидентом» [2].

Часть вторая

**Вокруг мыса
Доброй Надежды**

Глава 1

МОИ ДУМЫ О ФЛОТЕ НЕ ЗАКОНЧЕНЫ

Следующие дни проходили благополучно. Только в одном месте, встретившись еще раз с рыболовными судами, порвали им сети. Как только не запутали в них свои винты! Проходя каналом Ла-Манш, видели справа дуврские утесы, воспетые когда-то Виктором Гюго. Отсюда через каких-нибудь три часа можно было добраться до Лондона, до огромной и туманной столицы, где какие-то таинственные воротилы заправляют всей мировой политикой.

Легли на курс через Бискайский залив. Почти всегда беспокойный, буйный, раздражающий моряков всех стран, он на этот раз встретил нас мирно, хотя навстречу нам и катилась крупная зыбь, порожденная просторами Атлантического океана. Броненосец наш, держась кильватерной струи впереди идущего судна, непрерывно кланялся носом.

Этот период осени как раз совпадал с перелетом птиц. Многие из них, усталые, присаживались на наше судно отдохнуть. Матросы оказывали им радушный прием, давая пищу — хлеб или крупу.

А однажды ночью мне пришлось наблюдать явление, возбудившее во мне ряд неразрешимых вопросов. Небо было звездное. По зыбучей поверхности моря трепетно разливался лунный свет. Катились волны, гладкие, как отполированные, вспыхивая мгновенным блеском и потухая. В этой изумительной игре светотеней было что-то детски беззаботное, а вместе с тем простое и мудрое, как вечность. Я стоял один на поперечном мостике, перекинутом через ростры, и думал о нашем флоте. Как у нас хорошо все выходило на парадах и высочайших смотрах и как ужасно плохо получилось, когда мы расстреливали рыбаков.

Я доискивался до причин этого и приходил к неутешительным выводам.

В доках у нас, грохоча молотками, ремонтировали старые суда, и они еще плавали по несколько лет. А на эллингах строили новые корабли по последним образцам, правда тратя на каждый из них денег в два раза больше, чем он стоил на самом деле. И все это делалось как будто не спустя рукава. Прежде чем приступить к созданию какого-нибудь броненосца или крейсера, о нем предварительно несколько лет толковали, спорили, кричали, совещались, писали, ломая головы, проекты и контрпроекты, и только после этого приступали к делу, начинали строить. И все-таки

корабли выходили с малой остойчивостью, непослушные рулю, с мыльными заклепками и другими дефектами.

Не стояли как будто и другие дела. Адмиралы с глубокомысленными лицами и с сознанием своего достоинства делали соответствующие своему званию распоряжения, а их адъютанты и флаг-офицеры усердно строчили приказы и циркуляры, которые писаря, соблюдая порядковый номер, аккуратно подшивали к делам. В канцеляриях исписывались целые горы бумаг в виде рапортов, предписаний, отношений, донесений. Устраивались парады, ходьба церемониальным маршем, производились всевозможные учения. Начальники допрашивали нижних чинов о претензиях и делали инспекторские смотры, в заключение выкрикивали:

— Очень хорошо, молодцы!

На это нижние чины браво отвечали:

— Рады стараться, ваше ...гитество!

Иногда посещал корабли шеф флота, родной дядя Николая II, великий князь Алексей Александрович. Глядя на суда, выкрашенные к его приезду, на бравый вид моряков, он тоже был доволен. Но он не понимал, что весь организм военно-морского ведомства, охваченный гангреной, разлагается. От других высочайших особ этот великий князь отличался только тем, что был могуч ростом и тяжел весом. Во флоте называли его:

— Семь пудов августейшего мяса.

С показной стороны все обстояло благополучно, иногда даже красиво. Но если ближе присмотреться к военно-морскому ведомству, то нельзя была не вынести безнадежного впечатления. Вся служба во флоте сводилась к тому, чтобы оказывать высшему начальству наибольшие почести, делать вид, что занимаются боевой подготовкой личного состава, беспрестанно скоблить и вновь красить корабли и как можно больше времени проводить на берегу.

Главные представители флота, за исключением немногих, подбирались как нарочно из людей тупых и бездарных, с головой погрязших в бюрократизме и рутине. В глазах наших командующих матросы представляли собой баранов, бывших крепостных, нижних чинов, лишенных не только права, но и способности самостоятельно мыслить. Матрос должен сознавать свое ничтожество перед начальством. Команду нужно хорошенько «драить»!

«Надраенная» команда — это гордость каждого командира и старшего офицера.

На вызов начальства матрос должен подлетать по палубе бегом и смотреть на своего повелителя «бодро и весело», как хорошо

дрессированная собака. В этом и упражнялись многие адмиралы и командиры, в этом видели залог боевой подготовки и основу морской дисциплины. Но в то же время они мало обращали внимания на то, что матросы не умеют пользоваться оптическими прицелами, не могут обращаться с дальномерами, стреляют плохо. Мне кажется, корни такого зла имели свое начало в глубине нашей истории.

Русский парусный флот, основанный Петром Великим, через несколько десятков лет достиг своего высокого совершенства и вышел на океанский простор. В начале девятнадцатого века продолжалось его процветание. Он уже стоял на одном уровне с флотами других государств. Из недр его выделился целый ряд выдающихся людей.

Были у нас исследователи новых стран и ученые деятели.

Знаменитый мореплаватель Крузенштерн в 1803—1806 годах на корабле «Надежда» совершил кругосветное путешествие. Он собрал огромный материал по океанографии, географии, ботанике, зоологии, этнографии и навигации.

Его именем были названы в Тихом океане пролив, остров, отмель и залив.

Кстати, нужно сказать, что, уходя в плавание, он приказал выбросить за борт тросовые линьки, которыми истязали матросов. В те времена это был исключительный случай.

Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен, будучи начальником южной полярной экспедиции, пустился в плавание в Ледовитый океане на своем шлюпе «Восток» и спуускался до семидесятого градуса южной широты, то есть дальше, чем последующие мореплаватели — Джемс и Кук. Он семь раз пересек южный Полярный круг и прошел под парусами тридцать шесть тысяч четыреста семьдесят пять верст. И мир обогатился новыми сведениями об этой загадочной части нашей планеты. Кроме того, он открыл двадцать девять островов и одну коралловую мель в Тихом океане.

Федор Петрович Литке в течение четырех лет плавал от Архангельска к Новой Земле. Добытый им материал составил великолепный источник для ознакомления с этой частью нашей Арктики.

В 1826 году он был назначен командиром шлюпа «Сенявин», на котором совершил свое знаменитое кругосветное плавание. Исследовал главным образом побережья Охотского и Японского морей, Каролинских и Марианских островов в Тихом океане. Во время путешествия он повсюду производил наблюдения над качанием маятника. Обширный запас научного материала и все-

возможные коллекции, привезенные Литке, вызвали всеобщее удивление в ученом мире.

Недаром он был избран членом многих академий и университетов за границей.

Не меньшие были заслуги и у таких моряков, как Василий Михайлович Головин, Отто Коцебу, Геннадий Иванович Невельский и другие.

Были у нас и адмиралы-флотоводцы, адмиралы-победители.

Герой, соратник Суворова, соперник в подвигах с Нельсоном, адмирал Ф. Ф. Ушаков считался создателем Черноморского флота и новатором в военно-морском искусстве. Наравне с Клерком у англичан и Сюффреном у французов он боролся с установившейся во флоте рутинной и блестяще оправдал свое новаторство во многих сражениях. Как и Суворов, он был непобедим.

Адмирала Димитрия Николаевича Сенявина при жизни называли «великим человеком». Происходя из семьи моряков, он прошел морскую и боевую школу в ушаковских кампаниях в Черном и Средиземном морях. Назначенный в 1806 году, по рекомендации Ушакова, флагманом, он провел двухлетнюю кампанию при невероятных материальных и технических трудностях. В сложном политическом переплете наполеоновских войн он сражался то в союзе с турками против французов, то в союзе с французами против англичан. Занятие Боко-ди-Катаро, поражение французов у Далматинских островов, бой у Тенедоса, Афонское сражение — все это были подвиги, когда Сенявин побеждал, уступая врагу в численности, вписывая славные страницы в историю нашего флота. С полуизносившимися и истрепанными в боях кораблями, окруженный англичанами в Лиссабоне, вопреки распоряжению Александра I, он не потопил и не сжег своих кораблей. Он гордо продиктовал много сильнейшему его противнику свои условия и спас для России остатки флота.

Царь был недоволен таким «ослушанием», уволил Сенявина со службы и даже не вернул ему собственных денег, какие он тратил в походе на флот. Таким образом, прославленный адмирал, которому казна должна была миллионы, под старость остался в нищете.

Изучая историю морских сражений, ни один не пройдет мимо таких выдающихся имен, как Лазарев, Гейден, Корнилов и Нахимов.

Этот период процветания парусного флота, продолжавшийся до самой севастопольской кампании, создал чрезвычайно прочные и устойчивые традиции морской службы. Выработался тип моря-

ков, офицеров и матросов, всецело прираставших к палубе корабля и годами бороздивших отдаленные океаны. В севастопольскую кампанию, однако, обнаружилось, что личные качества моряков уже не могли возместить отсталости нашего флота. Требовались паровые двигатели и железное судостроение. А наши деятели того времени не могли к этому своевременно перейти. Дисциплина и священные традиции парусного флота глубоко срослись со всей системой крепостничества, являвшегося социальной базой патриархальной русской государственности.

Результаты в Крымскую кампанию получились самые плачевные.

Падение крепостного права сопровождалось появлением кораблей с паровыми двигателями. Но еще долгое время машина играла роль вспомогательного двигателя, а полное парусное вооружение сохранялось даже на броненосных судах. Еще в период 1882—1890 годов строились броненосные фрегаты — «Дмитрий Донской», «Владимир Мономах», «Адмирал Нахимов», «Память Азова», «Рюрик», а также броненосцы — «Николай I» и «Александр II» с запасным парусным вооружением. Эти корабли в продолжение двух десятилетий бороздили моря и океаны и дожили еще до времени русско-японской войны. Некоторые из них остались в Кронштадте, другие вошли в состав нашей 2-й эскадры, а один уже нашел себе могилу на Дальнем Востоке.

Эта система кораблей воспитала особую школу моряков. К ним принадлежали все без исключения адмиралы русского флота, а также большинство судовых командиров и старших офицеров, принимавших участие в русско-японской войне.

Яркими представителями этой школы были адмиралы: Алексеев, Дубасов, Чухнин, Скрудлов, Бирилев, Рожественский и отчасти Макаров, единственный во флоте человек, который, будучи сыном боцмана владивостокского полуэкипажа, проник благодаря счастливым обстоятельствам в чрезвычайно замкнутую и недоступную касту морских офицеров. Но даже и этот наиболее передовой и талантливый из морских руководителей, чувствуя уже зарождение новой судовой техники, не мог преодолеть в себе всей силы привычек и традиций парусной эпохи. А что можно сказать о других адмиралах? Из прежних навыков они черпали свои организационные принципы, способы управления эскадрой, кораблями и людьми. В новый флот с машинами тройного расширения, электротехникой, гидравликой и всеми бесчисленными специальными механизмами они целиком перенесли социальную обстановку крепостнического времени...

Мои мысли вдруг оборвались. Со стороны кормы, издалека, послышался нарастающий шум, словно нагонял нас ураган. Шум, быстро приближаясь, превратился в гул, а вместе с ним широкой пеленой заслонились звезды.

Упруго задрожал воздух. Это продолжалось всего только несколько секунд.

Получилось впечатление, как будто над кораблем пронеслась черная дырявая туча. На самом же деле это пролетела огромнейшая, в несколько тысяч штук, стая птиц, держа направление на юго-восток. Почему все птицы делают перелеты ночью? Почему они собираются для этого в большие стаи? Может быть, у них свои адмиралы есть?

В детстве мне много приходилось заниматься птицами. Однажды я произвел интересный опыт над скворцом. У меня была прикреплена к жерди скворешня, балкончик которой я устроил на петлях, а от него вниз, через внутреннее помещение птичьего жилища, провел шнур. Стоило только дернуть за такой шнур, и балкончик захлопывал входное отверстие скворешни. Я дождался того времени, когда в гнезде зациркала птенцы и родители их начали носить им пищу.

Прилетел самец, держа в клюве червяков. Когда он залез внутрь своего домика, я хлопнул, дернув за шнур, входное отверстие. А дальше при помощи товарищей, моих сверстников, ничего не стоило снять скворешню, оторвать от нее половинку крыши, и перепуганный насмерть скворец был у меня в руках. Я привязал к его правой ноге кусочек красной шелковой ленты и отпустил его на волю. Мой скворец взвился и со всей стремительностью направился в сияющую даль полей, уменьшаясь до размеров мухи, пока совсем не исчез. Но на второй день опять прилетел и, держа в клюве пищу для птенцов, долго с тревожным криком кружился над гнездом. Улетал куда-то и снова возвращался. А через три дня все пошло по-старому: он залезал внутрь скворешни и довольно исправно кормил своих детей. Любовь к ним поборола страх перед опасностью. Подросли птенцы, оперились и навсегда оставили свой родной домик. В начале осени, когда эти птицы начали собираться в большие стаи, не раз видел я среди них своего скворца с красной ленточкой на правой ноге. Это меня очень забавляло.

Но какова же была моя радость, когда и на следующую весну он прилетел и поселился в той же скворешне.

Только красная лента на его ноге поблекла. И мне казалось, что на этот раз он, блестяще-черный, с фиолетовым отливом, рассу-

пался брачными песнями перед своей пестренькой подругой особенно красиво и весело.

Я вывел на двор отца и мать и, показывая на скворца, восторженно сказал:

— Смотрите! Вот он!

А потом задал вопрос:

— Как он нашел дорогу обратно?

Отец, николаевский солдат, с седыми бакенбардами, покачав головою, изрек:

— Не иначе как соображение есть. Стало быть, птица умная.

А мать протянула свое:

— Это сам Бог указывает птицам путь.

Ни то, ни другое толкование мне ничего не объяснило. Прошло много лет, я стал матросом. И вот, стоя на поперечном мостике броненосца, я вспомнил о факте со скворцом и еще больше удивился ему. Я знаю, как ведут корабль из одного порта в другой, пересекая при этом огромнейшие пространства, ведут среди моря, где нет ни дорог, ни вешек, иногда в бурную погоду да еще ночью, когда кругом ничего не видно. Все это было для меня понятно. Для этого штурман проходит специальные науки, для этого он пользуется и астрономией, благодаря которой, пустив вход секстан и хронометр, можно определить свое местонахождение в море, и компасом, показывающим путь, и прибором, измеряющим силу ветра, и добытыми сведениями о течениях, сбивающих судно с курса, и математическими исчислениями. Несмотря ни на какую погоду, корабль придет туда, куда его направили. Но чем руководствовался мой скворец, улетаая на зиму в теплые края, а потом к весне возвращаясь обратно? Ведь его рейс тоже нужно считать тысячами километров. И разве во время такого длинного пути его не захватывали туманы, ночи и бури? Каким же образом, без компаса и других необходимых приборов, он нашел свою скворешню?

На следующее утро, после завтрака, с мостика было отдано распоряжение:

— Команде мыть белье и койки!

Это была нудная работа. На судне не хватало пресной воды. Согласно приказу адмирала Рожественского от 24 сентября за № 85, мы должны были обращаться с нею как можно бережнее. В пункте четвертом говорилось:

«Уничтожить свободный доступ всех желающих к запасам пресной воды для котлов; баню делать два раза в неделю, пока холодно, и раз в неделю, когда начнут окачиваться; в командные умывальники давать только соленую воду; флагманскому интен-

данту приобрести мыло, растворяющееся в соленой воде; ванны делать из забортной воды; пресную воду отпускать по ведру на человека всем в дни мытья белья, машинной команде по смене с вахты и прочей команде после погрузки угля...» Над горизонтом, оторвавшись от поверхности моря, поднималось солнце.

На корабле началась суматоха. С обрезками и лоханками в руках матросы мчались в баню или в машину за горячей водой. Вскоре, исключая ют, вся верхняя палуба превратилась в сплошную прачечную. Сотни людей расположились здесь. Одни стояли на корточках, другие на коленях, работая мускулами рук.

Сначала мыли форменки, кальсоны, нательные рубахи, а потом принимались за койки. Ту или иную вещь, помочив в воде и разложив на палубе, намыливали и усердно скребли бельевыми щетками.

Боцманы и унтер-офицеры подгоняли:

— Проворнее, ребята, стирайте. До подъема флага нам чтоб все кончить.

Я стирал белье около своих друзей — гальванера Штарева и трюмного старшины Осипа Федорова. Тут же находились минер Вася Дрозд и его постоянный спутник, кочегар Бакланов. Еще не стерлись впечатления от расстрела рыбаков.

Об этом снова возобновляли разговор, повторяя все то, что было уже известно.

Кочегар Бакланов иронически утешал:

— Ничего, братцы, это была репетиция по приказанию его превосходительства. Это пойдет только на пользу нам. Вот если бы в пути проделать нам таких двадцать репетиций — из нас, смотришь, вышел бы толк.

Хуже всего было мыть койку. Парусиновая, она, намкнув в воде, становилась твердой, как лубок. Все руки измотаешь, прежде чем соскребешь с нее грязь.

Бакланов работал ленивее всех. Все уже кончили стирать, а он еще не принимался за свою койку. Вдруг он спохватился и, оглядываясь, спросил:

— Братцы, а кто мою койку взял?

Она оказалась у одного молодого матроса уже вымытой. Кочегар набросился на него с руганью:

— Ты что же это, серая балда, чужие вещи хватаешь? Разве не видишь, на ней номер не твой? За это морду вашему брату конопятят!

Кругом раздался смех. Молодой матрос, сконфузившись и чуть не плача от досады, пробормотал:

— Сам, грязный черт, подсунул мне. Жулик!

Ему снова пришлось взяться за мытье уже своей собственной койки.

Когда белье и койки прополоскали в забортной воде и крепко выжали, каждый свои вещи начал привязывать к заранее разнесенным по палубе леерам.

Вахтенный начальник скомандовал:

— На бельевые и коечные леера! Леера поднять!

Леера, прикрепленные концами к носу и корме, поднимались средними частями до вершин грот и фок-мачт. Через несколько часов белье просохло. Обе вахты вызвали наверх. По команде травили леера. Потом вахтенный начальник распорядился:

— Команда, с бельем во фронт для осмотра!

Ротные командиры и отделенные начальники проходили вдоль фронта. Тех, у кого белье было вымыто плохо, заставляли перестирать его во время отдыха.

Остальные под веселые звуки дудок разошлись и прятали свои вещи в чемоданы.

Этим занимались мы два раза в неделю.

Глава 2

НА ПОЛОЖЕНИИ АРЕСТОВАННЫХ

Через шесть суток утром показались скалистые берега Испании. Наш отряд судов приближался к портовому городу Виго. В десятом часу обогнули остров, и перед нами открылся великолепный залив, глубоко вторгшийся в сушу. Со всех сторон он был огражден высокими горами. По берегам его раскинулись рыбацьи поселки. Салютуя испанскому флагу, направились в глубь бухты и за ее поворотом, на виду города, бросили якорь. В ответ нам загремели орудия крепости. Стоял тихий и безоблачный день. Теплые лучи солнца ярко освещали каменные постройки, прилипшие к склонам горы. Над городом господствовала цитадель. Теряясь в прозрачной дали, тянулись горные хребты Пиренеев. С другой стороны, внизу, перед окнами зданий расстилалась неподвижная гладь зеленовато-синей воды. В этой бухте могли бы разместиться, не мешая друг другу, сотни больших кораблей.

На берег не отпускали ни матросов, ни офицеров.

Здесь нас ожидали пять немецких пароходов с углем для нашего отряда. Они немедленно пришвартовались к броненосцам. Но на пароходы явилась портовая полиция и запретила погрузку, ссылаясь на то, что Испания не хочет нарушать нейтралитета. Наше командование было поставлено этим в чрезвычайно затруд-

нительное положение. От Скагена до Виге было расстояние в тысячу триста двенадцать миль. На этом пути, идя средним ходом в восемь-девять узлов, мы сжигали в сутки сто двадцать пять тонн угля. На каждом броненосце остался запас топлива на двое суток. Что будем делать дальше?

Полетели телеграммы в Мадрид и Петербург.

Дня через два были получены на броненосец английские и французские газеты, очень взволновавшие наших офицеров. Среди них начались оживленные разговоры. До нас долетали только обрывки этих разговоров. Однако можно было понять, что «гулльский инцидент» вызвал международное осложнение.

Если кому-либо из команды удавалось подхватить какую-нибудь новость, то сейчас же он спешил поделиться ею с товарищами.

— В иностранных газетах нас разбойниками называют.

— А я слышал — против нас все государства пойдут воевать.

— Нет, требуют только, чтобы эскадра наша вернулась обратно.

— Ну! Неужто обратно?

— Да. А Рождественского под суд отдадут.

— Это только нам на руку. А главное — вернуться в Россию.

Наконец получили разрешение от испанского правительства принять с транспортов уголь, но не больше как по четыреста тонн на каждый броненосец.

Было далеко за полдень, когда приступили к погрузке. На работу были поставлены все матросы, кочегары, машинисты, унтер-офицеры, писаря и офицеры. Командир обещал выдать команде по две чарки водки, если только она постарается. Закипела работа. Над броненосцем поднялась туча пыли. Все почернели до неузнаваемости. Так работали всю ночь и следующее утро, до девяти часов. В результате вместо разрешенного количества мы приняли угля в два раза больше.

Теперь нам нужно было бы сняться с якоря и уходить, но адмирал отдал распоряжение прекратить пары. А это означало, что мы задержимся здесь на неопределенное время. Все больше усиливался слух, что мы стоим перед каким-то новым событием. На броненосце создалась напряженная атмосфера. У кого можно было бы обо всем узнать?

Встретившись с инженером Васильевым, я напомнил ему, что он обещал давать мне книги.

— Идем со мной.

В небольшой каюте у себя он снял военную фуражку и, взглянув мимоходом в стенное зеркало, покрутил черные пушистые усы на смуглом лице. Он был молод, лет двадцати шести, среднего

роста, не широк в плечах, но, по-видимому, крепок корпусом. Голова у него сидела прямо, а коротко подстриженные волосы на ней — ежиком — придавали ей характер какой-то настороженности. Говорил он чистым и приятным голосом, какой бывает у людей непьющих и некурящих, причем его мысли и слова были точны и четки, как чертеж. Необыкновенная внешняя деликатность, сопровождаемая какой-то внутренней внимательностью к другим, резко отличала его от остальных офицеров.

Он начал расспрашивать меня, что я читал и как отношусь к тем или иным произведениям. Назывались такие авторы, как Лев Толстой, Тургенев, Чехов, Короленко и особенно в то время волновавший всех Максим Горький. Я высказал свои взгляды довольно искренне, так как речь шла только о литературе, а не о каком-либо государственном перевороте. Васильев пытливо посматривал на меня своими карими умными глазами, по-видимому делал какие-то выводы. Потом, подавая мне книгу «Овод» Войнич, сказал:

— Вот пока тебе. Кончишь, приходи еще.

Я эту книгу читал, но почему-то не признался в этом. Поблагодарив его, я задержался в каюте. Хотелось еще узнать об участии нашей эскадры.

— Какие новости, ваше благородие, в иностранных газетах? Что-нибудь пишут про нас?

— Новостей очень много, и все неприятные. Английское общественное мнение страшно возмущено нашим поведением в Немецком море. Нашу эскадру называют эскадрой бешеной собаки. Нас сравнивают с пиратами. Больше всего англичане раздражены тем, что, разбив пароходы, мы не стали даже спасать с них утопающих рыбаков. Некоторые газеты требуют возвращения нашей эскадры обратно и суда над командующим, другие настаивают объявить нам войну. Во французских газетах есть сведения, что Англия мобилизует свой флот. Одним словом, завязывается новый политический узел.

— А что было бы, если бы действительно нас атаковали японские миноносцы?

Васильев в свою очередь задал мне вопрос:

— А как ты думаешь?

Я немного поколебался, а потом решил сказать правду, с некоторой оговоркой:

— Может быть, я и ошибаюсь, но у меня осталось такое впечатление, что дальше Доггер-Банки нам никуда бы не уйти. Мы были бы потоплены минами. Очень уж несерьезно происходила у нас стрельба. Возможно, что я и не разбираюсь в этом.

— Ага! Не разбираешься! А мне кажется, что тут зулусы могли бы разобраться. В нашей эскадре нет самого главного — разумной организации.

Где наши разведчики? Почему вообще наши корабли разбрелись по разным местам, а не находятся вместе? Посмотрим, однако, что будет дальше.

Васильев, словно вспомнив о чем-то, сразу замолчал, и я понял, что мне нужно уходить. А когда я взялся уже за ручку двери, он сказал мне:

— Разговор этот останется между нами. Вообще я советую тебе поменьше обмениваться мыслями со своими товарищами. Знаешь ли, могут понять превратно, а отсюда потом возникнут всякие недоразумения.

— Есть, ваше благородие, — сказал я, отворяя дверь каюты.

Я все время думал о Васильеве. Что он за человек? Почему он так резко высказался о недочетах нашей эскадры? И почему он подсунул мне книгу, какую ни один офицер не стал бы рекомендовать нашему брату? Впечатление он производил самое благоприятное. Я не мог допустить мысли, что он провоцирует меня: против этого говорили и его глаза, и голос, и весь его облик. В то же время не верил я и в то, что офицер может стать на сторону народа. А впрочем, были же среди революционеров и офицеры, да еще в более высоких чинах, чем Васильев.

В Виго побывал английский крейсер. Надо полагать, что он пришел с целью разведки, сносясь в это время по беспроволочному телеграфу с другим своим кораблем, державшимся в море. Крейсер постоял несколько часов, пока командир его не сделал визита Рождественскому, и ушел куда-то. Говорили, что в соседней бухте ждет нас английская эскадра. На второй день тот же крейсер снова явился на короткое время, чтобы принять ответный визит нашего адмирала. Под этой внешней любезностью англичане готовили против нас какую-то каверзу.

От своих офицеров мы услышали, что наши корабли находятся в положении арестованных. И это будет продолжаться до тех пор, пока не уладят дело о потоплении английских рыбаков. Возможно, что в Петербурге спохватились, насколько не подготовлена наша эскадра, и вернут ее обратно.

Увязавшись со своим писарем, который отправился в штаб за почтой, я побывал на «Суворове» и повидался со своим приятелем Устиновым.

— Ну, как дела? — поздоровавшись с ним, осведомился я.

— Сам, поди, видишь. Влипли в историю.

— Долго будем стоять в Виго?

— Вероятно, скоро уйдем. За исключением вашего «Орла», с каждого судна спешно посылают по одному офицеру в качестве свидетелей по делу о расстреле рыбаков. С «Суворова» отправляется капитан 2-го ранга Кладо.

Меня интересовало, что за люди попали в штаб и каковы отношения, сложившиеся между ними и командующим 2-й эскадрой. Некоторых из них я не знал, а с остальными когда-то вместе служил и плавал на кораблях. Писарь Устинов сообщил мне много новых сведений о них.

Начальником штаба, или флаг-капитаном, был капитан 1-го ранга Клапье-де-Колонг, сорокапятилетний худощавый брюнет немного выше среднего роста. Время отметило его правильно очерченную голову небольшой лысиной, слегка запудрило седinouй виски и маленькую бородку, избородило лоб резкими морщинами. Над карими оживленными глазами изогнулись две дуги черных густых бровей. К своей внешности он относился очень заботливо, стараясь молодиться и прикрывать подкрадывающуюся старость внешним лоском.

Представляя собой типичного французского аристократа, он отличался изящными манерами и красивыми оборотами речи. С офицерами и даже с командой был чрезвычайно вежлив. Нельзя было ему отказать ни в уме, ни в эрудиции, ни в знании военноморского дела. Одно лишь губило его — слабохарактерность.

При других обстоятельствах этот человек мог бы принести большую пользу нашему флоту, но трудно было ему занимать должность флаг-капитана при таком сумасбродном командующем, который добивал в нем остатки воли и окончательно обезличивал его. Адмирала он боялся и никогда не рисковал возражать ему, хотя видел и понимал всю бестактность и нелепость его действий.

Первый флагманский артиллерист, подполковник Берсенеv, высокий и скелетоподобный мужчина, вполне отвечал в русских условиях, как специалист, современным требованиям знаний. Это был честный офицер и дело свое знал хорошо. Но на его указания, очень часто полезные, адмирал мало обращал внимания.

Флагманский минер, лейтенант Леонтьев, сероглазый, чуть-чуть горбоносый, большеротый, с красивыми зубами, с тщательным пробором на русой голове, занимал в штабе еще более незавидное положение. Он был неглупый моряк. Но он сам себя унижил своим угодничеством перед высшим начальством. Попав на 2-ю эскадру, он только тем и занимался, что старался расположить

к себе Рождественского. Однако не всегда это ему удавалось, и вместо одобрения на его голову обрушивалась грубая ругань.

Капитан 2-го ранга Семенов (автор книги «Расплата») заведовал военно-морским отделом. Такой должности не было в высочайше утвержденных штатах походных штатов. Но это не мешало ему играть при штабе видную роль.

Рождественский считал его давним другом. Небольшой, кругленький, толстенный, с пухлым розовым лицом, с клочком волос вместо бороды, он имел всегда такой самодовольный вид, словно только что открыл новый закон тяготения. Моряки звали его «ходячий пузырь». Хорошо образованный, знающий иностранные языки, он большей частью занимал по службе адъютантские и штабные должности. Писал морские рассказы и повести, но они были далеки от того правдивого и яркого изображения нашего флота, каким отличались произведения Станюковича. Офицеры не любили Семенова за его хитрость и пронырливость. Зато восторгались им адмиральские жены, находя его самым галантным и остроумным кавалером. В особенности он пользовался расположением жены одного знаменитого адмирала, у которого служил адъютантом, — Капитолины Александровны, женщины элегантной и красивой.

Как-то, сидя с ним за столом в кронштадтском морском собрании, она обратилась к Семенову:

— Посмотрите, Владимир Иваныч, на каждом приборе инициалы: К.М.С. Что это значит?

Семенов, не задумываясь, ответил:

— Неужели вы, наша умнейшая Капитолина Александровна, не догадываетесь? Это значит: Капочка — Милое Создание.

Адмиральша в восторге воскликнула:

— Ах, какой вы находчивый!

Семенов находился при командующем на положении придворного беллетриста, который должен воспевать все подвиги 2-й эскадры, а также и самого адмирала.

Поэтому Рождественский благоволил к нему, а он, пользуясь этим, подводил иногда не только командиров судов, но и своих товарищей.

В штабе служили еще флагманский штурман — полковник Филипповский, корабельный инженер Политовский и другие. А капитан 2-го ранга Курош был отчислен еще в Кронштадте.

Из всех штабных чинов самой яркой личностью являлся старший флаг-офицер, артиллерист по специальности, лейтенант Свенторжецкий. Наряду со знанием своего дела и опытом, он, этот мужчина средних лет, крепкого телосложения, круглолицый,

черноусый, с головой, гладко обточенной нолевой машинкой, обладал еще твердым характером. Это чувствовалось и в его речи, резкой и обрывистой, иногда безапелляционной, когда он был уверен в своей правоте. Держался он скромно, но в то же время независимо и с достоинством.

Таких офицеров, как Семенов и Леонтьев, он избегал и почти не разговаривал с ними. Непосредственный его начальник — Клапье-де-Колонг — постепенно превращался в исполнителя его решений. Даже такой самодур, как Рождественский, не позволял себе распекаль Свенторжецкого.

— Ну, а как адмирал чувствует себя? — спросил я, обращаясь к Устинову.

— Натворил бед и теперь злится на весь мир. Только Семенов да Свенторжецкий более смело держатся с ним. А остальные штабные дрожат перед ним, словно в лихотке. Хороший барин с лакеями обещается лучше, чем он со своими помощниками. Достается и командиру броненосца, и всем судовым офицерам, и команде. Стоит только появиться ему на палубе, как все матросы разбегаются и прячутся по разным закоулкам, словно от Змея Горыныча. А уж про сигнальщиков нечего и говорить. К концу плавания их, вероятно, всех придется отправить в психиатрическую больницу. Недавно одного из них так трахнул биноклем по голове, что снесли его в лазарет.

Возвращаясь на свой броненосец, я еще раз благодарил судьбу, что Рождественский плавает не с нами.

Рано утром 19 октября первый отряд броненосцев с транспортом «Анадырь» снялся с якоря, чтобы покинуть Виго. Пока мы не вышли из бухты, нас провожали на шлюпках испанцы, посылая нам приветствия криками и взмахами шляп и платочков. В море наши суда построились в две кильватерные колонны и взяли направление на Танжер.

Вслед за нами пошли четыре английских крейсера. До этого они скрывались в соседней бухте и нарочно поджидали нас. Теперь они неотступно следовали за нашим отрядом. Ночью, чтобы определить наш курс, крейсера проходили под носом «Суворова», шли в створе огней наших судов и потом отходили на фланги.

Через сутки число их увеличилось до десяти. Действия крейсеров стали еще более вызывающими. Ночью они приближались к нам до двух-трех кабельтовых, а днем держались не далее двух миль. Они выстраивались то с одной, то с другой стороны нашего отряда, то шли фронтом впереди нас, то заходили назад. Иногда охватывали нас полукругом и конвоировали, как арестантов.

Мичман Воробейчик, глядя на английские суда, возмущался: — Вот, мерзавцы, что делают! Потопить бы их, и больше ничего! Ведь это же наглость!

Я себе представлял, как, вероятно, рвет и мечет Рождественский от такой картины.

Орудия у нас все время были заряжены. Команда спала не раздеваясь. По ночам производились учебные тревоги: боевая, пожарная, водяная.

Показались унылые горы Африки.

Английские крейсера свернули от нас влево.

Глава 3

ЗА ЧТО БЬЮТ НА ВОЙНЕ

После «гулльского инцидента» у нас на броненосце «Орел» уже серьезно начались разговоры о предстоящей встрече с японцами. Большинство склонялось к тому, что Порт-Артур не устоит до нашего прихода, а с падением крепости погибнет и находящаяся там 1-я эскадра. Таким образом, 2-я эскадра, посланная в помощь ей, должна будет уже самостоятельно вступить в единоборство с неприятелем. Какими силами он будет располагать ко времени встречи с нами? По-видимому, противник достаточно силен, чтобы разбить нас.

Но в правильности его тактических приемов многие сомневались.

Для этого были веские основания. Все его успехи до сих пор на театре военных действий зиждились на сплошной глупости нашего командования.

Находясь еще в Кронштадте, мы много понаслышались о том, какая обстановка сложилась в Порт-Артуре перед началом войны и как действительно произошло нападение на стоящую там эскадру. Об этом нам рассказывали моряки, вернувшиеся с Дальнего Востока. То, что мы узнали от них, не было похоже на опубликованные сообщения.

1-я эскадра Тихого океана своей боевой мощью немногим уступала японским морским силам. Но всякое оружие только тогда действенно, когда оно находится в умелых руках. Военные заправила, для которых личные выгоды были выше всего на свете, тянулись к Дальнему Востоку в поисках легкой наживы, чинов и славы. Даже дипломатический разрыв между Россией и Японией не заставил их насторожиться. Каждый час угрожал началом военных действий.

Но слепое артурское командование не могло стряхнуть с себя прежней беспечности и распущенности. Поэтому сразу начались проигрыши в войне.

Виновниками называли многих. Но две крупные фигуры особенно выделялись. О них, беседуя с нами по секрету, наиболее резко отзывался один из артурских моряков, человек бывалый и наблюдательный. Вместо левого глаза, выбитого на войне осколком снаряда, у него зияла красная впадина. В его давно не бритом лице, заросшем темно-русой щетиной, в его топорщившихся усах и во всем маленьком угловатом корпусе было что-то колючее. Поблескивая синевой уцелевшего и немигающего глаза, он раздраженно рассказывал нам:

— Царем и богом у нас был наместник Дальнего Востока, адмирал Алексеев.

Бюрократ с головы до пяток. Природа наградила его широкой костью, тучным мясом и обильной кровью, а про голову забыла. Так он и остался без разума.

Когда-то давно он был морским агентом во Франции. Тогда у него был чин капитана 1-го ранга. Ему было поручено заказать там крейсер «Адмирал Корнилов». Этот крейсер, к удивлению всех моряков, был сделан с одним только дном. Уже за это одно Алексеева нужно было бы отдать под суд. Но он продолжал делать головокружительную карьеру. Ко времени войны с Китаем он уже был вице-адмиралом. Царь подарил ему саблю, украшенную бриллиантами, с надписью: «Таку, Тянь-Цзинь, Пекин — 1900 г.» А между тем во взятии этих городов он не участвовал. Для многих у нас на Дальнем Востоке было загадкой, почему Алексеев попал в главнокомандующие всеми морскими и сухопутными силами. Ходили слухи, будто он побочный сын Александра II.

Может быть, поэтому он и пошел в гору по службе. Не отличался умом и его первый помощник, адмирал Старк. Для флота от него одна пагуба. Доки у нас были недостроены. Не успели мы как следует оборудовать мастерские на случай серьезных починок кораблей. В портовых складах не хватало военных материалов. Не было у нас полностью второго комплекта снарядов. А ведь снаряды на войне — это самое главное. Но ко всему этому адмирал Старк относился, как говорится, спустя рукава. Его заедала хозяйственная мелочность. Иногда он шел по делу, иногда просто прогуливался по территории порта и, как одержимый, разыскивал всякую дрянь. Тогда матросы лучше не встречайся с ним. Он останавливал их и приказывал следовать за ним. По пути они собирали замеченные им валявшиеся ржавые болты, гайки, куски железа.

Адмирал ворчал на портовое начальство за его нерадивость. Но к концу обхода он с гордостью шагал во главе потешной свиты и был доволен, что исполнил долг перед родиной. Не зря, значит, казна выплачивает ему огромное жалованье. А матросы несли за ним ненужное барахло и перемигивались между собою. Во флоте Старку дали кличку: «адмирал-старьевщик». И такого человека назначили начальником 1-й эскадры.

Как это могло случиться? Очень просто: в его дом был вхож наместник Алексеев. Эти два сумасброда творили дальневосточную историю. Обидно было смотреть, как из-за них гибли честные и умные люди.

Из дальнейшей беседы с моряком-артурцем выяснилось, что главное веденное руководство не предпринимало никаких мер для обороны крепости и эскадры.

26 января 1904 года уже можно было ожидать появления с моря японцев. В этот день на английском пароходе прибыл в Порт-Артур японский консул.

Необычайна была цель его приезда. Он предложил японским подданным покинуть город. Оказалось, что заранее предупрежденные японцы были уже наготове к отъезду. Характерно, что русская администрация, зная об этом, упорно не придавала приготовлениям японских подданных никакого значения.

Длинные ряды шампунек, нагруженных людьми, домашним скарбом и товарами, спешно потянулись на внешний рейд. Вся эта флотилия беженцев, представлявшая собою редкое среди военных кораблей зрелище, беспрепятственно прорезала весь строй эскадры, стоявший на якоре, и направилась к борту английского парохода. Как среди переселенцев, так и на самом пароходе несомненно были японские шпионы. Они видели, в каком порядке стоят корабли эскадры, они знали и о положении дел в самом городе и крепости. Вечером английский пароход ушел, увозя с собою самые ценные сведения для Японии.

Наступила тихая темная ночь. Эскадра стояла на внешнем рейде на якоре, без паров, без противоминных сетевых заграждений, при огнях. Корабли были расположены в четыре линии, в шахматном порядке. Некоторые из них грузились углем, и верхние палубы были ярко освещены специальными электрическими люстрами. Броненосец «Цесаревич» и крейсер «Паллада» по временам открывали свои прожекторы, наводя их на морской горизонт. Все делалось так, как будто нарочно хотели показать японцам место стоянки своей эскадры. В инструкции сказано было, что если обнаружится посторонний корабль, приближающийся к

эскадре, то немедленно остановить его, направив в него лучи прожекторов, а затем послать туда на катере офицера. И никто из начальствующих не задумывался над нелепостью такого распоряжения. Как это можно лучами прожектора остановить неприятельский корабль? И если он обнаружен, то какой смысл ему ждать, пока русский офицер прибудет на его борт для осмотра? Два дозорных эскадренных миноносца, «Бесстрашный» и «Расторопный», выходили в море. На их обязанности лежало крейсировать в двадцати милях от рейда и время от времени возвращаться к флагманскому кораблю с донесениями о своих ночных наблюдениях.

Одноглазый моряк-артурец, рассказывая нам об этом, возмущался:

— Как видите, одно распоряжение начальства было бездарнее другого.

Неслыханное тупоумие! Таким адмиралам не эскадрой командовать, а только бы плоты по реке гонять.

Каковы же в это время были замыслы Японии? В первую очередь разгромить русский флот. Без этого она не могла бы перебрасывать на материк свои сухопутные войска. Все указывало на то, что наступил самый удобный момент для нападения на русскую эскадру. И адмирал Того решил действовать. Но здесь-то вот показала его недалёковидность. Почему-то он разделил свою минную флотилию на несколько небольших отрядов. Каждый из них должен был пойти в атаку отдельно от другого через значительные промежутки времени.

Поэтому достиг своей цели только первый отряд миноносцев. Для русских его приближение было настолько неожиданным, что офицер с одного броненосца крикнул на японский миноносец, принимая его за свой:

— Иван Иванович, это вы?

В ответ загремел по рейду взрыв выпущенной японцами мины. У борта броненосца «Ретвизан» поднялся громадный столб воды. Только после этого моряки-артурцы поняли, что произошло нападение, и открыли по неприятельским миноносцам беспорядочный огонь. Это произошло в 11 часов 35 минут. Через пять минут раздался еще взрыв. На этот раз оказался подорванным броненосец «Цесаревич». Паника на эскадре росла. С крейсера «Паллада», заметив неприятельские миноносцы, пробили боевую тревогу, но не сразу начали стрельбу. В голубых лучах шести прожекторов крейсера они были видны как на ладони. Но их сходство по типу и ходовым огням с русскими миноносцами смутили офицеров, кричавших:

— Не стрелять! Свои!

Один из комендоров, стоявший у орудия, заметил след идущей к кораблю мины и, вопреки приказанию начальства, сам открыл огонь. Начали стрельбу и другие комендоры. Но было уже поздно. Одна из семи выпущенных мин попала в крейсер.

Это все, что сделал первый отряд японских миноносцев. Пользуясь бестолочью на рейде, он, конечно, мог бы нанести эскадре более сокрушительный удар.

Внезапность события ошеломила русских, комендоры стреляли плохо. Мало того — из шестнадцати кораблей, стоявших на рейде, девять совсем не принимали участия в отражении атаки. Некоторые суда по диспозиции были поставлены так неразумно, что их орудия бездействовали, боясь задеть своих. На других кораблях вместо стрельбы шли споры среди офицеров, не знавших точно, что же собственно происходит ночью на рейде. На флагманском броненосце «Петропавловск», где находился в то время сам начальник эскадры вице-адмирал Старк, даже после подрыва минами трех кораблей никто не хотел верить, что война началась. Сомневались в этом и на броненосце «Пересвет».

На его мостике контр-адмирал князь Ухтомский продолжал уверять своих офицеров:

— Нет, это же только ночная практика. Неужели, господа, вы забыли, что по понедельникам у нас бывает обыкновенное учение в стрельбе? Ну, посмотрите, вон на флагманском корабле подняли вверх луч боевого фонаря. Я только одного не понимаю: почему некоторые корабли, несмотря на сигнал начальника эскадры о прекращении огня, продолжают стрелять? Как мы еще плохо дисциплинированы!

Так было на рейде. А в крепости, не имевшей должной связи с флотом, и подавно всю ночь недоумевали. На некоторых же крепостных батареях дознались о нападении только утром, считая ночную канонаду за маневры. Но и без того было достаточно ночного грохота. С семи русских кораблей успели выпустить по неприятелю более восьмисот снарядов. И все же японские миноносцы, наведшие панику на беззаботную эскадру, ушли безнаказанными.

Одноглазый моряк, сообщив нам об этих непостижимых случайностях в начале войны, покачал головою и добавил:

— Наверное, сами знаете, как многие, бывало, в мирное время смотрели на наших флотских заправил — диву давались. Думали, что без их власти вся жизнь прахам пойдет. А теперь что? Грянула война, и каждому дураку стало ясно: на чем только свет держится!

Следующие отряды японских миноносцев, бросавшихся поочередно в атаку, не имели успеха. Люди на эскадре опомнились, пришли в себя, все стояли на своих местах. Атаки противника легко были отбиты. Не могли никакого вреда причинить русским и его главные морские силы, когда на второй день приблизились к Порт-Артуру. Сражение длилось полчаса и кончилось без существенных результатов для той и другой стороны.

Адмирал Того отступил в море, вероятно, разочарованным. Не того он ждал от ночных атак, напал на Россию без объявления войны. Правда, три мощных корабля вышли из строя, но через некоторое время их могут починить и опять пустить в действие.

Наместник Алексеев не удосужился даже посмотреть на свои подорванные корабли. Он вызывал к себе начальника эскадры Старка и других адмиралов, совещался с ними, отдавал им приказы. Он командовал эскадрой с берега.

Много было и других упущений со стороны русского командования. Тогда же днем 26 января произошло сражение в Чемульпо (Корея). Несмотря на угрозу надвигающейся войны, там, как никому не нужные пасынки, продолжали находиться замечательный по быстроходности крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец». Высшее командование не сумело своевременно присоединить их к эскадре. По его легкомыслию они героически погибли, застигнутые превосходящими силами контр-адмирала Уриу. По непонятным причинам это же командование отделило от эскадры для Владивостока четыре сильнейших крейсера: «Россия», «Громобой», «Богатырь» и «Рюрик». Все это облегчало японцам блокировать с моря Порт-Артур и перебрасывать свои сухопутные войска на материк. Потом начался целый ряд бедствий, независимых от противника. В первые же дни войны из Артурской эскадры погибли крейсер «Боярин» и минный заградитель «Енисей», наткнувшись на собственные мины.

Из владивостокского отряда крейсеров «Богатырь» налетел на камни и настолько сильно распорол себе подводную часть, что до конца войны не мог вступить в строй.

Все же 1-я эскадра даже и при таких условиях потребовала от противника невероятных усилий, чтобы блокировать ее. Это продолжалось несколько месяцев. Были случаи, когда счастье на море склонялось на сторону русских.

В Порт-Артуре заметили, что эскадра противника, появляясь на виду у крепости, каждый раз ходит одним и тем же курсом. Командиру минного заградителя «Амур», капитану 2-го ранга Иванову пришла мысль расставить на этом курсе минные заграж-

дения. Командование долго возражало против такой его затеи. Наконец 1 мая днем под прикрытием тумана, почти перед самым носом японцев, Иванов блестяще выполнил заградительную операцию. В результате на второй день случилось то, чего японцы никак не ожидали.

Много раз безнаказанно они крейсировали на глазах бездействовавших русских. И вдруг раздался взрыв, другой: «Хатсусе» потонул на месте, а «Ясима» — в пути. Это так сильно подействовало на психологию осмелевшего было врага, что всю отвагу с него как рукой сняло. На его других целых кораблях поднялся невообразимый переполох. Японцы лишились всякого самообладания. Страх их усиливался от того, что кругом не было видно ни одного русского корабля. Они не знали, от чего произошли эти взрывы: от минного заграждения или от подводных лодок. Как выйти из этого положения?

Стрелять было не в кого, но, охваченные паникой, они все-таки бестолково и бесцельно палили во все стороны и в воду вокруг себя. Это был очень удобный случай для довершения разгрома остальных японских кораблей и прорыва блокады. Вместо того чтобы предпринять активные действия, русская эскадра, не подготовленная к выходу в море, продолжала стоять на внутреннем рейде, словно посторонний зритель.

А 28 июля она не прорвалась во Владивосток только потому, что на флагманском корабле был убит начальник эскадры адмирал Витгефт.

Командующий японским флотом Того сам себе осложнил дело. Вместо того чтобы дробить свои силы, он мог бы, пользуясь внезапностью, обрушить на русскую эскадру сосредоточенный удар тридцати — сорока миноносцев. Наверняка можно сказать, что в ту же ночь в Порт-Артуре не уцелело бы ни одного большого корабля. А такая грандиозная катастрофа ускорила бы и падение крепости.

Одноглазый моряк-артурец, расставаясь с нами, сказал в заключение:

— Будь у нас высшее начальство разумнее, японцам была бы совсем труба.

Жаль, что погиб адмирал Макаров. Отец его был кантонистом, когда-то служил боцманом. Поэтому офицеры из высшей породы нашего знаменитого адмирала в насмешку называли зарвавшимся кантонистом. А между тем, как только он вместо адмирала-старьевщика вступил в командование Первой эскадрой, сразу на ней люди ожили. Лишь одну неделю прожил он у нас, и флот наш стал

неузнаваем. И нужно было греху случиться: броненосец «Петропавловск» налетел на японскую мину и вместе с Макаровым пошел ко дну.

Такого флотоводца у нас не осталось. Все пошло на убыль.

От этих разговоров мы возвращались к одному тревожному вопросу, не дававшему нам покоя: а что будет со 2-й эскадрой? Судя по началу военных действий и другим данным, адмирал Того не обнаружил особых способностей в военно-морском искусстве. Он тоже бывал неосторожным и проявлял недальновидность. И японские моряки оказывались не застрахованными от паники, не такими доблестными, если по ним как следует ударить. Это несколько подбадривало нас. Но при воспоминании о «гульском инциденте» мы снова впадали в мрачное уныние.

Глава 4

ТАНЖЕР.

Я УЗНАЮ, ЧТО ЗА МНОЙ СЛЕДЯТ

В Танжер, расположенный по другую сторону Гибралтарского пролива, на африканском берегу, мы прибыли около трех часов пополудни 21 октября.

Здесь на рейде мы застали в сборе почти все корабли нашей эскадры, прибывшие сюда дня за четыре до нас. Не было только миноносцев, которые тоже побывали здесь и успели уже уйти с несколькими транспортами в Алжир.

Кроме наших судов, на рейде стояли два французских крейсера и один английский.

Так как эта часть Африки принадлежит французской колонии Марокко, то мы были приняты в этом порту с полным радушием. Нам было предложено стоять здесь сколько угодно. Говорили, что англичане, как союзники японцев, протестовали против этого, но безуспешно.

В этот же вечер от эскадры отделились корабли: броненосцы «Сисой Великий», «Наварин», крейсера «Светлана», «Жемчуг» и «Алмаз». Этот отряд повел контр-адмирал Фелькерзам в Средиземное море. Дальнейший путь его должен быть с заходом в Суду, через Суэцкий канал и дальше, до острова Мадагаскар, где Рождественский назначил своему младшему флагману рандеву. А остальные корабли пойдут туда же вокруг Африки, обогнув мыс Доброй Надежды.

У Мадагаскара должны еще присоединиться к нашей эскадре суда, которые достраиваются и вооружаются в России: «Олег»,

«Изумруд», «Смоленск», «Петербург», «Терек», «Дон», «Урал» и миноносцы.

Правильно ли поступил Рожественский, разделив свою эскадру по частям?

Наши офицеры высказывались по этому поводу по-разному. Одни видели в этом ошибку: японцы могут выслать отряд сильнейших крейсеров и разбить корабли Фелькерзама, а тогда и остальным нашим судам ничего не останется делать, как только вернуться в Россию. Другие возражали, говоря, что японцы не посмеют уйти от базы в такую даль. Но, по-видимому, никто из них не мог как следует разобраться в соображениях командующего.

Плавучая мастерская «Камчатка», которая своими телеграммами внесла такой переполох в эскадру, теперь стояла перед нами, целая и невредимая. От матросов и вольнонаемных мастеровых с нее мы узнали, что у них в ночь на 9 октября происходила такая же неразбериха, как и у нас. Выпустили они по «неприятелю» до трехсот снарядов. В Танжере еще выяснилось, что адмирал Фелькерзам прошел в Немецком море мимо тех же рыбаков, которых мы расстреливали. Он только осветил их боевыми фонарями, но и не думал расправляться с ними так, как расправились мы.

Приступили к погрузке угля. Но засвежел восточный ветер, наступая на нас с открытой стороны бухты. На грот-мачтах военных судов затрепетали длинные косицы вымпелов. А ночью разыгрался шторм, развел крупную волну. Немецкие угольные пароходы, пришвартованные к броненосцам, мяли себе борта, угрожая и нашим кораблям поломками. Временно погрузка была прекращена.

Ночь, угрюмо-темная и воющая, спустилась рано. Город осветился огнями.

Броненосец, покачиваясь, скрежетал железом якорных канатов. Я долго сидел на баке у фитиля, чувствуя невыразимую тоску, разъедающую сердце, точно соль свежую рану. Здесь же, вспыхивая папиросами или сигарками, сидели матросы. И все мы с завистью, как звери из клетки, смотрели на африканский берег, так заманчиво сверкающий огнями. Какая жизнь сейчас проходит там; на суше, в каменных домах, в светлых комнатах? Кто-то вздохнул:

— Не отпускают нас в город.

Сейчас же подхватили другие:

— Там в ресторанах, вероятно, музыка играет, публика веселится.

— Отчего им не веселиться, раз они на войну не идут?

— Влюбленные целуются.

— У некоторых из наших дома остались жены. Их, поди, теперь тоже кто-нибудь целует, — вставил кочегар Бакланов.

В ответ на это один матрос, ни к кому не обращаясь, крепко злобно выругался.

Гальванер Алференко мрачно признался:

— Я бы женился на самой последней негритянке, только бы остаться здесь.

— Не годится. А вдруг дети получатся пегие?

— Болтай чего зря.

Слушая товарищей, я думал: насколько же сейчас береговые жители счастливее нас! Казалось, что мы уже никогда больше не будем видеть в светлой комнате и разговаривать с близкими людьми, не думая о войне. Нам предстоят громадные переходы морями и океанами, бесконечные погрузки угля под непривычным зноем тропиков, денные и ночные тревоги, всяческие мытарства, бури в водных пространствах и волнения в душе. И все это мы будем переносить, может быть, только для того, чтобы, встретившись с противником, погибнуть в морской пучине, даже не зная при этом, за что.

Скажут — этого требует нация. Но ведь нация — это я и гальванер Алференко, боцман Воеводин и кочегар Бакланов, офицеры и матросы, рабочие и крестьяне; это народ, связанный между собою не только территорией, но и общностью происхождения, нравов и политической историей. Разве нас и наших родственников спрашивали, нужна ли война с Японией? Ее затеяла кучка проходимцев и титулованных особ, не считаясь с интересами народа и преследуя лишь свои корыстные цели. Такие мысли приходили в голову не мне одному, а многим морякам, плававшим на 2-й эскадре. В то же время при воспоминании о большой и далекой родине наши сердца наполнялись горечью и обидой за ее позор и поражение. Мы оказались в положении детей, у которых бессовестный вотчим отдал на поругание их родную мать. Как дети, мы были бесправны и бессильны. Мы могли только молча глубже любить поруганную и страдающую свою мать, а к негодяю вотчиму таить еще более непримиримую ненависть.

Мимо нас осторожно, словно подкрадываясь к кому-то, прошел офицер.

Матросы узнали в нем лейтенанта, носившего среди них прозвище «Вредный». Он никогда не кричал на нас, не разносил последними словами, не дрался, как это делали другие. Разговаривал с нижними чинами тихо и ласково, с приклеенной

улыбкой на краснощеком и широком лице. И все-таки он вполне оправдывал данное ему прозвище: проштрафившийся перед ним матрос пощады не просил. С какой-то ледяной тупостью он презирал своих подчиненных, и когда определял им наказание, то делал это бесстрастно, как лавочник, объявляющий цену на товар по прейскуранту.

Через вестовых мы знали, что в кают-компании он больше всех ратовал за то, чтобы как можно суровее относиться к команде, и сколько раз спорил со старшим офицером Сидоровым, находя его в отношении нас слишком мягким. У него была постоянная привычка — подойти к кучке матросов незаметно и подслушать, о чем говорят. И теперь, придя на бак, он остановился и повернул ухо в нашу сторону.

Матросы сейчас же свели беседу на тему о веселых домах. А это, с его точки зрения, означало, что никаких неблагонадежных мыслей у них нет.

Вредный постоял немного и ушел.

— За что он так ненавидит нас? — спросил один из матросов.

Гальванер Козырев ответил:

— Стало быть, какая-нибудь причина есть. Он на берегу был такой же.

И рассказал нам об этом случае.

Козырев служил вместе с ним в одном флотском экипаже. Когда Вредный оставался на ночь дежурным по экипажу, то утром обязательно несколько матросов попадали в карцер. Еще до пробудки команды при нем в канцелярии уже стояли наготове горнист и барабанщик. Как только на дворе раздавались звуки горна, он сейчас же отправлялся в обход по всем ротам экипажа, сопровождаемый молчаливыми горнистом и барабанщиком. Вот здесь-то и начиналась потеха. Какой-нибудь унтер, несмотря на то что пробудка команды уже была, продолжал спать на своей койке. Это только и нужно было лейтенанту Вредному. Он подкрадывался к такой койке, ставил у ее изголовья горниста и барабанщика и подавал им знак рукою — начинай! От дикой музыки, раздававшейся над самым ухом, виновник, иногда без кальсон, иногда совсем голый, вскакивал с быстротой молнии. Более глупое или даже идиотское выражение на лице, чем у такого человека, едва ли еще можно было видеть.

Перед ним, надрываясь, орал горнист, гремел барабан и стоял в сюртуке с золотыми эполетами, при сабле, дежурный офицер, самодовольно улыбаясь и с легким поклоном приговаривая:

— Пожалуйте-с, на трое суток, на трое суток.

Что это — дьявольское наваждение? Виновник ничего не понимал и стоял на своей койке во весь рост, выпучив глаза с таким растерянным видом, словно был оглушен поленом. А главное — он не знал, что делать ему дальше: бежать ли из камеры, отдавать ли честь, держать ли руки по швам или начать одеваться, чтобы прикрыть скорее свою наготу.

А лейтенант, продолжая кланяться, приговаривал:

— Ага! Сразу не послушался! На сутки прибавлю. Пожалуйте-с, на четверо суток. В карцере поумнеешь.

Так забавлялся Вредный в каждое свое очередное дежурство. И неизвестно было, до каких пор это продолжалось бы, если бы однажды он сам не оказался в дурацком положении. Под звуки барабана и горна он стоял перед одной койкой дольше, чем это обычно было, и все кланялся, приговаривая:

— Пожалуйте-с, на трое суток.

Человек, накрытый на койке одеялом, не вскакивал. Матросы, присутствовавшие при этом в камере, едва сдерживали свой смех.

Лейтенант сам сдернул одеяло и сразу изменился в лице. Перед ним вместо спящего матроса оказались свернутые шинели. Хозяин койки в это время стоял на часах у экипажных ворот. Вредный рассвирепел. На этот раз попал в карцер сам фельдфебель, а потом дежурный унтер-офицер по роте и дневальный по камере. Однако с той поры такие забавы лейтенанта Вредного прекратились.

Гальванер Козырев несколько развлек нас, — мы посмеялись и разошлись спать.

На второй день после обеда ветер совсем стих. Успокоилась и водная поверхность, отливая солнечным блеском. На всех судах снова возобновилась погрузка. Командующий объявил денежную премию за успешную работу. Эта мера оказалась весьма разумной. На «Орле» поднялся невероятный аврал. Гремели лебедки, слышались выкрики людей. Броненосец как будто окутался черным туманом, сквозь который солнце казалось красным шаром. В каждый час мы принимали по пятидесяти тонн угля. Такая работа продолжалась более суток, без сна и отдыха, почти без перерыва, если только не считать время, потраченное на еду. Под конец люди настолько устали, что еле волочили ноги.

А тут еще нужно было вымыть броненосец, привести его в надлежащий вид. Но от этого я как баталер был избавлен. Мне можно было уйти спать, выбрав для этого место в каком-нибудь помещении с провизией. Вообще мое унтер-офицерское звание давало мне перед рядовыми матросами порядочное преимущество: если бы я ударил кого из них, то в худшем случае меня посадят на несколько

дней в карцер; если же рядовой со мною поступит так, то он рискует попасть в тюрьму. Однако гордиться здесь было нечем. Еще большим преимуществом пользовался передо мной офицер: если он меня изобьет, хотя бы ни за что ни про что, то ему даже и выговора не сделают; если же я его ударю, хотя и справедливо, то мне угрожает смертная казнь.

К нам на броненосец приезжали торговцы, черные африканцы, предлагая открытки, разные фрукты, сетки, пробковые шлемы. Одеты они были по-разному — в туниках с капюшонами, в чалмах, некоторые в фесках, в разноцветных куртках.

Давно уже на эскадре шел разговор, что Россия хочет приобрести в Чили и Аргентине семь больших бронированных крейсеров. А теперь прошел слух, что такая покупка уже состоялась и даже сформирован личный состав для этих судов. Они должны будут встретиться с нами у острова Мадагаскар, куда приведет их контр-адмирал Небогатов. О, если бы все это подтвердилось! Я ничего не имел против японцев, и не было у меня никакого желания с ними воевать. И все-таки я очень страдал, находя всякие недочеты на нашей эскадре.

Со мной сдружился командирский вестовой, матрос Назаров. Это был молодой и тихий парень, безусый, с румяной и нежной кожей на чернобровом лице.

Военная служба разлучила его с любимой женой, и теперь все его мысли были только о ней. Она осталась в селе. Я за него сочинял ей письма, которые он посылал на родину из каждого порта. О своей подруге он был очень высокого мнения и рассказывал о ней всегда восторженно:

— Хочешь верь, хочешь нет, но я тебе скажу, что такой жены ни у кого нет.

Я свою Настю не променяю ни на одну королеву. Что насчет красоты, что насчет любви, что насчет хозяйства — кругом баба знаменитая. Бывало, встанет утром рано-рано. Печку затопит. А я на койке валяюсь, притворяюсь, будто сплю. Она подойдет ко мне тихонько, поцелует — и опять к печке. За утро раз двадцать так проделывает. Эх, брат, и любовь у нас была!

Мы сочиняли Насте длинные послания, обязательно с лирикой. И чем возвышеннее я пускал в них стиль, чем сентиментальнее они были, тем больше это нравилось Назарову. Из Танжера тоже написали ей. Мы сидели в коридоре, где были расположены мои кладовые для сухих продуктов. Разостлав бумагу на опрокинутом ящике, я строчил:

«Милая Настенька, ненаглядная моя супруга!

Как далеко я нахожусь от тебя! Наша эскадра стоит в Африке, где сейчас тепло, как у нас бывает летом, и где живут люди, черные, как сажа. Но никакое расстояние не разлучит нас с тобою: душою я всегда несусь к тебе, как ласточка на быстрых крыльях. Я день и ночь вспоминаю твои синие глаза, блистающие, как весеннее небо, и твои лобзания, сладостные, как мед.

Сейчас дует легкий и теплый ветер, и направление держит он на нашу Россию.

Пусть он принесет тебе дыхание моей истосковавшейся груди и трепет моего влюбленного сердца».

В таком же духе продолжалось письмо и дальше. Я прочитал его вслух и спросил:

— Ну как?

— Хорошо. Складно выходит. Ты только вот что еще прибавь: когда я вернусь на родину, у нас родится сын.

И я продолжал писать:

«Я все-таки верю, моя любимая, что наступит то счастливое время, когда мы снова встретимся и снова замрем в пылу нашей обоюдной страсти. Закон природы совершится. А потом в избе у нас колокольчиком зазвенит голосок малютки. Это будет обязательно сын, такой же синеглазый, как ты...» Закончили так:

«Но может случиться, что вражеские снаряды потопят наш корабль. Помни, что, умирая, я буду твердить твое имя. А когда страдающая моя грудь залется водою и я не смогу произнести ни одного слова, тогда я одним сердцем крикну на весь мир: прощай, моя любимая Настя...» Назаров, выслушав конец, даже прослезился.

— Вот это здорово хватил! Теперь, как получит письмо, целую неделю будет плакать. И ни один парень к ней не подкатывайся. За версту не подпустит. Ну, брат, спасибо тебе.

Он бережно вложил письмо в конверт и тихо заговорил:

— Я давно собирался сказать тебе про одно дело, да все откладывал. Ведь за тобою следят.

Я крайне был удивлен таким сообщением.

— А ты откуда знаешь?

— Значит, знаю, если говорю. Когда мы были еще в Кронштадте, на судно пришла бумага, пакет такой большой, а на нем пять сургучных печатей: четыре по углам и одна на середине. Командир, как только прочитал эту бумагу, сейчас же вспыхнул и приказал мне позвать старшего офицера. Они остались в командирской каюте. А мне интересно стало узнать, что это за тайна у них. Я подслушал. О тебе говорили. Командир приказал старшему поставить

за тобой негласный надзор. Потом у командира в столе я бумагу нашел и сам читал — от жандармского управления она. Выходит, что ты политический...

— А кто за мной следит?

— Не знаю, кого поставили.

Кстати я спросил вестового об инженере Васильеве.

— Лучше этого офицера никого нет. Он всегда заступает за команду.

Некоторые офицеры говорят, что нужно больше наказывать, а он им возражает.

Здорово спорит. И доказывает, что надо учить их больше. А с ним всегда заодно стоит лейтенант Гирс. Башка этот самый Васильев! В споре любого офицера на обе лопатки положит.

Расставаясь, я поблагодарил Назарова. В моем положении он может мне очень пригодиться. Как же все-таки допустили меня к царскому смотру? Что-нибудь одно из двух: или начальство в суматохе забыло обо мне, или не очень большое значение придало жандармской бумажке.

К нашей эскадре присоединились еще два судна: плавучий госпиталь «Орел», выкрашенный весь в белый цвет, с красными крестами на трубах, под флагом Красного Креста, и французский пароход-рефрижератор «Esperance», имеющий в своих трюмах большой запас мороженого мяса для нас.

23 октября с флагманского корабля поступило распоряжение сняться с якоря.

Глава 5

СПУСКАЕМСЯ К ЮЖНЫМ ШИРОТАМ

Наступили погожие дни. Под голубым веером неба дул ровный попутный пассат. Воды Атлантического океана загустели синевой, и по ним вслед за эскадрой катились волны, увенчанные белыми, как черемуховый цвет, гребнями.

Между ними, вспыхивая, жарко змеились солнечные блики.

Кругом было безбрежно и пустынно. Наша эскадра, построенная в две кильватерные колонны, одиноко спускалась к южным широтам. Правую колонну возглавлял флагманской броненосец «Суворов». За ним, с промежутком друг от друга в два кабельтова, следовали: «Александр III», «Бородино», «Орел» и «Ослябя». Плавучая мастерская «Камчатка» вела левую колонну, состоявшую из транспортов: «Анадьрь», «Метеор», «Корея» и «Малайя». В хвосте эскадры, в строе клина, держались крейсера: «Адмирал

Нахимов», на котором поднял свой флаг контр-адмирал Энквист, «Аврора» и «Дмитрий Донской». Позади эскадры, на расстоянии девяти-десяти кабельтовых, следовал госпитальный пароход «Орел».

На пути нам совсем не попадались встречные суда. Только иногда далеко на горизонте показывались английские крейсеры, все еще продолжавшие следить за нами. Но и они исчезли, когда мы приблизились к параллели Канарских островов.

По вечерам солнце скрывалось рано — часов в шесть. На смену ему, заливая простор пунцовым заревом, широко раскидывался крылатый закат. Но он, как всегда в тропиках, быстро уменьшался в размерах, тускнея, словно улетаая в сторону Америки. И тогда в неизмеримых глубинах неба загорались крупные и яркие звезды. Океан не отражал их, соперничая с небом собственными сокровищами — зыбучая поверхность, развороченная ветром и нашими кораблями, сверкала россыпью сине-зеленых искр. Можно было целыми часами, не уставая, любоваться и грандиозными мирами, что мерцали в вышине, и бесконечно малыми существами, что фосфорически светились в воде.

Пересекли тропик Рака. Зной усиливался с каждым днем. Небо бледнело.

Воздух был настолько насыщен горячими испарениями воды, как будто мы находились в жарко натопленной бане. Люди работали в промокших от пота платьях, словно только что побывали под дождем. Некоторые матросы, снимав рабочие куртки, ходили в одних нательных сетках, которыми запаслись в Танжере. На верхней палубе были устроены души. Все начали окатываться забортовой водой.

Только в пути мы узнали, что наша эскадра держит направление во французскую колонию Сенегамбию, находящуюся на западном берегу Африки, в портовый город Дакар.

Инженер Васильев продолжал снабжать меня книгами, но все такими, в которых изображается борьба угнетенных за свою независимость: «Спартак» Дживаниоли, «На рассвете» Ежа. Я их читал раньше, но опять не признался ему в этом. Меня все время мучил вопрос: почему он для меня подбирает такую литературу? А когда он дал мне Гра «Марсельцы», где описывается жизнь из эпохи Французской революции, я сказал:

— Я уже читал ее, ваше благородие..

Он спокойно ответил, впервые обращаясь ко мне на «вы»:

— Хорошую вещь не мешает вам еще раз просмотреть. Впрочем, можете товарищам своим дать почитать.

Для меня стало ясно, что Васильев имеет особую систему подхода к нашему брату — систему, практикуемую и другими революционерами. Но все-таки серебряные погоны, блестящие на его плечах, не переставали смущать меня.

Где-то в глубине души все еще оставалась тень недоверия к нему.

Вдруг он огорошил меня вопросом:

— Вы в тюрьме сидели?

Я засопел носом и неохотно ответил:

— Так точно.

— За политику?

— Так точно.

Васильев ласково улыбнулся мне, а тогда и я, осмелев и глядя ему прямо в глаза, спросил:

— От старшего офицера узнали об этом, ваше благородие?

Он кивнул головою.

— Какого же мнения обо мне старшой?

— Отличного. Прежде всего, он не из заядлых консерваторов.

А затем — он вполне уверен, что вы попали в какую-то историю по недоразумению.

Я признался:

— Одно только меня беспокоит: не знаю, кто поставлен из матросов за мною следить.

— Да, проведать, где поставлена западня, это значит никогда не попасться в нее.

Я ушел от Васильева с радостным чувством, что и среди офицеров есть у меня близкий человек.

Каждый праздник служили на корабле обедню. Для этого все сходились в жилой палубе, где устраивалась походная церковь с иконостасом, с алтарем, с подсвечниками. И на этот раз с утра, после подъема флага, вахтенный начальник распорядился:

— Команде на богослужение!

Засвистали дудки капралов, и по всем палубам, повторяя на разные лады распоряжение вахтенного начальника, понеслись повелительные слова фельдфебелей и дежурных. Для матросов самым нудным делом было — это стоять в церкви. Они начали шархаться в разные стороны, прятаться по закоулкам и отделениям, словно в щели тараканы, когда их внезапно осветят огнем. А унтеры гнали их с криком и шумом, с зуботычинами и самой отъявленной бранью — в Христа, в богородицу, в алтарь, в крест воздвиженский. Офицеры это слышали и ничего не возражали. Получалось что-то бессмысленное, такое издевательство над религией, хуже которого не придумает ни один безбожник.

Наконец, половину команды кое-как согнали в церковь. Начальство стояло впереди, возглавляемое командиром и старшим офицером. Началась обедня.

Роли дьячка и певчих выполняли матросы.

Службу отправлял судовой священник отец Паисий. Жалкую и комическую фигуру представлял собою наш духовный отец. Иеромонах Александро-Невской лавры, он попал в поход и на войну по выбору игумена и монашеской братии. Он был сутул, со скошенными плечами, с круглым выпяченным животом, точно он носил под рясой ковригу хлеба. Лицо обрюзгло, поросло рыжей всклооченной бородой; мутные глаза смотрели на все по-рыбьи неподвижно. Он, вероятно, редко мыл голову, но зато часто смазывал густые рыжие волосы лампадным или сливочным маслом, поэтому от них несло тухлым запахом. Нельзя было не удивляться, как это офицеры могли выносить его присутствие в кают-компании и кушать вместе с ним за одним общим столом. Совершенно необразованный, серый, он при этом еще от природы глуп был безнадежно. Говорил он нечленораздельной речью, отрывисто вылетавшей из его горла, словно он насильно выталкивал каждое слово. Казалось, назначили его на корабль не для отправления церковной службы, а для посмешища и кают-компанийской молодежи и всей команды. Самые горькие минуты у него были, когда матросы обращались к нему с каким-нибудь вопросом:

— Батюшка, за что это Льва Толстого отлучили от церкви?

Отец Паисий начинал пыжиться, точно взвалили на него воз:

— Потому что... ну, как это... он... это — еретик.

— А что значит — еретик?

— Это... ну, как это... значит... вообще...

— Батюшка, а что значит «аллилуйя»?

— Батюшка, а что значит «паки», «паки»?

Священник кривил дрожащие губы и, что-то бормоча, уходил прочь под хохот матросов.

Больше, всех его донимал кочегар Бакланов. Однажды они встретились на шкафуте. Кочегар, изобразив на своем запачканном угольной пылью лице христианское смирение, притворно-ласково заговорил:

— Вот, батюшка, как нам приходится в преисподней работать. Стал я похож на африканца.

— Да, да, верно, — согласился священник. — По воле Божией каждый человек должен добывать хлеб себе в поте лица.

— Это, батюшка, не ко всем относится. Одни потеют только от жары, другие — от работы. Но я про другое хочу сказать. Вы видели негров?

— Ну как же — посмотрелся я на них. Страшный народ. Черные все. Настоящие дикари.

— А могут они после смерти войти в царство небесное?

— Никак не могут. Они идолопоклонники. А в Писании сказано... ну, как это... только православные наследуют царство небесное.

— Но если бы вы родились в семье негров, то и вам пришлось бы быть дикарем. И поклонялись бы вы их богам. Значит, вместо рая вы попали бы в геенну огненную. Разве не так?

Священник почесал рыжую бороду и напряженно нахмурил лоб.

— Ты что-то мудреное говоришь.

— Разве негры виноваты, что они родились в Африке? И разве можно винить их в том, что они поклоняются своим богам? Может быть, они никогда даже и не слыхали о православной религии? За что же Бог будет их казнить? Выходит, что он вовсе не милосердный, а, наоборот, злой палач.

— Молодец, Бакланов! Ловко подытожил! — засмеялись матросы.

Отец Паисий наконец понял, к чему ведет речь его собеседник, и взъерошился:

— Как твоя фамилия, богохульник?

— Свистун с приплясом, батюшка.

Священник побежал к старшему офицеру с доносом. Бакланов, не торопясь, спустился по трапу в низ корабля. Начальство почему-то не приняло никаких мер для розыска виновника.

Как и в другие праздники, так и теперь я стоял в церкви, слушал обедню и многому удивлялся. Что-то несурзное происходило передо мною. Священник церковной службы не знал, часто сбивался, и тогда на выручку ему выступал матрос-дьячок, шустрый черноглазый парень. Не дожидаясь, пока священник распутается и подаст нужный возглас, он вместе с хором начинал песнопение.

А в это время сам отец Паисий, желая угодить начальству, неистово чадил кадиллом прямо в нос командиру и старшему офицеру, так что те не знали, куда деваться от едкого дыма ладана, отворачивавшись, морщились, иногда чихали.

В церкви было жарко.

Я слушал обедню и думал: кому и для чего нужна эта комедия? Офицеры, как образованные люди, не верили во всю эту чепуху. Мне известно было, что они сами в кают-компани издевались над священником. А теперь они стояли чинно перед алтарем и крестились только для того, чтобы показать пример команде.

Не могли и мы верить в то, что будто бы через этого грязного, вшивого, протухшего и глупого человека, наряженного в блестя-

щую ризу, сходит на нас божья благодать. Нас загнали в церковь насильно, с битьем, с матерной руганью, как загоняют в хлев непослушный скот. А если уж нужно было заморочить голову команде и поддержать среди нее дух религиозности, то неужели высшая власть не могла придумать что-нибудь поумнее?

Обедня кончилась. Матросы гурьбой поднимались на верхнюю палубу. Церковь быстро опустела.

Сойдясь с боцманом Воеводиным, я спросил его:

— Ну, как тебе нравится наш батюшка?

Он шепнул на ухо:

— Не поп, а какая-то протоплазма.

Вечером те же матросы, собравшись на баке, будут с удовольствием слушать самые грязные анекдоты о попах, попадаях и поповых дочках.

Эскадра наша подвигалась вперед, к экватору, в пылающую даль океана.

Шестой день миновал, как мы вышли из Танжера. Между прочим, там мы оставили по себе нехорошую память: транспорт «Анадырь», снимаясь с якоря, зацепил лапой телеграфный кабель. Адмирал Рожественский, не придумав ничего другого, приказал разрубить кабель. Жители Танжера и всего края остались без телеграфного сообщения. За кого они теперь считают нас?

По небу рассыпались редкие облака и, роняя тени на водную поверхность, плыли в одном с нами направлении, словно провожали эскадру. Напор пассата немного ослабел. Воздух, насыщенный испарениями, терял прежнюю прозрачность, линяли и пышные наряды океана. На корабле становилось все горячее.

Ночью убавили число оборотов в машине, чтобы войти в незнакомый порт при дневном свете. Мы с боцманом Воеводиным стояли на баке, на самом носу корабля, и смотрели за борт, любуясь, как сверкает вода, выворачиваемая форштевнем. Около нас очутился строевой унтер-офицер Синельников.

— Ноченька-то какая темная, — сказал он рваным от постоянной ругани голосом.

— Да, ты точно определил, — насмешливо ответил я. Этот здоровенный унтер, длиннолицый, лупоглазый, с редкими, словно у кота, усами, давно уже был у меня на подозрении. Сколько раз он подкатывался ко мне и заискивающе заговаривал со мною. Его интересовало, за что мы воюем и кто победит в предстоящем морском сражении. Иногда просил у меня почитать книги. Больше всего меня настораживало, что он при мне начинал ругать начальство за его несправедливость и жестокость, тогда как мне известно

было, что именно от его кулаков больше всего доставалось молодым матросам.

Корабли замигали красными и белыми фонарями Степанова.

— Любопытно бы узнать, о чем они переговариваются, — сказал Синельников, обращаясь ко мне.

— А ты спроси у вахтенного начальника.

— Да ведь это я только к слову сказал. А на самом деле на кой черт мне сдались все огни — и красные и белые. Скучно что-то.

Он постоял немного и ушел.

Боцман Воеводин промолвил:

— Нехороший человек он, этот Синельников.

— Чем?

— Язык длинный. Выслуживается, чтобы скорее в боцманы его произвели.

Я хотел расспросить о Синельникове подробнее, но Воеводин заявил:

— Однако спать пора. Спокойной ночи.

У меня осталось впечатление, что боцман что-то знает обо мне и хотел меня предостеречь насчет унтера.

Утром слева показались невысокие берега. Как всегда после плавания, все смотрели на землю с радостью, хотя и ничего не видели, кроме серой и узкой полосы. Потом впереди начал вырисовываться Зеленый мыс — самая западная оконечность Африки. Эскадра обогнула мыс, и перед нами на южной стороне полуострова открылся небольшой городок Дакар, чистенький, с белыми зданиями, в зелени пальм и олеандров. Бросили якорь на рейде, вернее — в проливе между материком и островом Горе.

Здесь нас ждали одиннадцать немецких пароходов с углем, пароход-рефрижератор «Esperance», опередивший эскадру, и буксир «Русь» (бывший «Роланд»), прибывший из Бреста.

На броненосцах типа «Орел» оставалось топлива по четыреста тонн. Адмирал распорядился допринять на них в Дакаре еще по тысяче семьсот тонн. Наши угольные ямы могли вместить только тысячу сто тонн. Значит, остальной уголь требовалось рассовать по разным местам корабля, указанным в инструкции штаба. Старший офицер Сидоров, узнав об этом, ухватился в отчаянии за свою седую голову:

— Что будем делать?! Ведь это небывалый случай, чтобы так заваливать броненосец углем. Ну как я могу потом поддерживать чистоту на корабле?

Лейтенант Славинский этот всегда уравновешенный человек, спокойно заметил на это:

— Начинается какое-то угольное помешательство. В дальнейшем, мне кажется, еще хуже будет.

Местные французские власти сначала разрешили нам производить погрузку угля, а потом, боясь протеста со стороны японцев и англичан, запретили.

Запросили телеграфом Париж. А тем временем, не дожидаясь ответа, все суда принялись за работу. Участие в ней принимал весь личный состав, разделенный на две смены. Это была первая погрузка при страшной тропической жаре. Даже ночью температура не падала ниже двадцати градусов по Реомюру. А днем жара увеличивалась настолько, что все чувствовали себя, как в печи. В особенности доставалось тем, на долю которых выпало спуститься в трюмы пришвартованного парохода или в угольные ямы броненосца. Там матросы работали голые. Чтобы не задохнуться от угольной пыли, одни держали в зубах паклю, другие обвязывали себе рот и нос ветошью. Эта мучительная пытка затянулась на полутора суток. Случалось, что некоторые не выдерживали непосильного труда и тропического зноя и валились с ног, как мертвые. Их выносили под душ, приводили в чувство и, дав им немного отдохнуть, снова ставили на работу. Кое-кого хватили солнечные удары, но, к счастью, не смертельные.

Из столицы союзной нам Франции пришел наконец ответ, категорически запрещающий производить какую бы то ни было погрузку в пределах территориальных вод. Но было уже поздно. Все корабли наполнились топливом.

Согласно указаниям штаба, на нашем броненосце были завалены углем броневая палуба, прачечная и сушильня, батарейная палуба, отделения носового и кормового минных аппаратов, где уголь складывали только в мешках, а затем наваливали его на юте, который предварительно огородили забором из досок.

Привели суда в порядок. Дали людям немного отдохнуть. Эскадра снова двинулась в путь.

Глава 6

ПЕРЕСЕКАЕМ ЭКВАТОР

Наши корабли уподобились бесприютным бездомникам: никто не хотел дать им пристанища. Даже союзная Франция относилась к нам как к обанкротившимся родственникам. Это объяснялось тем, что в сражении с японцами мы терпели одно поражение за другим. Нам казалось, что иностранцы не скрывают своего злораства. Наши неудачи на фронте были на руку другим державам.

Россия с народонаселением в полтора миллиона, с воинственным империализмом царского двора начинала их серьезно пугать, как угроза Европе. Поэтому нашим соседям не резон было желать русским победы над японцами и создавать удобства для быстрого продвижения 2-й эскадры на Дальний Восток. Отчасти виноват тут был и сам Рождественский, тем, что когда-то отверг дипломатическую подготовку нашего похода. Как мы будем выкручиваться из своего тяжелого положения в дальнейшем? У нас впереди нет ни одной угольной станции, нет ни одного порта, куда бы могла зайти наша эскадра и спокойно грузиться.

Эскадра продолжала свое странствование, направляясь к берегам Габуна, расположенного почти у самого экватора. Погода благоприятствовала нам. Но каждый день происходили задержки эскадры из-за мелких аварий на том или другом судне. Вышел из строя броненосец «Бородино» — лопнул бугель эксцентрика цилиндра низкого давления. На «Суворове» испортился электрический привод рулевой машины. Что-то случилось с «Камчаткой», сообщившей сигналом, что она не может управляться. Остановивались «Орел» и «Аврора» — нагрелись холодильники. Но чаще всего случались поломки в механизмах на транспорте «Малайя», которую в конце концов пароход «Русь» потащил на буксире. Пока на каком-нибудь корабле происходила починка, вся эскадра стояла на месте и ждала или двигалась вперед медленно, сбавив ход до пяти-шести узлов.

Внутри броненосца было жарко и душно. Команда переселилась спать на верхнюю палубу и на задний мостик. За нею последовали и некоторые офицеры — те, что не боялись ночной сырости. Здесь по ночам было сносно. Лежали все почти голые, ласкаемые еле заметным теплым ветром. Тропические звезды, крупные и малые, мерцающие разноцветными оттенками огня, струили на нас свой тихий и успокаивающий свет. Однако спать приходилось мало: ни одна ночь не проходила, чтобы мы обошлись без практической тревоги. Каждый встрепанно вскакивал и мчался занимать, согласно судовому расписанию, свое место.

Днем мучил людей тропический зной. К обеду солнечные лучи падали отвесно, накаляя железные части броненосца до такой степени, что от них отдавало невыносимым жаром. Матросы быстро начали худеть. Помимо обычных судовых работ и учений, им приходилось еще, вдыхая черную пыль, перетаскивать уголь из разных мест в угольные ямы. Но все-таки положение строевых было гораздо лучше, чем кочегаров и машинистов. В их отделения никакие вентиляторы не могли понизить жару хотя бы до сорока градусов. Так было в машине внизу. А выше, на индикаторных площад-

ках, было еще хуже: над головой — горячая палуба, кругом раскаленные трубопроводы, сепараторы.

Здесь температура поднималась почти до точки кипения. Даже масло испарялось, наполняя все помещение как бы туманом. Не легче было и в кочегарных отделениях. Плохой уголь значительно затруднял исправно поддерживать пар, а прибавить котлов не всегда позволялось. С кочегарами случались тепловые удары. Помимо убийственной жары, все люди, которые обслуживали топки, котлы и машины, не стояли, сложив руки, а работали, истекая обильным потом и задыхаясь от усталости, иначе броненосец не стал бы двигаться вперед. Они поднимались навверх бледные, бескровные, с тупыми лицами, настолько истерзанные, что невольно, глядя на них, задавал себе вопрос: неужели они выдержат до конца нашего плавания?

Дисциплина на корабле, несмотря на все старания офицеров и унтеров поддержать ее всяческими способами, заметно падала. Люди дошли до того состояния, когда к карцеру начали относиться безразлично. Там по крайней мере можно было несколько дней отдохнуть.

Это уяснили себе некоторые офицеры и стали обращаться с командой более сдержанно, но не понимал этого мичман Воробейчик, продолжавший по-прежнему хорохориться и издеваться над матросами. При мне произошла сцена, едва не окончившаяся скандалом. Как-то перед обедом я выдавал команду ром. На верхней палубе у ендовы матросы выстроились в очередь. Мичман Воробейчик, спустившись с мостика и направляясь в кают-компанию, проходил мимо нас.

Вдруг он повернулся и ни с того ни с сего закатил пощечину машинисту Шмидту, самому безобидному и смирному человеку.

— За что, ваше благородие? — испуганно раскрыв глаза, спросил Шмидт.

— Да так себе. Просто захотелось. На вот тебе еще, если мало! — и, улыбаясь, ударил машиниста еще раз.

Он сейчас же написал записку, в которой приказывал мне выдать за его счет две чарки водки потерпевшему: по одной за каждую пощечину. Шмидт растерянно молчал. Но вместо него отчетливо промолвил кочегар Бакланов:

— Люблю я, братцы, своего гнедого мерина. Хошь кнутом лупцуй его, хошь воз тяжелый навали, — только кряхтит, а везет.

Мичман Воробейчик, поправляя на носу пенсне, откинул голову:

— Это ты про что, чумазый дурак?

Бакланов сделал шаг вперед и, сжимая кулаки, громко произнес сквозь зубы:

— Про лошадь, ваше благородие!

Взгляды их встретились. Мичман сразу понял все. Он был в чистом белом кителе с блестящими погонами на плечах, а перед ним вызывающе стоял, двигая тупым подбородком, грязный шестипудовый кочегар с обнаженной грудью, с остановившимися глазами.

Все матросы затаили дыхание, ожидая события.

— То-то, — бледнея, пробормотал Воробейчик и торопливо зашагал к корме.

Вслед ему раздались голоса:

— Вот понесся!

— Бойтся, как бы суп не остыл.

Согласно приказу Рождественского (№ 138), каждый день какой-нибудь корабль должен был для практики управляться либо совсем без руля, при помощи одних машин, либо при посредстве чисто электрического привода, либо при посредстве ручного штурвала, либо теми же главными машинами, но при руле, закрепленном в положении пяти и десяти градусов право или лево на борт.

Далее говорилось, что все, без исключения, судовые офицеры должны уметь сделать собственноручно все необходимое для перехода от одного способа управления рулем к другому. В будущем это нам очень пригодится — мало ли какие случаи могут быть на войне! Однако без привычки результаты получались плохие. Очередной корабль шарахался из стороны в сторону, как пьяный.

Однажды даже флагманский броненосец, вылетев из строя, чуть не протаранил нашего «Орла». Эскадра вся скучилась. Можно было себе только представить, что делалось в это время с адмиралом и какая буча происходила на «Суворове».

Иногда днем командующий приучал эскадру ходить строем фронта. Для этого все суда выстраивались в одну линию и подвигались вперед, как взвод солдат.

Но и тут выходило незавидно: мешала разнотипность судов и сказывалось отсутствие практики. Не обходилось без того, чтобы какой-нибудь корабль не вылезал из линии.

На мачтах «Суворова» то и дело взвивались сигналы с выговорами командирам: «Не умеете управлять». Особенно провинившемуся кораблю адмирал приказывал держаться по несколько часов на правом траверзе «Суворова». Так было и с броненосцем «Бородино» и с нашим «Орлом».

Инженер Васильев, глядя на такую картину, заметил:

— Попасть на траверз адмирала — это равносильно тому, как провинившемуся школьнику стать в угол.

Эскадра повернула на восток и теперь шла Гвинейским заливом. Вступили в штилевую полосу. Через несколько дней будем в Габуне.

Время от времени я продолжал видеться с Васильевым, беседовать с ним и брать от него книги. Больше всего я интересовался военно-морской литературой. Ведь мы шли на войну. А это было такое событие, которое выпадает на долю человека раз в жизни. Хотелось скорее понять боевую подготовку нашей эскадры и яснее представить себе будущее морское сражение.

С жадностью я хватал все, что происходило на эскадре и на нашем корабле, что долетало до меня от наших офицеров и что вычитывал из книг, и все свои впечатления заносил в дневник. Скоро у меня оказались исписанными уже две толстые тетради. В тех случаях, когда передо мною возникал непонятный вопрос, я всегда мог обратиться за разъяснением к Васильеву.

Кроме того, у нас на судне оказался еще один великолепный офицер — это младший артиллерист, лейтенант Гирс. Высокого роста, с удлинённым энергичным лицом, с русыми бачками, спускающимися от висков, с упорным взглядом больших серых глаз, весь всегда подтянутый, он производил впечатление строгого начальника. Но мы хорошо знали, что это был на редкость добродушный человек и честный офицер, хорошо относившийся к своим подчиненным. В неслужебные часы он разговаривал с матросами запросто. От него я тоже начал получать книги и мог обращаться к нему за всякими справками по части кораблей, артиллерии, эскадры, морских сражений.

Я очень мало спал — не больше трех-четырёх часов в сутки. Приходилось заниматься своими баталерскими обязанностями: составлять раздаточные ведомости на жалованье, выдавать продукты в камбуз, вести денежную и провизионную отчетность. А тут еще нужно было, согласно судовому расписанию, бежать во время тревоги и занимать свое место. Все это я исполнял по необходимости. Помимо всего, я вполне оправдывал русскую пословицу: «Непутевая голова ногам покоя не дает». Меня интересовало, что делается и внизу, под броневой палубой, и в башнях, и в минных отделениях, и на верхней палубе, почему эскадра перестроилась по-новому, почему командир наш так разволновался, когда на «Суворове» подняли какой-то сигнал. Необходимо было потолковать с сигнальщиками — они все расскажут, что произошло за день или за ночь с кораблями и о чем разговаривал командир с

вахтенным начальником. В особенности ценные сведения можно было получить от старшего сигнальщика Василия Павловича Зефинова. Это был широкоплечий плотный моряк лет тридцати.

Находясь в запасе, он посещал художественную школу барона Штиглица в Петербурге, учился с увлечением, но война оторвала его от любимого занятия.

Но и теперь, попав на броненосец «Орел», он не переставал носить в своей крутолобой голове мечту во что бы то ни стало выбиться в художники. Я не раз видел в его альбоме великолепные рисунки, изображающие наши корабли и отдельные моменты нашей жизни. Наблюдая с сигнального мостика за эскадрой, Зефиров знал все о важных ее событиях и охотно сообщал мне все новости. Ну, а как можно было оторваться от кучки матросов, расположившихся на баке или в другом месте корабля, когда среди них кто-нибудь так занятно рассказывает о разных случаях? Может быть, тут много было выдумки, но я, слушая ее, отдыхал душой.

Вот гальванер Голубев в носовом отделении собрал вокруг себя несколько товарищей. Широкое лицо его было серьезно, а серые глаза плутовато жмурились. Из простых слов, точно из детских кубиков, он складывал затейливое здание новеллы:

— Наше судно стояло в Гельсингфорсе. У нас был поп, солидный такой, тяжелый, с квадратным лицом. Матросы прозвали его «Бегемотом». Имел большое пристрастие к выпивке. Любил с матросами побеседовать насчет религии. Ну, а те ему все вопросы задавали. Не нравилось это Бегемоту — не может ответить.

Однажды так его приперли к стене, что он не хуже боцмана обложил всех крепкими словами и убежал в кают-компанию. С той поры бросил вести беседы с матросами. За другое дело принялся: как праздник, так после обеда выходит на бак и начинает раздавать команде листки Троице-Сергиевской лавры или Афонского монастыря. Что делать? Как его отвадить от этого? И ухитрились.

Как-то в праздник один из вестовых, парень фатовый, возьми да и вытащи у него из кармана подрясника святые листки, на место их сунув прокламации.

Бегемот наш наспиртовался в кают-компанию — ничего не соображает. Вышел на бак и давай раздавать прокламации. Матросы, как только узнали об этом, обступили его со всех сторон. Сотни рук потянулись к нему и с криком: «Дайте, батюшка, и мне!» Радуетя Бегемот и говорит: «Братие во Христе! Я очень доволен, что хоть поздно, но вы прозрели душой. Поучайтесь из этих листов и поступайте так, как в них сказано». Матросы рассыпались по жилой палубе и громыхают вслух: «Россией управля-

ет не правительство, а шайка разбойников, возглавляемая венценосным атаманом Николаем Вторым». Случайно по жилой палубе проходил мичман. Цапнул он у одного матроса прокламацию и спрашивает свирепо так, с пылом и жаром: «Ты, такой-сякой, что это читаешь? Где это ты взял?» А тот спокойно отвечает: «Батюшка дал. Он всем на баке раздает». Глянул офицер вокруг — все читают. И покатился в кают-компанию — на велосипеде не догонишь.

Там целую тревогу поднял. «Бунт, кричит, у нас на корабле! Во главе всех поп наш стоит». Все офицеры гурьбой — на бак. У всех револьверы наготове.

Впереди командир шагает, спотыкается. А Бегемот в это время последние остатки раздавал и все приговаривал: «Братие во Христе! Вижу я, что вы становитесь на путь истинный». Командир как бросится к нему, да как заорет: «Мерзавец! Команду вздумал бунтовать! Арестовать его, арестовать немедленно!» Моментально явились часовые и повели Бегемота в карцер. А он с испугу так обалдел, что не может слова сказать, только мотает кудлатой головой. Всю его каюту обшарили — ничего не нашли, кроме священных книг и листков. Тут только догадались, какая загвоздка произошла. Попа выпустили.

Начали у команды обыск производить.

Кончил Голубев свой рассказ, посмеялись над ним, начал другой матрос на иную тему. Нельзя было всего переслушать. Я ушел на верхнюю палубу.

Справа эскадры открылся остров Св. Фомы, принадлежащий Португалии. Издали он походил на небольшое серое облако, упавшее на равнину моря. А по справочнику было известно, что остров занижает площадь около тысячи квадратных километров и поднимается вверх на два километра.

Утром 13 ноября эскадра наша остановилась: где Габун? По-видимому, флагманские штурманы сбились с курса. Послали пароход «Русь» в сторону видневшегося берега разыскать место нашей стоянки. После обеда разведчик вернулся обратно. Оказалось, что мы пересекли экватор, а Габун лежит выше этой воображаемой линии миль на двадцать.

Вечером стали на якорь в нейтральных водах, южнее входа в реку Габун, в двадцати милях от города Либрвилль, в четырех милях от берега. Море, вздыхая, выкатывало небольшие волны на низкий золотистый берег. А дальше загадочной стеной стоял густой лес. В бинокль можно было разглядеть маслячные пальмы.

С наступлением ночи слева от нас, на вышке мыса, приветливо замигал одинокий маяк.

На второй день, выйдя из реки Габун, присоединились к эскадре немецкие угольные пароходы. Опять началась угольная чума. Когда это все кончится?

Мы стояли вне территориальных вод Франции, однако местный губернатор предложил нам убраться в другую бухту, еще более глухую и дикую. Но это было бы для нас слишком позорно. Хорошо сделал адмирал Рожественский, что не послушал губернатора и продолжал грузить уголь.

Месяца полтора назад чернокожие дикари, фаны, съели четырех французов, отправившихся в лес за слонами. Известие об этом произвело на матросов потрясающее впечатление. Все начали усиленно смотреть на берег, словно могли увидеть там страшных людоедов.

Глава 7

ЗАПАДНЯ НЕ ОПАСНА, ЕСЛИ О НЕЙ ЗНАЕШЬ

К вечеру 18 ноября эскадра опять пустилась в свой длинный путь. Теперь мы плыли, пересекши экватор, по Южному Атлантическому океану. О следующей нашей стоянке у нас на «Орле» ничего не знали.

На «Камчатке» произошло столкновение между администрацией и рабочими: они кинулись с кулаками на инженера. На транспортах, где команда была вольнонаемная, утомленные кочегары начали отказываться поддерживать пар в котлах. В дальнейшем подобные случаи, вероятно, будут учащаться.

В Габуне очень не повезло крейсеру «Дмитрий Донской». С него был задержан дозорными судами паровой катер в десять часов вечера, тогда как с наступлением темноты и до рассвета всякое сообщение между судами прекращалось. Сейчас же сигналами с флагманского броненосца было приказано арестовать вахтенного начальника на трое суток. В эту же ночь во втором часу была задержана вторая шлюпка с того же крейсера, и на ней, как говорилось в приказе № 158, «три гуляющих офицера: лейтенант Веселаго, мичман Варзар и мичман Селитренников». Оказалось, что они тайком хотели переправить на госпиталь «Орел» сестру милосердия, приехавшую к ним в гости. Эти три офицера без всякого предварительного следствия немедленно были отправлены в Россию для отдачи их под суд. Командиру «Донского», капитану 1-го ранга Лебедеву, был объявлен выговор.

По этому поводу Рожественский выпустил второй приказ от 16 ноября за № 159, где он обрушивается на Порт-Артурскую эска-

дру за то, что она «проспала свои лучшие три корабля» и что теперь армия «стала заливать грехи флота ручьями своей крови».

Дальше в приказе говорилось:

«Вторая эскадра некоторыми представителями своими стоит на том самом пути, на котором так жестоко поплатилась первая.

Вчера крейсер 1-го ранга «Дмитрий Донской» явил пример глубочайшего военного разврата; завтра может обнаружиться его последователь.

Не пора ли оглянуться на тяжелый урок недавно прошедшего.

Поручаю крейсер 1-го ранга «Дмитрий Донской» неотступному надзору младшего флагмана, контр-адмирала Энквиста, и прошу его превосходительство принять меры к скорейшему искоренению начал гнилости в его нравственном организме».

На броненосце «Орел» офицеры были возмущены этим приказом. Как сообщил мне инженер Васильев, в кают-компании произошел такой разговор, от которого адмирал мог бы позеленеть, если бы только это докатилось до его ушей. По его адресу раздавались нелестные голоса:

— Сам не умеет наладить дело, а потом начинает громить других.

— Он превратился в какое-то пугало для эскадры.

— На Порт-Артурской эскадре личный состав в своей подготовке был неплохой.

Но адмиралы никуда не годились. Он бы лучше на них указал.

— Кто бы бросал нам такие упреки, но только не Рождественский! Какие у него самого боевые заслуги в прошлом? Ничего, кроме позорного боя с мирными рыбаками.

Эскадра вышла из штилевой полосы. Подул зюйд-остовый пассат. Небо все время было облачное, навстречу катилась крупная зыбь. Благодаря холодному течению, идущему из Южного Ледовитого океана, температура значительно понизилась.

На броненосце «Орел» везли всякую живность: быков, баранов, свиней, кур.

Верхняя палуба превратилась в скотный двор. Иногда сквозь полудремоту слышал я, как поет петух, хрюкает свинья или заливается на кого-то лаем наш пес Вторник. Неужели я опять попал в родное село? Просыпался с горьким разочарованием.

Хорошо было, когда обед готовился из свежего мяса. Считалось хуже, когда для этого употребляли мороженые туши, принятые с рефрижератора «Esperance».

И совсем невыносимо было, когда переходили на солонину.

Жесткая и дурно пахнущая, осклизлая, с зеленоватым оттенком, она убивала всякий аппетит и возбуждала чувство тошноты. В такие дни многие ходили голодные. Матросы ворчали:

— Самому адмиралу Бирилеву приготовить бы из такой пако-сти обед.

— Снабдил нас добром, чтобы ему в ванне захлебнуться!

Через пять дней, после того как мы оставили Габун, бросили якорь в бухте Большой Рыбы.

Здесь были португальские владения. Более унылое место трудно было представить себе. Низкие холмистые берега Африки были совершенно пустынные, без единого растения, сыпучие пески сливались с далью горизонта. От материка, загибая с юга на север, отходила коса, длинная, не превышающая высотой полутора метров, словно нарочно наметанная волнами моря, и на ней виднелось несколько жалких хижин. Бухта была просторная, довольно глубокая и вполне оправдывала свое название: в ней в изобилии водится южная сельдь и другие сорта рыбы. Может быть, это и привлекло сюда массу морских птиц, несколько оживлявших своим гомоном мертвую пустыню.

Из глубины бухты вышла португальская канонерская лодка, чтобы заявить свой протест против нашей стоянки здесь, но мы все-таки в продолжение двадцати четырех часов грузились углем с немецких пароходов.

Пошли дальше — в германскую колонию Ангра Пеквена.

Через два дня пересекли тропик Козерога и вышли в умеренную климатическую область. Солнце здесь стояло высоко, однако холодное течение воды давало себя чувствовать. Погода часто менялась: ветер то затихал, порхая под ясным небом легким дуновением, то переходил в резкие порывы, нагоняя быстро бегущие облака.

На флагманском броненосце, нервирова командиров кораблей, время от времени появлялись лихие сигналы. По-видимому, Рождественский становился все раздраженнее. Наша плавучая мастерская еще при выходе из Габуна получила предупреждение:

— «Камчатка», передайте старшему механику, что, если при съемке с якоря опять будет порча в машине, переведу его младшим механиком на один из броненосцев.

Ей же в пути был сигнал:

— «Камчатка», девять раз делал ваши позывные и не получил ответа. Арестовать на девять суток вахтенного начальника.

Командующий продолжал:

— «Нахимов», четыре раза делал ваши позывные — и никакого ответа. Арестовать вахтенного начальника на четверо суток.

Достанется всем, пока доберемся до цели.

Любопытно было узнать: неужели и в японском флоте происходит такая же бестолочь, как и у нас?

Однажды вечером я зашел в каюту боцманов. Павликов отсутствовал. Был только боцман Воеводин. Дружба у меня с ним все дольше и больше налаживалась. Нравился он мне своей прямоотой, твердым характером и трезвым взглядом на жизнь. О нем хорошо отзывались и другие матросы — справедливый человек. На этот раз выпили две бутылки вина, которые он достал с немецкого угольщика. Разговорились о допризывной жизни, о крестьянских тяготах, о народной темноте. В селе Собачкове, Рязанской губернии, у него остались жена и дети. Вспомнив о них, боцман склонил коротко остриженную голову и уныло заговорил:

— Чувствую я, брат, что нас разгромят японцы. Подготовлены мы к бою плохо. Порядки на кораблях никуда не годятся. Командует эскадрой бешеный адмирал! Ведь вон что происходило, когда расстреливали рыбаков! Получилось одно безобразие. Нет, похерят нас японцы. Хоть был бы холостой — все-таки легче умирать. А то достанутся дети сиротами и жена вдовой.

Я вполне сочувствовал ему:

— Да, Максим Иванович, поторопился ты жениться. Конечно, там, в селе твоём, будут слезы, страдания. Да и самому, поди, неохота погибать. Но ведь на то и война. Мы тут ничего не можем поделать.

На лице боцмана стянулись мускулы, серые глаза вопросительно остановились на мне:

— А что же, мы должны головы свои сложить? За барыши других?

Пришлось ответить намеками:

— Я слышал, что все дело затеялось из-за корейских концесий. Об этом даже офицеры говорят. Но не всякой болтовне можно верить. Фактов у нас...

Боцман перебил меня:

— Подожди. Каждый раз, как только мы подойдем к серьезному вопросу, ты, словно утка от ястреба, — нырь в воду. Я не ястреб, а ты — не утка. Давай прямо говорить, без хитростей. Ты все знаешь. Недаром на судне тебя считают за политика.

Подавляя внутреннее волнение, я наружно старался быть спокойным.

— Меня за политика? Кто же это считает? Не старший ли офицер?

— А хотя бы и так.

Напряженно заработала мысль, обнаруживая подводные рифы на пути моей жизни.

— Вот что, Максим Иванович! Ты — боцман, а я — баталер первой статьи. Не такая уж большая разница между нами. Это предельные наши чины, выше которых нас больше не произведут. А главное — мы оба из крестьян. Поэтому ты верно сказал: нам нужно без хитрости разговаривать. Ты что знаешь обо мне?

И Воеводин сразу выпалил:

— Следить за тобою приказано.

— Тебе?

— Да.

— Ну, а еще кому?

— Квартирмейстеру Синельникову. Помнишь, я предупреждал тебя относительно его?

— Так... Как же ты доносишь?

— Очень хвалил тебя, иначе и не признался бы.

Из дальнейших разговоров выяснилось, что старший офицер перестал интересоваться мною. Это все были хорошие признаки: значит, и Синельников ничего особенно плохого не мог сказать начальству. С боцманом я уговорился, что отныне он будет сообщать обо мне старшему офицеру только под мою диктовку.

Ночью, лежа на койке, я раздумывал над своим положением. Как все-таки мне подвезло! Передо мною теперь все карты противника были открыты. Можно будет смело начать игру. Обрадованный таким оборотом дела, я ничего не имел против капитана 2-го ранга Сидорова: при чем тут он? Он только выполнял волю командира, а тот в свою очередь получил предписание от жандармского управления. Однако надо на всякий случай еще кое-что придумать. На другой день я отправился в каюту судового священника.

— Батюшка, нет ли у вас книжки «Акафист Божией Матери»? Отец Паисий заулыбался.

— Есть, есть. Неужто любишь... ну, как это... Священное Писание?

— Обожаю, батюшка.

— Очень... ну, как это... одобряю.

Перед обедом, раздавая ром на верхней палубе, я предложил Синельникову, когда он выпил свою чарку:

— Выпей еще и за мой номер...

— Можно?

— Вали!

Я поскорее постарался пообедать и разыскал квартирмейстера Синельникова.

Немного поболтал с ним о кораблях. А потом как бы между прочим сообщил:

— Сегодня одну книжку читал. Ну до чего здорово написано! Прямо слеза прошибла.

— А ты бы дал мне ее почитать.

— Ни за что на свете! Никому не доверю такую книжку. Вслух могу прочитать хоть сейчас.

Квартирмейстер просиял весь, словно открыл клад, и предложил:

— Идем.

Мы спустились в канцелярию. Я закрыл за собою дверь. Потом таинственно предупредил:

— Только никому об этом ни звука. А то среди матросов пойдут разные разговоры. Вот, скажут, что он читает.

Квартирмейстер, вскинув руки, воскликнул:

— Чтобы я да кому-нибудь сказал! Могила!

Я неторопливо достал из ящика стола книжку, раскрыл ее. Синельников следил за каждым моим движением и, ощущая близость счастья, торжествовал.

Чувствовалось, как он сгорает от нетерпения, дергая свои реденькие усы. Я начал читать «Акафист Божией Матери» и, глядя на своего слушателя, едва сдерживался, чтобы не расхохотаться. Если бы какому-нибудь человеку вместо купленной коровы незаметно подсунули кошку, то и в таком случае он не был бы удивлен больше, чем Синельников. На лице его выразилось сплошное недоумение.

Минут пять он слушал, разинув рот, ничего не понимая, и, как сыч, тараща на меня глаза. Потом вдруг вскочил, словно его ужалила оса, и разразился гневом:

— Я думал, ты и вправду умный человек, а ты — идиот и книжки читаешь идиотские!

С матерной бранью он выскочил из канцелярии и хлопнул дверью.

В этот же вечер боцман Воеводин отправился в каюту старшего офицера и, доложив капитану 2-го ранга Сидорову о разных судовых делах, прибавил:

— Вот еще насчет баталера Новикова, ваше высокоблагородие.

— Говори, — как всегда, строго приказал Сидоров.

— Я за ним все время слежу и даже много с ним беседую. Парень он, как и раньше вам докладывал, вполне верный и преданный службе. А политикой от него даже и не пахнет.

Старший офицер одобрительно закивал головою:

— Ну, тем лучше. Я с первого же раза определил его, ничего в нем подозрительного нет.

— Одно только в нем плохо, ваше высокоблагородие: если рассердится, то делается вроде полоумным. В такой момент ему сам адмирал нипочем, и может бед натворить.

— Каких это бед?

— Порешить человека может.

— То есть как это — порешить?

— С финкой ходит. Недавно, как мне рассказывали, с одним машинистом заспорил. К сожалению, я не узнал фамилию того. Машинист говорит, что нас разобьют японцы, а Новиков доказывает ему наоборот. Слово за слово — оба распалились. Баталер выхватил из кармана финку — и на машиниста. Хорошо, что машинист успел убежать. А то было бы на судне убийство.

Старший офицер вдруг рассердился:

— Черт знает что такое! Наприсылали нам субъектов — либо штрафных, либо головорезов! Вот теперь изволь с таким элементом управлять кораблем!

— Да Новиков-то, ваше высокоблагородие, ничего. Таких бы нам побольше матросов, так была бы одна благодать. Если его не задевать, он смиреннее всякой овцы. Из него можно какие угодно концы крутить.

Старший офицер опять закивал головою и с миром отпустил боцмана.

В общем, как теперь выяснилось, первое впечатление о нем подтвердилось: он больше кричит и угрожает, но мало наказывает матросов. А если кого и сажает в карцер, то лишь в тех случаях, когда нельзя поступить иначе.

Правда, он побаивался штрафных и особенно «политических», но не только этим одним можно было объяснить его снисходительное отношение к команде.

По-видимому, под грозной его внешностью в нем все-таки билось доброе сердце.

Глава 8

НАШИ ОФИЦЕРЫ

На рассвете 28 ноября эскадра стала видна у возвышенностей, окружающих бухту Ангра Пеквена. Но так как в этой мало исследованной и незнакомой местности трудно было ориентироваться, то пришлось остановиться и выслать вперед разведку. Погода была скверная. По океану, примчавшись с холодного юга, свирепствовал шторм, доходивший временами до десяти баллов. Корабли,

качаясь на волне, рвали серую, слоисто колыхающуюся пелену облаков. Кривая полоса берега подернулась мглой. Поэтому только во втором часу дня с большими предосторожностями мы вошли в бухту. Стоянка здесь оказалась скверной. Три скалистых утеса, круто поднимавшихся прямо из глубины моря, плохо защищали нас от зыби и ветра.

На броненосце «Орел» случилось несчастье. Хотя в тот момент, когда нужно было бросить якорь, на корабле застопорили машину, но железная громадина в пятнадцать тысяч тонн продолжала двигаться по инерции вперед. Правый якорный канат не выдержал такой тяжести и лопнул. На мостике поднялась суматоха: что теперь будет от адмирала? Командир Юнг завопил не своим голосом:

— Ход назад! Стоп! Отдать левый якорь!

А правый якорь, потерявшись где-то на дне, утащил за собою и сорок пять сажен каната.

Офицеры и команда все больше убеждались, что командир, в прошлом прекрасный «марсофлотец», плохо чувствовал современный броненосец.

Немецкая местная власть отнеслась к нам более благосклонно. Она ничего не имела против нашей стоянки. По-видимому, Германия не очень-то считалась с мнением Японии и Англии.

Транспорты и крейсера из-за недостатка места в бухте держались в открытом море. Трепало их там ужасно. Ночью небо прояснело, стало тише. Утром хотели было приступить к погрузке, но ветер снова засвежел. Следующий переход у нас должен быть большой — вокруг мыса Доброй Надежды и до острова Мадагаскар, без захода в другие порты. Топлива потребуется много.

Три дня с гулом и свистом куролесил шторм, три дня мы провели впустую, любуясь лишь суровыми берегами с крайне скудной растительностью, пока вдруг не водворилась тишина. С четырех часов утра принялись за работу, а в семь вечера уже пошабашили, приняв около девятисот тонн угля. Кроме того, у нас еще оставалось его от прежней погрузки тысяча четыреста тонн.

У нас на «Орле» прапорщик Т. сошел с ума. Это был мужчина лет сорока сильный и решительный, прошедший страшную школу морской жизни. В моряки он попал еще мальчиком и много плавал матросом на иностранных кораблях.

Наконец он пробил себе дорогу — дослужился до капитана и командовал парусником. Куда его только не забрасывала судьба, какие только моря и океаны не качали его на своих волнах! И вдруг такой человек свихнулся разумом. Он начал заговариваться и нести всякую несуразность, то безнадежно рыдая, то отчаянно